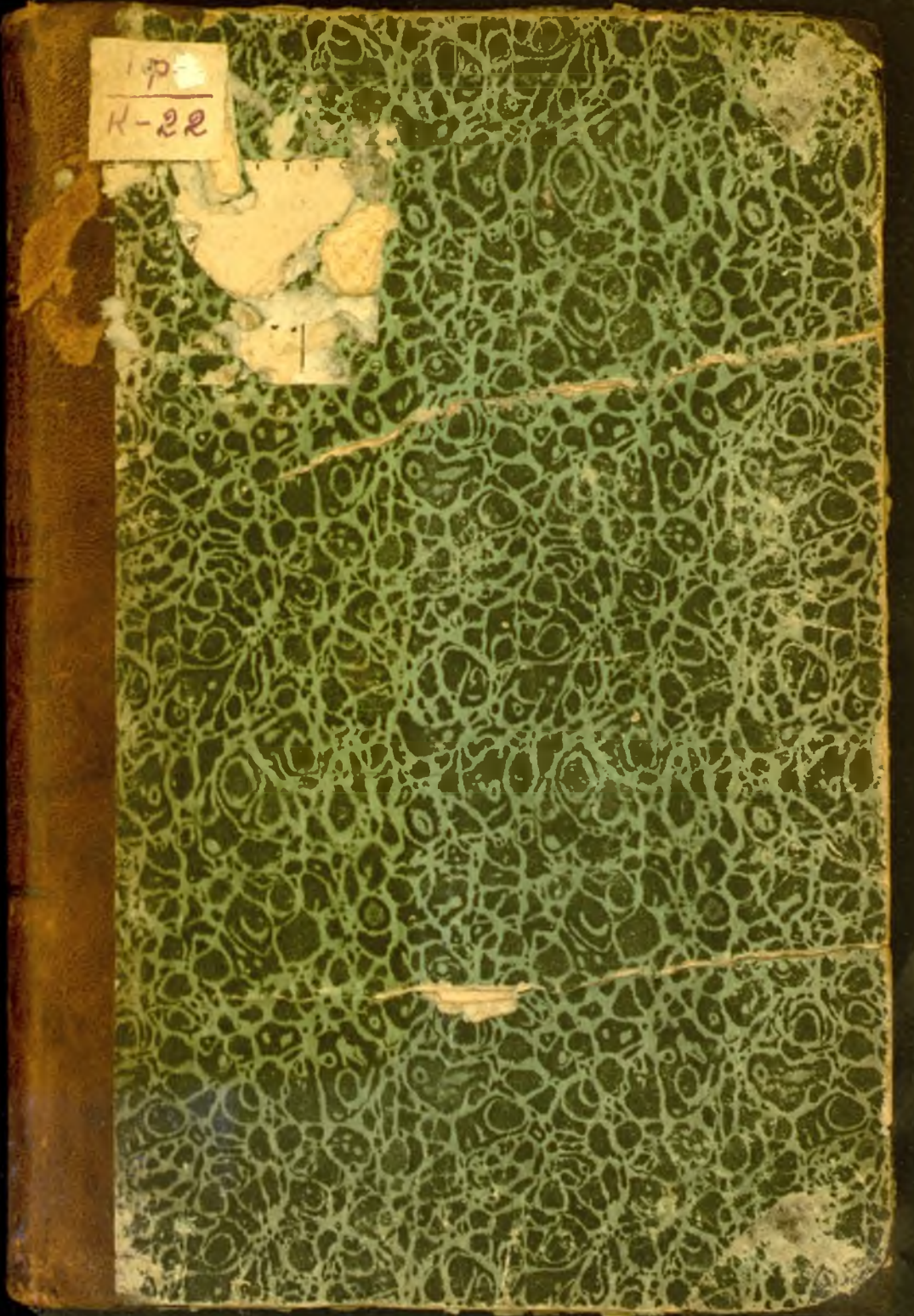

17
H-22

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ориентальной рукописной коллекции

№ Хронологич. Филонит. 580

№ Систематич. классификации

№ Формы хранения

Инициалы

История

Место хранения

Handwritten notes:
1894 № 2015
№ 222 Кавказские
Материалы, описанные в 1894 г.
1894 г. № 1106. 7. 11.

ՊԵՏԻ ՏՅՈՒՄՆԵ

ԱՐԱՌՈՒԷ

(XVIII).

Երևանի կրթության նախարարության հանձնարարությամբ հրատարակված է Ստեփան Գևորգյանի «Պետի տյումն» (Պետի տյումն) անվան գիրքը, որը հանդիսանում է 18-րդ դարի հայկական գրականության հարուստ արձանագրություն:

Նշանակալից
— Երևանի կրթության նախարարության հանձնարարությամբ հրատարակված է Ստեփան Գևորգյանի «Պետի տյումն» (Պետի տյումն) անվան գիրքը, որը հանդիսանում է 18-րդ դարի հայկական գրականության հարուստ արձանագրություն:

Ստեփան Գևորգյանի «Պետի տյումն» գիրքը հանդիսանում է 18-րդ դարի հայկական գրականության հարուստ արձանագրություն:

1 ф 11
дчк к-22
ка

✓
K-22 Чоб

Н. КАРБЕВЪ.

ПБФ

Служебный
каталог

Школа II ступени
Получено " 19
Цена 20 коп.
ИЗДАНИЕ

МЫСЛИ

О СУЩНОСТИ ТАНИНА

ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

47/47

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
БИБЛИОТЕКИ
ГОГОЛЯ
ОТДЕЛЕНИЕ

№ 1 1802

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюльвича, Вас. Остр., 5 лив., 28.

1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Вмѣсто предисловія	v
I. Нравственность и общественная дѣятельность	1
II. Цѣль жизни и жизненное призваніе	27
III. Общее благо, какъ цѣль общественной дѣятельности	50
IV. Творчество и осуществленіе общественныхъ идеаловъ	80
V. Идеальныя требованія отъ общественнаго дѣятеля.	107
VI. Необходимыя условія общественной дѣятельности	138

Вмѣсто предисловія къ этой книжкѣ, я считаю не лишнимъ еще разъ вернуться къ вопросу объ историческомъ образованіи, которое, конечно, весьма важно для всякаго общественнаго дѣятеля, что, между прочимъ, и отмѣчено въ текстѣ книжки. Хотя объ этомъ предметѣ мнѣ и приходилось писать довольно часто ¹⁾, послѣднее обстоятельство не устраняетъ возможности опять коснуться той же темы, разъ именно то, чтò я недавно говорилъ о значеніи историческаго образованія, вызвало замѣчанія со стороны, и разъ замѣчанія эти могутъ имѣть болѣе или менѣе близкое отношеніе къ вопросамъ, затронутымъ въ настоящей книжкѣ.

Замѣчанія, давшія поводъ къ написанію дальнѣйшихъ страниць, предпосылаемыхъ мною уже напечатанному тексту книжки, принадлежатъ Н. К. Михайловскому и изложены имъ въ статьѣ „Литература и жизнь“, помѣщенной въ № 9 „Русскаго Богатства“ за этотъ годъ, и заключающей въ себѣ разборъ нѣкоторыхъ взглядовъ, выска-

¹⁾ Двѣ статьи „Объ общемъ значеніи историческаго образованія“, помѣщенныя въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“, глава VI „Писемъ о самообразованіи“, глава VII „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“ и статья „Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія“ (въ „Сборникѣ для содѣйствія самообразованію“).

занных мною въ „Письмахъ о самообразованіи“, „Бесѣдахъ о выработкѣ міросозерданія“ и статьѣ „Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія“.

Мой критикъ не разъ упрекаетъ меня, что въ названныхъ книжкахъ и статьѣ я слишкомъ мало останавливаюсь на нѣкоторыхъ вопросахъ первостепенной важности. Я дѣлалъ это, однако, вполне сознательно, такъ какъ моимъ намѣреніемъ было разработать такіе пункты — и все для тѣхъ же читателей — въ отдѣльныхъ книжкахъ или статьяхъ. Одинъ изъ пробѣловъ критикъ отмѣчаетъ въ томъ, что я не поставилъ „съ верховенствомъ принципа историзма“, какъ онъ выражается, на очную ставку другого принципа, который самъ же провозглашаю, принципа обязанности вѣрять въ безусловность нѣкоторыхъ положеній (стр. 88—89). Вопросу объ обязательности признанія извѣстныхъ истинъ, о нравственномъ нашемъ долгѣ и безусловности нравственныхъ истинъ (между прочимъ и положеній съ чисто общественнымъ содержаніемъ) я посвятилъ большую часть своихъ „Мыслей о происхожденіи нравственности“, которыя не могли быть извѣстными г. Михайловскому, когда онъ писалъ свои замѣчанія. Но ему зато, какъ самъ онъ говоритъ, знакома моя литературная фізіономія, и уже изъ того, что было написано мною за послѣднее время и подверглось его разбору, онъ могъ узнать, что я, какъ не-объективистъ (это имъ самимъ отмѣчено на стр. 95), никоимъ образомъ не раздѣляю взгляда, по которому такъ называемая объективная наука, говорящая о томъ, что есть, какъ оно есть, должна быть алфой и омегой человѣческой мудрости. Если бы я раздѣлялъ такой взглядъ, лишь въ такомъ случаѣ я могъ бы стоять „исключительно (курсивъ мой) на исторической или эволюціонной точкѣ зрѣнія“, говоря словами моего критика (стр. 89), т.-е.

на точкѣ зрѣнія, при исключительномъ господствѣ которой, конечно, и рѣчи не могло бы быть о чемъ-либо „неизмѣнномъ, неизблемомъ, безусловномъ“ въ области идей, объ истинномъ и справедливомъ, разъ людскія понятія постоянно измѣняются, и то, что вчера считалось истиннымъ и справедливымъ, отмѣняется сегодня, а сегодняшнее міросозерцаніе отживетъ завтра. Къ счастью для себя, я, кажется, нигдѣ не говорилъ объ исключительно исторической точкѣ зрѣнія или исключительно историческомъ отношеніи къ міру мысли и міру жизни. Мало того: во многихъ мѣстахъ разбираемыхъ г. Михайловскимъ книжекъ у меня прямо говорится о недостаточности вообще какого бы то ни было чисто объективнаго, научнаго или теоретическаго отношенія, однимъ изъ видовъ коего является отношеніе историческое, къ явленіямъ личной и общественной жизни человѣка, и вездѣ говорится при этомъ, что къ личности и обществу мы должны относиться и этически. Между вещами и людьми въ „Бесѣдахъ“ я въ томъ и полагаю разницу, что къ первымъ наше отношеніе можетъ быть или теоретическимъ, или эмоціональнымъ, или утилитарнымъ, тогда какъ ко вторымъ мы можемъ стоять во всѣхъ этихъ отношеніяхъ *плюсъ* въ отношеніи этическомъ. Самъ критикъ приводитъ (на стр. 83), напр., мои слова: „къ народу слѣдуетъ относиться этически и научно, а научно—значить исторически“. Его смущаетъ въ приведенной фразѣ отождествленіе научнаго съ историческимъ, но въ данномъ случаѣ научность отношенія къ народу я полагаю въ историчности, имѣя въ виду разныя ненаучныя воззрѣнія, которыя потому и ненаучны, что не считаются съ исторіей. Во всякомъ случаѣ важно указаніе на то, что къ народу нужно, по моимъ словамъ, относиться не только исторически, но и этически. Значить, о рекомендаціи мною исключительно исторической точки зрѣнія не должно

было бы и возникать подозрѣнія. Я не говорю даже ни-гдѣ объ исключительно научной или чисто теоретической точкѣ зрѣнія вообще, такъ какъ придаю весьма важное значеніе этическому отношенію, въ коемъ и вижу сущность защищаемаго мною субъективизма въ отличіе отъ объективизма, не считающагося съ идеей должнаго. Почему же г. Михайловскій называетъ историзмъ моимъ кореннымъ принципомъ (стр. 88), неразъ приписываетъ ему въ моихъ мысляхъ верховенство (стр. 82, 83, 87, 88 и др.), говоритъ о моемъ предположеніи сдѣлать изъ исторіи „царицу міра“ (стр. 88), „воздвигнуть ей всемірный тронъ“ (стр. 89)? Итакъ, я, во-первыхъ, признаю не одно научное (историческое) отношеніе къ міру людскихъ дѣлъ и отношеній, но и этическое, а во-вторыхъ, и самое отношеніе научное, нужно прибавить, не всегда непременно отождествляю съ отношеніемъ историческимъ. Вѣдь и г. Михайловскому извѣстно, что я „отнюдь не желаю вытѣснить теоретизмъ историзмомъ“ (стр. 88), т.-е. во имя исключительно историческаго изученія изгнать всякія чисто теоретическія изслѣдованія объ общихъ законахъ явленій, взятыхъ совершенно отвлеченно, не приуроченныхъ къ извѣстнымъ времени и мѣсту. По всей вѣроятности, поводъ заподозрить меня въ томъ, что я желаю сдѣлать изъ исторіи верховную царицу міра и воздвигнуть ей всемірный тронъ, г. Михайловскому дала статья „Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ“; но вотъ и тамъ что говорится: „я ставлю вопросъ о томъ, нельзя ли было бы какимъ-нибудь образомъ концентрировать всю широкую область самообразовательнаго чтенія около исторіи. Я думаю, что сдѣлать это можно. Конечно, я не стану, однако, утверждать, что такая концентрація есть иѣчто единственно возможное и потому общеобязательное“¹⁾. Отсюда, разумѣется, далеко и до

¹⁾ Сборникъ для содѣйствія самообразованію, стр. 57.

приписываемой мнѣ надежды на то, что моя „излюбленная наука въ непродолжительномъ времени окончательно займетъ центральное мѣсто („всемирный тронъ“?) въ системѣ наукъ“ (стр. 82). Если, однако, самъ я ничего не знаю о „верховой руководящей роли исторіи“, то многія мои мысли, касающіяся все той же исторіи, вовсе и не суть, какъ представляются они г. Михайловскому, „ограниченія“, мною самимъ „полагаемыя“ для указанной роли и существующія яко бы „по собственному призванію“ такого-то (т.-е. моему). Ограниченіи я никакихъ не полагалъ, ибо мнѣ и ограничивать-то было нечего, разъ я и не думалъ объ исключительномъ верховенствѣ историзма.

Къ счастью, мы, кажется, вполне соглашаемся относительно „громаднаго значенія исторіи для общаго образованія“, ея „огромнаго воспитательнаго значенія“ (стр. 81), или, какъ мой критикъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 87), относительно „великой образовательной роли исторической науки“. Онъ не соглашается съ мыслью о верховной роли исторіи, но и я съ подобною мыслью не согласился бы, если бы кто-либо ее сталъ высказывать, — и самъ сталъ бы полагать такому тезису ограниченія, которыя устранили бы чрезмѣрныя притязанія исторіи. И въ этомъ отношеніи мы, значить, можемъ быть согласны. Мой критикъ только боится того, что Ницше называетъ „чрезмѣрностью исторіи“, *Uebermass der Geschichte* (стр. 87). Я когда-нибудь разсмотрю опасенія Ницше, касающіяся того вреда, какой эта „чрезмѣрность“ несетъ съ собою для Германіи, его родины. Во всякомъ случаѣ, чего-чего, а ужъ „чрезмѣрности“ историческаго образованія намъ, русскимъ, опасаться нечего. Напротивъ того, исторія у насъ и въ школѣ, и въ практикѣ самообразованія не въ особенномъ авантажѣ обрѣтается. Вотъ это самое обстоятельство или, по крайней мѣрѣ, мое убѣ-

ждевіе въ томъ, что у насъ мало и плохо учатся исторіи, и заставляетъ меня усиленно доказывать важность историческаго образованія. Думаю, что при этомъ мнѣ не приходится ломиться въ открытую дверь. Полагаю также, что я не хватаю и черезъ край: вѣдь кромѣ историческаго образованія, я рекомендую и многое другое—философію, естествознаніе, психологію, соціологію, политическую экономію, общую теорію права, политику, защищая притомъ законность теоретизма отъ исключительнаго господства историческаго метода ¹⁾).

Все, что было мною до сихъ поръ сказано, имѣло цѣлью устранить невѣрную мысль критика, будто я высказываюсь за исключительное верховенство принципа историзма. Разъ этого нѣтъ, легко „совмѣстить“ (стр. 88) принципъ историзма, принятый въ ограниченномъ (а не исключительномъ смыслѣ), съ незыблемостью идей объ истинномъ и справедливомъ. Это—первое недоумѣніе г. Михайловскаго. Съ нимъ связано и второе недоумѣніе: критикъ спрашиваетъ—по поводу, впрочемъ, не моихъ, но мною приведенныхъ чужихъ словъ,—въ какомъ смыслѣ „историческое отношеніе къ жизни“ противоплагается „моральному и политическому воспитанію“ (стр. 85). Это уже близко касается темы, затронутой не въ одномъ мѣстѣ книжки, вмѣсто предисловія къ коей будутъ служить эти мои разъясненія. Въ-третьихъ, г. Михайловскій замѣчаетъ, что „мнѣ не удалось съ достаточною опредѣленностью установить отношенія волюнтаризма (т.-е. психологическаго направленія, выдающаго въ волѣ основу психической жизни) къ принципу историзма“, который и тутъ (стр. 90) еще разъ получаетъ эпитетъ

¹⁾ Последнее по отношенію къ политической экономіи даже специально было мною высказано въ одной статьѣ, помѣщенной въ II т. „Историческаго Обзорнія“.

„верховнаго“. И этотъ пунктъ стоитъ весьма близко къ вопросу объ общественной дѣятельности. Я и буду теперь говорить объ этихъ трехъ пунктахъ.

Г. Михайловскій самъ цитируетъ (стр. 88) такое мѣсто изъ моихъ „Писемъ“: „точка зрѣнія эволюціи есть ученіе объ относительности всего существующаго и объ относительности нашихъ знаній. Среди этого измѣненія, этого движенія, этой относительности остаются неизблѣмыми, неизмѣнными и безусловными лишь идеалы истинны и справедливости“. Разъ я не стою исключительно на исторической точкѣ зрѣнія, не считаю историзма верховнымъ и единственно руководящимъ принципомъ мысли и жизни, такъ я и не отрицаю правъ логики и *этики* (подчеркиваю послѣднее слово) быть судьями въ вопросахъ объ истинности и справедливости тѣхъ или другихъ идей, развивавшихся и смѣнявшихся въ исторіи; я имѣлъ право сдѣлать такое различіе, да и самъ почтенный критикъ, насколько я знакомъ съ его міросозерцаніемъ, признаетъ и принципъ эволюціи съ разными вытекающими изъ него положеніями, и неизблѣмость идеаловъ истины и справедливости. Весь вопросъ въ томъ, какъ „совмѣстить“ (стр. 88) одно съ другимъ. Г. Михайловскій, повидимому, судя именно по тѣмъ словамъ его, которыя будутъ сейчасъ приведены, полагаетъ, что одно отношеніе (историческое) я считаю пужнымъ примѣнять къ прошлымъ временамъ, другое же (принципіальное, что ли) примѣняю къ настоящему. „Если мой умъ, говоритъ именно г. Михайловскій, воспитался исключительно на исторической или эволюціонной точкѣ зрѣнія, утверждающей неустанную смѣну всѣхъ вещей... и всѣхъ понятій объ истинномъ и справедливомъ..., кто или что обяжетъ меня признать *одинъ моментъ* (курсивъ нашъ), одну подробность этой необъятной картины движенія чѣмъ-то неизблѣмымъ? Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ онъ, этого не можетъ сдѣ-

лать принципъ историзма. И если г. Карѣевъ считаетъ нужнымъ *выдѣлить настоящій моментъ съ его злобами дня и установить къ нему особое отношеніе*, то оно не можетъ быть историческимъ“ (стр. 89). Кто и что обязываетъ? спрашиваетъ г. Михайловскій. Но вѣдь у меня и отвѣтъ данъ въ словахъ, приведенныхъ самимъ же критикомъ: обязываетъ разумъ и совѣсть, обязываютъ логика и этика, а, конечно, не принципъ эволюціи или историзма, который касается только того, что есть, какъ оно есть или было, а не того, что должно быть. Вотъ и самыя мои слова на этотъ счетъ: „и наше міросозерцаніе есть продуктъ исторической эволюціи и отличается относительностью знанія; но если оно соотвѣтствуетъ нашему пониманію истины и справедливости, оно получаетъ для насъ силу подлиннаго знанія, удовлетворяющаго нашъ умъ, и вѣры, удовлетворяющей нашу совѣсть“. Такимъ образомъ, все дѣло въ удовлетвореніи нашего ума и нашей совѣсти, а это удовлетвореніе по общему смыслу *всей* моей аргументаціи должно быть просвѣтленнымъ логикой и этикой, изслѣдующихъ пезыблемые принципы правды и добра. Если извѣстныя идеи я выдѣляю изъ массы всѣхъ идей, какія только высказывались на всемъ протяженіи исторіи, и становлюсь къ нимъ въ особое отношеніе, т.-е. признаю ихъ неизмѣнными, пезыблемыми, безусловными, то, конечно, не потому, что это мои идеи, а потому, что ихъ оправдываютъ логика и этика, не потому, что это—идеи моего времени, т.-е. „настоящаго момента съ его злобами дня“, а потому, что во всѣ времена эти идеи были бы истинны и справедливы, такъ какъ истинность ихъ и справедливость зависятъ не отъ того, что въ тѣ или другія эпохи люди до нихъ додумались. Если я что-либо и на основаніи чего-либо „выдѣляю“ для „особаго отношенія“, то это никакъ не „настоящій моментъ съ его злобами дня“ и не на осно-

ваніи принципа историзма, а именно тѣ мысли, которыя имѣють логическія и этическія основанія, когда бы и гдѣ бы онѣ ни высказывались. Настоящее я даже не имѣю никакого права выдѣлять изъ всего теченія времени, а потому и къ нему, какъ и къ прошлому, долженъ относиться исторически, поскольку оно есть лишь моментъ въ исторической эволюціи; но кромѣ историческаго отношенія я требую и къ настоящему, и къ прошлому отношенія принципиальнаго, въ частности этическаго, которое и есть субъективизмъ, всегда защищавшійся самимъ г. Михайловскимъ, въ чемъ мы, какъ ему извѣстно, сходимся. Какъ логика была бы невозможна безъ признанія безусловной вѣрности законовъ разума, такъ и этика была бы немислима безъ признанія незыблемости нѣкоторыхъ началъ духовной природы человѣка. Въ „Мысляхъ объ основахъ нравственности“ я, между прочимъ, и старался выяснитъ, въ какомъ смыслѣ мы имѣемъ право говорить о безусловности этическихъ истинъ. Итакъ, я выдѣляю и становлюсь въ особое отношеніе не къ современному міросозерцанію, которое притомъ и пельзя мыслить, какъ нѣчто цѣльное и однородное, и въ коемъ потому сталяиваются между собою разныя мысли разныхъ людей, и истинныя, и ложныя, и хорошія, и дурныя, но выдѣляю и становлюсь въ особое отношеніе ко всему разумному и нравственному въ міросозерцаніи всѣхъ людей, всѣхъ народовъ, всѣхъ временъ, осуждая вмѣстѣ съ тѣмъ все ложное и дурное, кѣмъ бы, гдѣ бы, когда бы оно ни высказывалось. И г. Михайловскій не станетъ спорить, что открытіе истины и справедливости, какъ сказано мною въ приведенномъ на стр. 88 мѣстѣ моихъ „Писемъ“, „началось съ первыми шагами исторіи и совершалось въ исторической эволюціи міросозерцаній“. Эволюція эта началась давно и будетъ продолжаться до скончанія вѣковъ существованія человѣчества на землѣ: выдѣлять изъ нея

настоящій моментъ нѣтъ поэтому никакого основанія, а потому мой почтенный критикъ напрасно думаетъ, будто я считаю нужнымъ это сдѣлать. Настоящему моменту или современному міросозерцанію я не могу приписывать безусловнаго преимущества передъ всѣмъ прошлымъ въ пониманіи истины и справедливости. Процессъ открытія того, что можетъ человѣкъ узнать и какъ долженъ онъ жить, не закончился и не можетъ закончиться, пока живо человѣчество. И вотъ поэтому въ томъ же все мѣстѣ моихъ „Писемъ“, которое разбираетъ г. Михайловскій, и сказано, что мы не обладаемъ знаніемъ идеаловъ истины и справедливости, но только къ нимъ стремимся, вѣря въ то, что есть истина и есть справедливость. Сказать, что въ нашемъ міросозерцаніи уже даны вся истина и вся справедливость, значило бы стать на чисто догматическую точку зрѣнія, которая, по моему мнѣнію, одинаково противорѣчитъ и принципу историзма, и принципамъ логики и этики. Г. Михайловскій спрашиваетъ: „во что же мы обязаны вѣрить? въ истинность и справедливость нашего міросозерцанія? или же мы не обладаемъ знаніемъ истины и справедливости, а только еще стремимся къ нимъ и должны вѣрить, что гдѣ-то *есть* таковыя, но открываются онѣ въ исторической постепенности“. Сказать человѣку: „ты обязанъ вѣрить въ свое міросозерцаніе“ — значило бы, однако, или дать ему совсѣмъ лишній приказъ (каждый и безъ того въ свое міросозерцаніе вѣритъ), или внушить ему худшій изъ догматизмовъ. Было бы такимъ же догматизмомъ и утверждать, что мы уже обладаемъ знаніемъ истины и справедливости: нѣтъ, мы только стремимся къ ихъ обладанію, но этого стремленія не было бы, если бы мы не *открыли*, что таковыя должны быть, т.-е. что есть (не „гдѣ-то“, какъ говоритъ иронически г. Михайловскій) нѣкоторыя общія основанія для отличенія истиннаго отъ ложнаго, справедливаго отъ несправедли-

ваго. И развѣ эти основанія не открываются человѣчеству въ исторической постепенности, благодаря работѣ человѣческихъ разума и совѣсти, безъ которой эволюція міросозерцаній, дѣйствительно, могла бы быть предметомъ исключительно одного историческаго отношенія?

Не проновѣдуя исключительно историческаго отношенія къ міру мысли, съ другой стороны, я нахожу, однако, что и безъ историческаго отношенія къ этому міру обойтись нельзя. Нѣкоторые мои резоны цитируются самимъ г. Михайловскимъ. Догматическое отношеніе къ своимъ идеямъ прежде всего разрушается широкимъ историческимъ образованіемъ съ критикою всѣхъ идей, съ которыми мы знакомимся историческимъ путемъ, не отдѣляя въ этомъ отношеніи идей, имѣющихъ ходъ въ наше время, отъ идей, высказывавшихся раньше. Кромѣ того, идеи моральныя и соціальныя нельзя брать оторванными отъ жизни, ихъ породившей, и не зная тѣхъ результатовъ, какіе давало ихъ примѣненіе къ жизни ¹⁾. Обо всемъ этомъ, впрочемъ, я говорилъ уже много раньше, и многое, чтѣ можно сказать еще, касается одинаково вопроса объ историческомъ отношеніи къ жизни, составляющемъ предметъ другого недоумѣнія почтеннаго критика.

Въ одномъ мѣстѣ своей статьи г. Михайловскій говоритъ, что не уяснилъ себѣ смысла, въ какомъ я употребляю выраженіе „историческое отношеніе къ жизни“ (стр. 85). Въ другомъ мѣстѣ онъ заявляетъ, что я требую историческаго отношенія *къ жизни* (курсивъ г. Михайловскаго). Оба раза онъ сопоставляетъ это понятіе съ идеей моральнаго и политическаго воспитанія, догады-

¹⁾ Самъ же г. Михайловскій говоритъ: „есть области знанія, истины которыхъ даже не могутъ быть поняты надлежащимъ образомъ безъ знакомства съ соотвѣтственными историческими фактами или съ тѣмъ историческимъ путемъ, которымъ онѣ вырабатывались“ (стр. 81).

ваясь, какъ замѣчаетъ онъ въ первомъ случаѣ, что одно другому „въ извѣстномъ смыслѣ противопологается“. Постараюсь уяснить смыслъ, придаваемый мною выраженію „историческое отношеніе къ жизни“, и остановлюсь вмѣстѣ съ тѣмъ на высказанной критикомъ догадкѣ.

Когда я говорю объ историческомъ отношеніи къ жизни, я имѣю, конечно, въ виду не то дѣятельное отношеніе, которое есть не историческое отношеніе къ жизни, а самое участіе въ ходѣ историческихъ событій. Объ этомъ участіи еще рѣчь впереди, когда дѣло дойдетъ до „историзма“ и „волунтаризма“, а пока будемъ говорить о недѣятельномъ, положимъ, о созерцательномъ отношеніи къ жизни. Одинъ изъ видовъ послѣдняго представляетъ изъ себя отношеніе этическое—предъявленіе жизни (въ теоріи) идеальныхъ требованій и оцѣнка ея явленій съ точки зрѣнія этихъ требованій. Мало, однако, желать того или другого отъ жизни, ее нужно еще знать,—знать не только то, чтѣ должно быть, но и то, чтѣ такое она есть. Это знаніе и пониманіе жизни,—знаніе, конечно, научное, а не простое умѣніе жить и дѣйствовать,—немыслимо безъ помощи исторіи, безъ ея фактическаго матеріала, включающаго въ себя и явленія современности, которая есть только одинъ изъ моментовъ процесса, и безъ пользованія тѣмъ методомъ, который научаетъ насъ правильно разбираться въ явленіяхъ прошлаго, т. е. безъ примѣненія научнаго метода исторіи къ пониманію настоящаго. Объ этомъ я очень подробно говорилъ уже во второй статьѣ „Объ общемъ значеніи историческаго образованія“, помѣщенной въ моихъ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“, но самое существенное изъ моей аргументаціи повторено и въ VI главѣ „Писемъ о самообразованіи“, начиная со словъ: „И въ правильное отношеніе къ міру жизни можетъ насъ поставить только историческое образованіе“. Коротко дѣло вотъ въ чемъ. Желаяо-

щему дѣйствовать на общество нужно знать, во-первыхъ, что такое общество вообще, и какъ оно измѣняется, а во-вторыхъ, данное общество. Современное понятіе объ обществѣ есть историческое, эволюціонное, и лишь исторія можетъ воспитывать въ насъ пониманіе того, какъ происходитъ историческій процессъ. Знакомясь съ прошлымъ подъ руководствомъ науки, мы воспитываемъ въ себѣ историческій смыслъ, который есть въ то же время и жизненный смыслъ. Перенесеніе приемовъ исторической науки въ публицистику и въ общественную дѣятельность можетъ быть только полезно и для пониманія современности, и для воздѣйствія на нее. Кто привыкъ судить научнымъ образомъ о жизни вообще, тотъ переноситъ эту привычку и въ сужденія о современности, а отъ такого или иного направленія нашихъ сужденій зависитъ и наша дѣятельность. Кто хочетъ сознательно относиться къ своей жизни, тотъ не можетъ не поставить себѣ вопроса, какую онъ роль играетъ въ исторіи, и т. д. Все это почти дословно выписано изъ „Писемъ“, и вотъ это-то и называется у меня историческимъ отношеніемъ къ жизни. Понятно, что я въ „Письмахъ“ и привѣтствовалъ московскихъ преподавателей исторіи, именно такъ понявшихъ цѣль историческаго образованія. Очевидно, однако, что не въ иномъ вообще смыслѣ понимаетъ и самъ г. Михайловскій „огромное воспитательное (слово принадлежитъ самому ему) значеніе исторіи“, когда, напримѣръ, говоритъ такъ: „изученіе исторіи въ широкомъ смыслѣ этого слова, хотя бы и въ примѣненіи къ какому-нибудь частному вопросу, можетъ... внушить намъ истинное понятіе о размѣрѣ нашихъ силъ, болѣею частью, конечно, очень скромныхъ (стр. 81). Точнымъ образомъ оцѣнить весь этотъ необозримо-длинный и невообразимо-трудный путь—невозможно, но даже смутное представленіе о немъ

должно способствовать правильной оцѣнкѣ нашихъ силъ и нашихъ дѣлъ“ (стр. 82). Правильное пониманіе размѣра этихъ силъ, даваемое, какъ справедливо полагаетъ г. Михайловскій, историческимъ образованіемъ, есть только одно изъ желательныхъ проявленій того историческаго отношенія къ жизни, о которомъ мнѣ пришлось говорить. Въ этомъ смыслѣ и должно быть понято, почему цѣлью преподаванія исторіи въ средней школѣ московскіе педагоги, на коихъ я сослался въ „Письмахъ“, признали развитіе въ учащихся историческаго отношенія къ жизни. Въ томъ же смыслѣ, напр., сказано мною (что было, какъ мы видѣли, цитировано критикомъ), что къ народу нужно относиться этически и научно, т.-е. исторически.

Г. Михайловскій „догадывается, что это историческое отношеніе къ жизни въ извѣстномъ смыслѣ противопологается моральному и политическому воспитанію, которое, дескать, отнюдь не должно быть цѣлью, хотя бы и второстепенною, преподаванія исторіи“ (стр. 85). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что я (конечно, во имя историческаго отношенія къ жизни) „отклоняю моральное и политическое воспитаніе, какъ цѣль преподаванія исторіи“ (стр. 87). Это совершенно вѣрно. Московскіе преподаватели исторіи, о коихъ шла рѣчь, выставили такой тезисъ, мною цѣликомъ и приведенный въ „Письмахъ о самообразованіи“: „что касается воспитанія моральнаго и политическаго посредствомъ историческаго преподаванія, то оно никонимъ образомъ не можетъ быть поставлено цѣлью, хотя бы и второстепенною, а должно быть разсматриваемо, лишь какъ естественный результатъ всякаго разумнаго преподаванія исторіи“¹⁾. Я охотно подписался бы подъ этимъ

¹⁾ Замѣчу, что подобная мысль формулировалась недавно и на одномъ изъ нѣмецкихъ съѣздовъ историковъ.

тезисомъ, и въ „Письмахъ“ объяснилъ, почему считаю его совершенно вѣрнымъ. Если бы цѣлью преподаванія исторіи стали дѣлать моральное и политическое воспитаніе (т.-е. внушеніе извѣстныхъ мнѣній), — то въ преподаваніе нужно было бы внести извѣстный догматизмъ. Цѣлью преподаванія исторіи (и не одной исторіи) должно быть развитіе въ учащихся научнаго, критическаго, историческаго (называйте, какъ угодно) отношенія къ жизни, а это развитіе и есть лучшее условіе правильнаго нравственнаго и общественнаго воспитанія. Дальнѣйшую аргументацію этой мысли читатель найдетъ въ настоящей же книжкѣ: прочитавъ страницы 128—132, онъ пойметъ, почему я отклоняю моральное и политическое воспитаніе, какъ цѣль преподаванія исторіи, т.-е. я просто противъ навязыванія при помощи преподаванія исторіи ученикамъ какихъ бы то ни было догматическихъ взглядовъ.

Разсмотримъ теперь вопросъ о дѣятельномъ отношеніи къ исторіи. Г. Михайловскій замѣчаетъ, что мнѣ не удалось установить отношеніе этого „волунтаризма“¹⁾ къ „историзму“ (стр. 90). Мнѣ кажется, что я въ разбираемыхъ книжкахъ и не ставилъ себѣ такой задачи, такъ что въ данномъ случаѣ упрека этого я не принимаю; но если ужъ на то пошло, то какъ-разъ вопросу о роли личной дѣятельности, т.-е. о роли проявленія волевой стороны нашего духовнаго бытія, иначе о роли активнаго вмѣшательства людей въ ходъ исторіи и о роли человѣческаго творчества въ развитіи культурныхъ и соціальныхъ формъ я писалъ особенно много, возражая съ именно волунтаристической точки зрѣнія противъ того антиисторическаго, на мой взглядъ, эволюціонизма, который представляетъ историческій процессъ, какъ *évolution spontanée*

¹⁾ См. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія, стр. 55 и слѣд.

(Контъ), чисто органическую эволюцію (Спенсеръ), какое-то саморазвитіе общества, будто бы совершающееся вслѣдствіе дѣйствія какихъ-то присущихъ обществу силъ, только не вслѣдствіе дѣйствія человѣческихъ желаній, хотѣній, стремленій, усилій и т. п. ¹⁾). Самъ г. Михайловскій—противъ такого эволюціонизма, который выкидываетъ изъ историческаго процесса человѣческую личность съ волевою стороною ея духовнаго бытія, какъ это сдѣлалъ, напр., очень недавно одинъ представитель такъ называемаго экономическаго матеріализма. Я не понимаю отвлеченнаго историческаго процесса, саморазвивающагося общества, безличной эволюціи духовной культуры и соціальной организаціи: я вижу вездѣ человѣка, вижу вездѣ его дѣйствія, вижу вездѣ акты его воли, хотя, конечно, не вѣрю въ то, чтобы эта воля была свободна, и не допускаю, чтобы по своему произволу человѣкъ могъ создавать и уничтожать въ нарушение всѣхъ законовъ сосуществованія явленій и ихъ послѣдовательности (какъ причинной, такъ и эволюціонной). Самый мой „субъективизмъ“, отличаемый г. Михайловскимъ, тоже принадлежащимъ къ „субъективистамъ“, есть не что иное, какъ этическое отношеніе къ личности, къ обществу, къ культурной и соціальной жизни человѣка, къ исторіи, этическое же отношеніе возникаетъ не на умственной, а на волевой основѣ человѣческой природы. Мой историзмъ, не только не исключаящій этики, но прямо ея требующій, такимъ образомъ, и съ этой стороны воплѣтъ волунтаристиченъ. Однимъ словомъ, въ исторіи я вездѣ вижу результаты дѣйствія человѣческихъ воль (часто, конечно, безсознательнаго, непреднамѣреннаго, неразумнаго, нецѣлесообразнаго, неудачнаго, безправственнаго, не-

¹⁾ См. мою книгу „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“.

справедливаго и т. д.), и всегда самъ становлюсь въ волевое отношеніе къ этимъ результатамъ, т.-е., изслѣдовавъ ихъ теоретически (интеллектуалистически, объективно), дѣлаю имъ оцѣнку съ этической (т.-е. волюнтаристической, субъективной) точки зрѣнія. Эта же точка зрѣнія заставляетъ меня всегда строго отличать понятія прогресса (совершенствованія) и эволюціи (развитія).

Признавая волевое человѣческое начало въ исторіи, только и можно серьезно говорить объ общественной дѣятельности. Но воля не должна быть слѣпа, неразумна, несправедлива. Настоящая книжка и написана въ руководство волѣ, направляющейся къ общественной дѣятельности.

Я не имѣлъ въ виду разбирать всѣ замѣчанія г. Михайловскаго, хотя и на многія другія могъ бы отвѣтить, какъ и на разсмотрѣнныя, но не могу оставить безъ вниманія его общихъ замѣчаній о книжкахъ, написанныхъ специально въ видѣ своего рода руководствъ для молодежи. Въ данномъ случаѣ я буду защищать не только „Письма о самообразованіи“ и „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“, но и настоящую книжку, и „Мысли объ основахъ нравственности“.

Г. Михайловскій называетъ „общій духъ“ разбираемыхъ имъ книжекъ „просвѣтительнымъ и гуманнымъ“ (стр. 89) и выражаетъ сожалѣніе, что въ обѣихъ книжкахъ, „содержащихъ по задачѣ цѣлую энциклопедію, различные пункты этой энциклопедіи развиты весьма неравномѣрно и не пропорціонально ихъ относительной важности“. Въ частности онъ находитъ, напр., что едва ли есть какая-нибудь надобность доказывать естественность, законность и симпатичность самообразованія (стр. 79): отстаиваніе-де нѣкъ не оспариваемаго положенія совершенно ненужно (стр. 80). Позволяю себѣ не согласиться

съ почтеннымъ критикомъ. Начать свои „Письма о самообразованіи“ съ разсужденія о важности этого дѣла пришлось потому, что весьма многіе не раздѣляютъ этой элементарной истины. Съ одной стороны, мнѣ приходилось слышать отъ совершенно взрослыхъ людей, иногда специалистовъ разныхъ, особенно прикладныхъ отраслей званія, что стремленіе молодежи къ самообразованію является нерѣдко дѣломъ простой моды, которая отвлекаетъ только отъ болѣе необходимыхъ и полезныхъ занятій избранною спеціальностью. Подобнаго рода взгляды мнѣ приходилось слышать иногда и отъ отдѣльныхъ представителей молодежи — даже отъ „занимающихся юношей“, быть можетъ, насильно во имя неправильно понятаго отношенія своего къ наукѣ подавляющихъ въ себѣ болѣе широкіе интересы и заглушающихъ голосъ здороваго юношескаго идеализма. Наконецъ, я имѣлъ въ виду массу молодежи, которая только-что начинаетъ думать и которую необходимо поддерживать въ ея благихъ намѣреніяхъ относительно самообразованія, хотя бы для этого и приходилось распространяться о совершенно азбучныхъ истинахъ. И въ настоящей книжкѣ таковыя найдутся, но дѣлать нечего: если мы будемъ ужъ слишкомъ свысока смотрѣть на элементарныя истины, то онѣ легко могутъ превратиться въ „забытыя слова“. Неужели отстаивать нужно только то, что оспаривается, и нѣтъ надобности отстаивать тѣ или другія истины просто отъ одного забвенія, по крайней мѣрѣ, въ очень широкихъ кругахъ общества? Г. Михайловскій соглашается со мною въ томъ, что нужно ловить „благопріятный психологическій моментъ“, ибо если онъ „проходитъ, такъ сказать, даромъ, то впослѣдствіи уже трудно наверстать упущенное“ (стр. 78). Но вѣдь есть именно такая пора въ жизни человѣка, когда и нужно говорить съ нимъ главнымъ

образомъ объ истинахъ элементарныхъ, ибо онъ можетъ ихъ и не узнать и тогда или не узнаеть и всѣхъ другихъ истинъ, которыя на нихъ строятся, или не будетъ въ состояніи понимать послѣднія именно такъ, какъ того требуютъ эти самыя элементарныя истины. Затѣмъ г. Михайловскій находитъ, что о многихъ вещахъ я говорю съ слишкомъ „многословною обстоятельностью“ — напр., о многостороннемъ значеніи исторіи (стр. 82). „Не надо быть спеціалистомъ историкомъ, говоритъ онъ, чтобы признать огромное значеніе исторіи“ (стр. 81). Да, конечно, не надо, но если далеко не всѣ спеціалисты надлежащимъ образомъ понимаютъ значеніе исторіи, если среди образованныхъ людей найдется немало такихъ, которые будутъ оспаривать это значеніе, сами, однако, хорошенько даже не зная исторіи по слабости у насъ общаго историческаго образованія, то какъ же не говорить объ этомъ молодежи? Въ школѣ ее учать исторіи мало и въ общемъ, на мой взглядъ, неудовлетворительно, и мнѣ, бесѣдуя съ очень молодыми людьми о самообразованіи, приходилось весьма часто слышать самыя неблагопріятныя отзывы объ исторіи: вѣдь съ такимъ „догматомъ“ человекъ потомъ можетъ и остаться и сознательно, намѣренно не заглядывать въ историческія сочиненія, особенно если и ближайшая товарищеская среда будетъ поддерживать въ немъ то же ошибочное представленіе объ исторіи. Съ другой стороны, не одинъ разъ читатели мозхъ „Писемъ“ заявляли, что лишь изъ нихъ они узнали, что, дѣйствительно, нужно знакомиться съ исторіей. Вообще, обращаясь къ молодежи, я долженъ принимать въ расчетъ, что люди, только-что начинающіе самостоятельно пріобрѣтать знанія, могутъ не звать весьма многого и многое могутъ понимать невѣрно. Или, напр., еще г. Михайловскій замѣчаетъ, что „всякій, знакомый съ моею литературной фізіономіей“ etc. (стр. 88);

но именно нѣкоторыя заявленія я и считаю нужными, ибо у весьма значительнаго большинства читателей не предполагаю никакого знакомства съ какими бы то ни было литературными фізіономіями. Итакъ, я прямо считалъ и считаю нужнымъ доказывать многія элементарныя истины и говорить о нихъ какъ можно обстоятельнѣе. Въдѣ специалистъ специалиста, вообще, хорошо знающій и понимающій, въ чемъ дѣло, другого хорошо знающаго и понимающаго пойметъ съ одного слова, съ полуслова, съ намѣка. Нельзя пользоваться одними и тѣми же приемами (именно приемами, способами, методами) въ изложеніи, положимъ, научныхъ теорій для специалистовъ и въ популяризаціи науки, въ публицистическомъ и въ педагогическомъ воздѣйствіи на общество. Если я останавливаюсь съ особою подробностью, иногда на истинахъ наиболѣе элементарныхъ, то потому, что для круга читателей, къ которому обращаюсь, или, по крайней мѣрѣ, для весьма и весьма многихъ изъ этого круга эти самыя истины, могущія нерѣдко, къ сожалѣнію, оставаться неизвѣстными въ обществѣ, гдѣ такъ много „забытыхъ словъ“, и считаю наиболѣе важными. Многое, могущее казаться особенно важнымъ и дѣйствительно быть таковымъ для человѣка съ вполне сформировавшимся міросозерцаціемъ или знакомаго съ вопросомъ въ самыхъ первыхъ его основаніяхъ, иногда будетъ, наоборотъ, и недостаточно интереснымъ, и недостаточно понятнымъ для юпоши, только-что начинающаго развиваться и едва лишь начинающаго понимать, что такой-то вопросъ существуетъ. Конечно, въ виду этого не все въ моихъ книжкахъ разработано равномерно, тѣмъ болѣе, что для этого были и другія причины. Во-первыхъ, „Письма“ и „Бесѣды“ были только началомъ цѣлой серіи задуманныхъ мною изданій, и многіе пункты должны были получить болѣе подробную разработку впоследствии,

на что и дѣлалось иногда указаніе. Во-вторыхъ, въ многихъ случаяхъ я могъ довольствоваться простой ссылкой на какую-либо книгу или статью. Такъ, напр., въ „Бесѣдахъ о міросозерцаніи“ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ философскаго характера я отсылалъ читателя къ „Введенію въ философію“ Паульсена, считая тѣ главы этой книги, на которыя указывалъ, хорошо разъясняющими дѣло ¹⁾). Вообще притомъ моею мыслью было дать не полную разработку вопросовъ, а своего рода пролегомены съ тѣмъ, чтобы читатель, самъ знакомясь съ указываемыми книгами и думая о прочитанномъ, приходилъ къ познанію истины. Въ предисловіи къ „Мыслямъ объ основахъ нравственности“ я прямо даже счелъ нужнымъ под-

¹⁾ Кстати о Паульсенѣ. Г. Михайловскій говоритъ, что „непосредственный толчокъ“ къ заявленію о значеніи историзма въ научномъ мышленіи я получалъ, быть можетъ отъ одной фразы Паульсена, очевидно, прибавляетъ онъ, вообще сильно повліявшаго на меня (стр. 89). Нѣтъ, этого быть какъ разъ не можетъ, ибо о характерной особенноти историческаго мышленія XIX в. въ отличіе отъ рационалистическаго мышленія XVIII в. я не могъ не знать и безъ Паульсена—просто на основаніи наученія исторіи культурныхъ, моральныхъ, соціальныхъ и политическихъ идей въ новое и новѣйшее время, тѣмъ болѣе, что историки давнымъ-давно на это указывали, да и самъ я раньше прочтенія Паульсена это отмѣчалъ въ своихъ работахъ. Ни въ этомъ случаѣ, ни вообще Паульсенъ не могъ на меня сильно повліять, потому что въ „Бесѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія“ я въ концѣ-концовъ изложилъ вкратцѣ то, что подробнѣе излагалъ въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, въ „Сущности историческаго процесса“ и во многихъ статьяхъ, изъ коихъ главное перепечаталъ въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“. Самого Паульсена я прочиталъ въ виду необходимости выбрать для молодежи философскую пропедевтику, и такъ какъ эта книга найдена была мною во многихъ частяхъ подходящую, то на эти части, рекомендуя ихъ читать, я и указывалъ по поводу отдѣльныхъ вопросовъ. Вотъ мое настоящее отношеніе къ Паульсену.

черкнуть эту сторону дѣла. Въ настоящей книжкѣ я не отступаю отъ своего основного плана, который, по мѣрѣ приведенія его въ исполненіе, долженъ все болѣе и болѣе выясняться. Къ сожалѣнію, въ этой книжкѣ я не даю литературныхъ указаній, не оставляя, однако, надежды сдѣлать и по отношенію къ вопросу объ общественной дѣятельности то, что сдѣлано для вопроса объ основахъ нравственности въ указателѣ литературы по этикѣ.

С.-Петербургъ.
Октябрь 1895 г.

I. Нравственность и общественная дѣятельность.

Задача этой книжки — сдѣлать по отношенію къ общественной дѣятельности то, что сдѣлано уже мною по отношенію къ нравственности въ другой, недавно мною написанной книжкѣ ¹⁾). И она, какъ эта послѣдняя, пишется для тѣхъ же читателей, для которыхъ были предназначены мною и „Письма о самообразованіи“, и „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“. Мало того: и настоящая книжка, посвященная вопросу объ общественной дѣятельности, и предшествовавшія ей „Мысли объ основахъ нравственности“, будучи, какъ мы увидимъ, тѣсно связаны между собою, являются продолженіемъ „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“ и именно въ цѣляхъ дальнѣйшаго развитія высказанныхъ тамъ взглядовъ на предметы нравственнаго и общественнаго характера.

Въ дѣлѣ выработки міросозерцанія путемъ самообразованія играютъ роль не только теоретическіе вопросы мысли, — которые, между прочимъ, могутъ быть направлены и на индивидуальное или соціальное существованіе человѣка, — но и практическіе вопросы жизни, поскольку человѣкъ сознаетъ въ себѣ нравственную личность и чувствуетъ себя членомъ общества. Выработывая свое міро-

¹⁾ Мысли объ основахъ нравственности.

созерцаніе, мы не можемъ ограничиваться знаніемъ и пониманіемъ того, что есть, какъ оно есть: мы хотимъ еще знать и понимать, что должно быть, хотимъ жить и дѣйствовать и чѣмъ-либо руководиться въ своей жизни и дѣятельности. Вопросы о томъ, что должно быть, могутъ относиться только или къ личности, или къ обществу, взятому въ смыслѣ культурныхъ формъ и экономическихъ, юридическихъ и политическихъ порядковъ, а когда рѣчь идетъ о должномъ для личности, то необходимо имѣть въ виду не только ея частную жизнь со всѣми частными отношеніями человѣка къ другимъ людямъ, но и общественную дѣятельность этой личности. Такъ какъ, стремясь къ выработкѣ міросозерцанія, человѣкъ руководится не одними теоретическими интересами отвлеченной мысли, но—и это прежде всего—также практическими интересами дѣйствительной жизни, то и понятно, почему нравственные и общественные вопросы получаютъ такое значеніе въ этомъ дѣлѣ. Вопросамъ первой категоріи я уже посвятилъ отдѣльную книжку, теперь прямая очередь за вопросами другой категоріи.

Объ темы находятся въ самомъ тѣсномъ родствѣ. Въ „Мысляхъ объ основахъ нравственности“ рѣчь шла объ индивидуумѣ, о личности, о томъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, какъ индивидуумъ, какъ личность. И теперь я намѣренъ говорить не объ обществѣ, а объ отдѣльномъ человѣкѣ, не о томъ, чѣмъ должно быть общество, взятое въ смыслѣ культурныхъ формъ и экономическихъ, юридическихъ и политическихъ порядковъ, а о томъ, чѣмъ долженъ быть отдѣльный человѣкъ въ одномъ изъ своихъ отношеній къ обществу, извѣстномъ подъ названіемъ общественной дѣятельности. Другими словами, въ обѣихъ темахъ я беру индивидуальнаго человѣка, и все различіе заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ идетъ рѣчь объ индивидуумѣ, какъ о нравственной личности, въ дру-

гомъ—какъ объ общественномъ дѣятелѣ; въ первомъ случаѣ нравственная личность разсматривается въ своихъ отношеніяхъ къ самой себѣ и въ частныхъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, во второмъ имѣется въ виду именно только общественная дѣятельность индивидуума, его публичная, а не частная жизнь. Пусть не ищутъ въ настоящей книжкѣ трактата по социологіи: мой предметъ, повторяю, не общество, не культурныя и социальныя формы, а личность, ея общественная дѣятельность. Это—та же этика, къ которой относятся „Мысли объ основахъ нравственности“, только этика не частной жизни, не поведенія въ отношеніяхъ частнаго характера, а жизни публичной, поведенія социальнаго. Конечно, важно знать, что такое общество, какими законами управляется его жизнь и развитіе, чѣмъ должно оно быть, каковы принципы разумаго и справедливаго общественнаго устройства, и важно это знать какъ по чисто теоретическому интересу, представляемому этими и подобными вопросами, такъ и по практическому значенію знанія и пониманія всего этого для самой общественной дѣятельности, но не менѣе важно имѣть надлежація понятія и о томъ, что такое общественная дѣятельность и чѣмъ она должна быть, въ чемъ должна заключаться ея цѣль, какими средствами она можетъ пользоваться, какихъ качествъ требуетъ она отъ человѣка, какихъ условій требуетъ отъ общества, взятаго въ смыслѣ культурныхъ формъ и социальныхъ порядковъ и т. п. Общественная дѣятельность есть лишь одна изъ возможныхъ сторонъ нашей индивидуальной жизни. Если человѣкомъ чувствуется потребность въ установленіи извѣстныхъ нормъ для всей его жизни, то и отдѣльныя ея стороны нуждаются въ такихъ нормахъ: общественная жизнь не можетъ и не должна быть исключеніемъ изъ этого правила. Вотъ почему я и счелъ себя въ правѣ говорить о тѣсной связи, въ какой между со-

бою находятся объ мои темы — о нравственности и объ общественной дѣятельности.

Самый интересъ, какой обнаруживаетъ молодежь къ общественнымъ вопросамъ, имѣеть прежде всего этический характеръ. На первыхъ порахъ спрашивается не о томъ, что такое общество и какими законами управляется его жизнь и развитіе, а о томъ, чѣмъ должно быть общество и на какихъ принципахъ оно должно быть построено. вмѣстѣ съ этимъ, далѣе, общество возбуждаетъ къ себѣ интересъ прежде всего не какъ предметъ для теоретическаго изученія, хотя бы и съ идеалистическими требованіями, а какъ предметъ для практическаго воздѣйствія. Человѣкъ, настроенный этически, ставящій разумную цѣль своей жизни, стремящійся служить общему благу, не можетъ быть равнодушнымъ къ практическимъ общественнымъ вопросамъ, не работать надъ ихъ разрѣшеніемъ или не готовиться къ такой работѣ. Правда, многіе — и притомъ въ разныхъ возрастахъ — стремятся къ общественной дѣятельности безъ малѣйшаго альтруизма и соціальнаго инстинкта, руководствуясь только честолюбіемъ или тщеславіемъ и выгодой, — таковы всѣ карьеристы и дѣльцы, — но настоящая общественная дѣятельность, въ которой на первомъ планѣ дѣйствительно стоитъ общее благо, должна именно вытекать изъ чистыхъ мотивовъ, изъ альтруистическаго и соціальнаго настроенія, изъ служенія этической идеѣ. Хотя и среди молодежи есть, конечно, и карьеристы, и дѣльцы, но въ большинствѣ случаевъ юношескій идеализмъ съ его этической подкладкою придаетъ съ этой стороны общественнымъ интересамъ молодежи симпатичный характеръ, каковы бы ни были въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ другія стороны этого явленія, хотя бы, напр., въ томъ случаѣ, когда отдѣльные лица ради соціальной этики пренебрегаютъ этикою индивидуальной.

Къ сожалѣнію, нерѣдко приходится встрѣчаться съ мпѣ-

нiемъ, по которому нравственность и общественная дѣятельность—двѣ вещи совершенно различныя, по которому первая годна только въ частной жизни, а вторая должна руководиться своими особыми принципами. Я не могу раздѣлять этого мнѣнiя и даже считаю нужнымъ возражать. Конечно, „мораль“ и „политика“, какъ любятъ выражаться представители оспариваемаго мною взгляда, двѣ вещи разныя, поскольку одна исходитъ изъ идеи справедливости, а другая—изъ идеи пользы или необходимости, но отсюда еще далеко до раздѣла всей жизни человѣка между „моралью“ и „политикой“ въ томъ смыслѣ, чтобы жизнь частная была подчинена одной „морали“, а жизнь публичная—одной „политикѣ“. Дѣло вѣдь въ томъ, что и въ частной своей жизни человѣкъ не можетъ избѣжать „политики“, и что нѣтъ никакихъ резоновъ оставлять „мораль“ за порогомъ, отдѣляющимъ публичную жизнь отъ частной. Жизнь человѣка, дѣйствительно, раздѣлена между „политикой“ и „моралью“, но такъ, что обѣ одинаково дѣйствуютъ въ разнообразныхъ отношенiяхъ какъ частной, такъ и публичной жизни каждой отдѣльной личности. Что частная жизнь не можетъ руководиться только одною „моралью“, это само собою очевидно: самый моральный человѣкъ совершаетъ массу поступковъ исключительно по расчету, и простое чувство самосохраненiя заставляетъ его во многихъ случаяхъ быть „политикомъ“. Съ другой стороны, во что бы превратилась общественная дѣятельность, если бы подобно личной жизни она была совершенно освобождена отъ „морали“, чтобы руководствоваться одною только „политикою?“ Вотъ на этомъ-то вопросѣ и пужно намъ остановиться.

Въ общественной дѣятельности мы можемъ различать ея мотивы, ея цѣли и ея средства. Мотивъ, это—то чувство, то побужденiе, которое заставляетъ человѣка заниматься общественною дѣятельностью. Цѣль, это—то со-

стояніе общества, которое должно быть осуществлено данною дѣятельностью, направленною на общество. Наконецъ, какъ и вездѣ, цѣль предполагаетъ средства: послѣдними въ данномъ случаѣ и являются тѣ поступки, изъ коихъ слагается общественная дѣятельность человѣка. Посмотримъ, можно ли освободить какой-либо изъ этихъ моментовъ отъ подчиненія этическому закону?

Человѣкъ можетъ стремиться къ общественной дѣятельности или по своекорыстнымъ, или по идеальнымъ побужденіямъ. Въ первомъ случаѣ ближайшую цѣль своей общественной дѣятельности онъ полагаетъ въ самомъ себѣ, во второмъ случаѣ — въ обществѣ. Въ первомъ случаѣ общество получаетъ значеніе средства по отношенію къ цѣли, ему совершенно посторонней, а это искажаетъ самое понятіе общественной дѣятельности, т.-е. дѣятельности, направленной въ интересахъ общества. Общественная дѣятельность должна имѣть своимъ объектомъ не просто общество, а общественное благо: кто, выступая въ качествѣ общественного дѣятеля, равнодушенъ къ этому благу и смотритъ на общество исключительно съ точки зрѣнія своей личной выгоды, тотъ на самомъ дѣлѣ является не дѣятелемъ, а дѣльцомъ или карьеристомъ. Нравственное чувство не мирится съ такимъ отношеніемъ къ дѣлу, ибо подобное отношеніе противорѣчитъ основному этическому принципу, не позволяющему видѣть въ человѣкѣ, — будетъ ли то отдѣльная личность, или цѣлая группа отдѣльныхъ личностей, т.-е. общество, — видѣть въ человѣческой личности или человѣческомъ обществѣ орудіе или средство для цѣлей, имъ постороннихъ. Объ основаніяхъ этическаго запрещенія относится къ людямъ, какъ къ вещамъ, было уже достаточно сказано мною въ книжкѣ, посвященной нравственности, а потому я здѣсь и не объясняю, почему дурно выступать на арену публичной дѣятельности безъ этическаго отношенія къ обществу, имѣя въ виду

лишь свои выгоды (все равно, матеріальныя или нематеріальныя), безъ внутренняго интереса къ людямъ, безъ любви къ ближнимъ, безъ уваженія къ правамъ чужой личности, безъ побужденій соціального идеализма. Кто сталъ бы утверждать, что общественная дѣятельность можетъ обойтись безъ всего этого, тотъ лишь обнаружилъ бы полное непониманіе сущности и значенія общественной дѣятельности, такъ какъ ставилъ бы ее наряду со всякимъ практическимъ дѣломъ, предаваясь которому, человекъ не руководится какими-либо идеальными побужденіями, а только повинуется необходимости что-нибудь дѣлать, дабы имѣть средства къ жизни.

Итакъ, мотивы общественной дѣятельности, заслуживающей этого названія, заключаются не въ эгоистической, а въ альтруистической сторонѣ человѣческаго бытія. Поэтому и цѣль общественной дѣятельности должна лежать въ самомъ обществѣ. Кто становится общественнымъ дѣятелемъ ради того, чтобы служить исключительно своимъ собственнымъ интересамъ, тотъ поступаетъ безнравственно, и наоборотъ, выступленіе на публичную арену ради общаго блага, этого верховнаго критерія этики¹⁾, есть фактъ нравственный. Недостаточно, однако, чтобы мотивъ общественной дѣятельности былъ нравственнымъ, нужно еще, чтобы и цѣль, поставленная этой дѣятельности, оправдывалась этикой. Повидимому, какъ могло бы возникнуть противорѣчіе въ данномъ случаѣ между мотивомъ и цѣлью, а между тѣмъ это бываетъ сплошь и рядомъ. Я могу выступить совершенно самоотверженнымъ дѣятелемъ, повинуюсь своему убѣжденію, требующему отъ меня исполненія извѣстной общественной обязанности, но моя искренность и беззавѣтная преданность взятому на себя дѣлу далеко еще не гарантируютъ того, что я дѣлаю не-

¹⁾ Мысли объ основахъ нравственности, глава III.

премѣнно хорошее дѣло. Не всякое общественное убѣжденіе бываетъ разумно и нравственно: человѣкъ можетъ понимать общество, его интересы и свои обязанности по отношенію къ нему фальшиво и невѣрно. Правда, очень часто человѣкъ и не понимаетъ, что цѣль, которую онъ ставитъ своей общественной дѣятельности, съ нравственной точки зрѣнія дурна, но разъ я надлежащимъ образомъ умѣю различать добро и зло и ставлю своей дѣятельности цѣлью то, что не есть добро съ этической точки зрѣнія, я вношу въ свое общественное поведеніе элементъ безнравственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ искажаю и самое понятіе общественной дѣятельности. Кто, напр., отождествляетъ общественный интересъ съ интересомъ классовымъ или сословнымъ, тотъ не только суживаетъ и тѣмъ искажаетъ понятіе общества, но и вноситъ въ его пониманіе безнравственное начало, поскольку цѣлью самаго существованія общества ставить благо лишь нѣкоторыхъ его членовъ, т.-е. извѣстнаго класса или сословія, а не всего общества, заставляя всѣхъ остальныхъ членовъ общества играть роль служебнаго средства по отношенію къ немногимъ избранныкамъ. Если исключительное служеніе интересамъ извѣстной части общества и можетъ получить нравственный характеръ, то лишь въ томъ случаѣ, когда эти интересы заключаются опять-таки въ устраненіи какой-либо неправды, въ восстановленіи какого-либо права, основаннаго на нравственной справедливости и т. п. Во всѣхъ, однако, случаяхъ, когда общественный дѣятель ставитъ своею цѣлью не общее благо, онъ легко впадаетъ въ ошибочное съ нравственной точки зрѣнія пониманіе своихъ общественныхъ обязанностей. Какъ бы тамъ ни было, въ концѣ-концовъ, каждый, — по крайней мѣрѣ, въ чужихъ глазахъ, если только имъ не потерявъ всякій стыдъ, — каждый старается оправдать свою общественную дѣятельность ея нравственною цѣлью, хотя бы при этомъ

дѣлались непреднамеренныя ошибки или сознательныя натяжки.

Нравственная цѣль, вѣрно или невѣрно понимаемая, искренне или неискренне выставляемая, является такимъ образомъ высшей савкціей общественной дѣятельности. Мало того, именно въ примѣненіи главнымъ образомъ къ отношеніямъ общественной жизни высказывается мысль о цѣли, оправдывающей средства. Миѣ уже пришлось коснуться формулы: „цѣль оправдываетъ средства“ — въ своихъ „Бесѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія“, но въ томъ, чтѣ тамъ было сказано, вопросъ далеко не былъ исчерпанъ ¹⁾. Когда говорятъ, что цѣль оправдываетъ средства, предполагаютъ, во-первыхъ, что рѣчь идетъ о хорошей цѣли, а во-вторыхъ, что средства сами по себѣ

¹⁾ Выписываю здѣсь самое существенное изъ IV главы „Бесѣды“, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ предметѣ: „Этическіе принципы, подобно логическимъ истинамъ, должны отличаться безусловностью: идти къ хорошей цѣли, пользуясь дурными средствами, это — такое же противорѣчіе, какъ добывать истину при помощи ложныхъ пріемовъ мысли или доказывать вѣрныя мысли посредствомъ завѣдомой подтасовки фактовъ. Самое ученіе объ оправданіи дурныхъ средствъ хорошею цѣлью есть дурное ученіе, старающееся оправдать себя хорошими намѣреніями, т.-е. нѣчто въ родѣ тѣхъ благочестивыхъ обмановъ (*prae fraudes*), которые были такъ часты въ средніе вѣка. Истинное этическое воззрѣніе не нуждается въ оправданіи, ибо само по себѣ уже право: оправдываться приходится лишь тому, кто чувствуетъ за собою вину передъ правдою, хотя бы и смутно сознаваемою. Обманъ останется обманомъ, т.-е. вещью нехорошею, хотя бы мы и назвали его благочестивымъ: тому, кто разъ обманываетъ по принципну, нельзя вѣрить, когда онъ говоритъ, что обманываетъ онъ съ хорошею цѣлью, ибо кто можетъ поручиться, что и самая эта цѣль не есть тоже обманъ? Съ другой стороны, конечно, каждый, держащійся формулы: „цѣль оправдываетъ средства“, глубоко возмутился бы, если бы къ нему самому примѣнили эту самую формулу, а это было бы уже прямымъ нарушеніемъ великой моральной заповѣди: „не дѣлай другимъ того, чего ты не хотѣлъ бы, чтобы тебѣ дѣлали другіе“.

безразличны и получаютъ значеніе хорошихъ (или дурныхъ) поступковъ лишь въ зависимости отъ того, какой цѣли служатъ. По первому пункту распространяться нечего: само собою разумѣется, что дурное, напр., нехорошее побужденіе, нехорошая цѣль и т. п. ничему не могутъ служить оправданіемъ, такъ какъ дурное можетъ быть, напротивъ, основаніемъ только для осужденія. Другое дѣло—вопросъ о безразличіи средствъ. Въ данномъ случаѣ подъ средствами разумѣются, конечно, поступки, и совершеніе дурныхъ поступковъ думаютъ оправдывать хорошими цѣлями или, что то же, благими намѣреніями. Дѣйствительно ли, однако, это такъ? Нравственное достоинство поступка, — а вѣдь изъ отдѣльныхъ поступковъ и слагается общественная дѣятельность, — обуславливается или побужденіемъ къ его совершенію, или цѣлью, во имя которой онъ совершается. Положимъ, извѣстный благородный мотивъ заставляетъ меня поступить такимъ-то образомъ въ виду ожидаемаго результата: это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о моемъ этическомъ настроеніи, которое, конечно, несовмѣстимо съ не-этическимъ настроеніемъ, дозволяющимъ, однако, въ противорѣчій съ общей идеей блага совершать одновременно съ этимъ какое-либо зло. Та или другая цѣль хороша, когда она оправдывается съ точки зрѣнія принциповъ этики, но можетъ ли назваться хорошимъ средство, если оно осуждается тѣми самыми принципами, согласіе съ которыми только и дѣлаетъ цѣль хорошею? Этический законъ есть общій критерій, на основаніи котораго мы должны судить одинаково какъ о достоинствѣ цѣлей, такъ и о достоинствѣ средствъ. Не цѣль оправдываетъ средства, а и сама цѣль, и ведущія къ ней средства должны искать оправданія въ общемъ принципѣ истины и справедливости. Цѣль столь же мало оправдываетъ средства, какъ и средства—цѣль. Опасная сторона іезуитской мо-

рали въ томъ и заключается, что въ ней средства подчинены цѣлямъ безъ соподчиненія какъ послѣднихъ, такъ и первыхъ однимъ и тѣмъ же нравственнымъ принципамъ. Если цѣль должна быть всегда хороша, то не нужно забывать, что всякое нехорошее средство прямо противорѣчитъ общему принципу хорошей цѣли. Дѣло въ томъ, что каждый поступокъ, разсматриваемый, какъ средство для достиженія известной цѣли, имѣетъ въ виду тотъ или другой желательный результатъ или какъ непосредственную цѣль его совершенія, или только какъ условіе, необходимое для достиженія дальнѣйшей цѣли. Въ первомъ случаѣ средство, коимъ непосредственно осуществляется цѣль, и эта самая цѣль соединены неразрывно въ одно цѣлое, вслѣдствіе чего не можетъ возникнуть между ними никакого внутренняго противорѣчія съ этической точки зрѣнія, хотя бы съ чисто практической точки зрѣнія средство и оказалось не соответствующимъ цѣли: нравственный поступокъ останется хорошимъ и тогда, когда цѣль его не будетъ достигнута. Другое дѣло, когда поступку ставится дальнѣйшая цѣль, т. е. когда ближайшій непосредственный результатъ, ожидаемый отъ поступка, не есть его послѣдняя цѣль, когда онъ самъ есть лишь условіе: въ такомъ случаѣ между дальнѣйшею и ближайшею цѣлью поступка можетъ существовать противорѣчіе и именно нравственное противорѣчіе, о которомъ только и идетъ рѣчь, а не простое практическое несоответствіе, съ коимъ мы встрѣчаемся въ случаѣ нецѣлесообразныхъ поступковъ. Это противорѣчіе возможно лишь въ томъ случаѣ, когда тотъ самый нравственный принципъ, который одобряетъ и предписываетъ стремленіе къ дальнѣйшей цѣли, наоборотъ, осуждаетъ и запрещаетъ стремленіе къ ближайшей цѣли. Положимъ, цѣлью своей общественной дѣятельности я ставлю распространеніе дознанной мною истины: могъ ли бы я, спрашивается, для достиженія

этой цѣли пользоваться ложью и обманомъ? Или во имя естественныхъ правъ человѣческой личности я могу поставить себѣ цѣлью достиженіе извѣстныхъ общественныхъ перемѣнъ, но если при этомъ я буду самъ же нарушать естественныя права личностей, употребляя ихъ, какъ свои орудія, и для того обманывая ихъ, распоряжаясь ими безъ ихъ вѣдома и согласія, не уважая ихъ личнаго достоинства, т.-е. поступая съ ними не такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы поступали со мною, развѣ опять я не нарушалъ бы въ своихъ средствахъ того самаго принципа, осуществленіе котораго одно только и придаетъ нравственный характеръ моей цѣли? Въ общественной дѣятельности не должно быть этического противорѣчія между цѣлями и средствами, ибо сами средства всегда бываютъ въ то же время и цѣлями, да и сами цѣли становятся средствами по отношенію къ другимъ цѣлямъ: вся существующая въ жизни цѣпь цѣлей, цѣлей-средствъ и средствъ-цѣлей должна подчиняться какому-либо одному принципу, т.-е. или все позволительно, какъ учить политической макіавелизмъ, и тогда о нравственности не можетъ быть никакой рѣчи, или есть нѣчто, что ни въ какомъ случаѣ непозволительно, и тогда въ общественной дѣятельности пѣтъ и не можетъ быть мѣста для моральнаго іезуитизма. Если нравственное чувство возмущается макіавелизмомъ и іезуитизмомъ, т.-е. полнымъ отрицаніемъ нравственныхъ началъ въ политикѣ и искаженіемъ ихъ въ морали, оно не дѣлаетъ никакого различія между ученіемъ и поведеніемъ, не имѣющимъ въ своей основѣ никакой этической идеи, не ставящимъ политикѣ никакой нравственной цѣли, съ одной стороны, а съ другой стороны, ученіемъ и поведеніемъ, позволяющимъ нарушать въ общественной дѣятельности требованія нравственности и тѣмъ самымъ широко открывающимъ доступъ въ общественную жизнь обману, лжи, неправдѣ, со

всѣми ихъ безнравственными и вредными для общества послѣдствіями.

Что-нибудь одно, повторяю: или во всемъ одна „политика“ въ смыслѣ теоріи и практики, отрѣшенныхъ отъ всякихъ этическихъ соображеній, или во всемъ „мораль“ въ смыслѣ теоріи и практики, основанныхъ на нравственныхъ принципахъ. Почему то, что осуждается въ частной жизни, въ личныхъ отношеніяхъ, можетъ оправдываться въ публичной сферѣ, въ дѣятельности общественной? Если мои личныя цѣли не оправдываютъ достиженія ихъ безнравственными средствами, почему безнравственныя средства становятся позволительными, когда дѣло идетъ о цѣляхъ общественныхъ? Я хорошо понимаю, почему я не имѣю права не стѣсняться въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ частныхъ цѣлей, но то же самое основаніе не позволяетъ мнѣ считать совершенно безразличными и средства, къ которымъ люди прибѣгаютъ для достиженія цѣлей общественныхъ. Все различіе тутъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ дѣло идетъ объ интересѣ одного лица, въ другомъ объ интересѣ общества, а это не создаетъ основанія для того, чтобы удовлетвореніе частныхъ интересовъ могло совершаться лишь подъ условіемъ соблюденія требованій этики, удовлетвореніе же интересовъ общественныхъ — съ нарушеніемъ этихъ требованій. Во-первыхъ, всякій общественный интересъ есть лишь сумма многихъ частныхъ интересовъ, и если бы общественный интересъ оправдывалъ безнравственность, то стоило бы только отдѣльному человѣку соединить свой частный интересъ съ одинаковыми интересами другихъ лицъ, чтобы откинуть въ своей дѣятельности всѣ нравственныя соображенія. Во-вторыхъ, хотя частное и должно склоняться передъ общимъ, тѣмъ не менѣе индивидуумъ въ самомъ себѣ носитъ извѣстныя права, нарушеніе которыхъ не можетъ быть оправдано никакими обществен-

ными соображеніями: въ своихъ интересахъ, вѣрно или невѣрно понимаемыхъ, общество не имѣетъ нравственнаго права ни убивать людей, ни калѣчить ихъ, ни насилловать ихъ совѣсть, ни продавать ихъ въ рабство и т. п. Если частный интересъ и долженъ быть подчиненъ интересу общественному, то только во имя извѣстнаго этического принципа, но во имя того же самаго принципа и права общества должны имѣть ограниченіе въ правахъ индивидуума. Нравственное побужденіе, заставляющее работать на пользу другихъ людей, къ которой, въ концѣ концовъ, и сводится всякій общественный интересъ, имѣетъ тотъ же источникъ, въ которомъ коренится и нравственное отвращеніе отъ нанесенія вреда другимъ людямъ. Между тѣмъ формула: „цѣль оправдываетъ средства“ заставляеть человѣка совершать въ одно и то же время правду и неправду. Въ третьихъ, по этой формулѣ въ томъ безнравственномъ пониманіи, въ какомъ мы ее разсматриваемъ, цѣлью, для осуществленія коей дозволяется прибѣгать къ другимъ средствамъ, является благо всего общества, средства же оказываются приносящими зло лишь нѣкоторымъ лицамъ, причемъ предполагается, что для великаго блага всѣхъ позволительно причинять зло немногимъ. Говоря объ этомъ, я устраняю всѣ случаи, когда причиненіе зла имѣетъ свой источникъ въ чувствѣ мести, ибо какъ въ частныхъ отношеніяхъ, такъ и въ общественной жизни, поступки, имѣющіе характеръ мщенія, имѣютъ свою цѣль не объективное благо другихъ, а удовлетвореніе субъективнаго настроенія мстящаго. Смертная казнь за убійство есть въ сущности мечь убійствомъ же за убійство, причемъ человѣку ставится въ вину то же самое, что продѣлывается потомъ надъ нимъ самимъ, хотя при этомъ и думаютъ посредствомъ устрашенія достигнуть и объективныхъ результатовъ („дабы другимъ неповадно было“). Политическіе

убійцы тоже подводят свое преступленіе подъ понятіе казни, совершаемой отъ имени (хотя и не по уполномоченію) общества надъ лицами, которыхъ они считаютъ врагами общества, причемъ и тутъ казнь прежде всего имѣетъ характеръ мести, потомъ устрашенія. Когда въ ходъ пускаются такія средства, рѣчь можетъ итти не объ общественной дѣятельности, но о войнѣ, въ которой люди убиваютъ другъ друга, какъ враговъ, которымъ нужно мстить, которыхъ нужно устрашать. Конечно, и общественная дѣятельность предполагаетъ борьбу. Ученіе о несопротивленіи злу можетъ завести слишкомъ далеко, если будетъ запрещать самозащиту, защиту слабыхъ, защиту правды, немислимая безъ борьбы съ насильниками и вредными людьми, и въ положеніи необходимой обороны человекъ вынужденъ бываетъ иногда вступать на путь войны, но сама по себѣ война съ ея хитростями и насиліями, съ ея убійствами и устрашеніями есть зло, есть явленіе безнравственное и противообщественное. Я говорю здѣсь лишь о той общественной борьбѣ, которая ведется мирнымъ путемъ. Если современное правосознаніе даже на войнѣ не все считаетъ дозволимымъ, то тѣмъ болѣе должно это имѣть мѣсто въ дѣятельности мирной. Общественная борьба не оправдываетъ употребленія безчестныхъ или преступныхъ средствъ. Нравственное чувство запрещаетъ путемъ интриги устранять своего противника. Чувство чести не можетъ примириться съ вѣроломствомъ по отношенію къ противникамъ. Тотъ аргументъ, будто „слово, дапное еретику, недействительно“, — аргументъ, коимъ убѣдили императора Сигизмунда нарушить обѣщаніе, данное Гусу, относительно его безопасности, — есть лишь частное примѣненіе безнравственнаго правила, по которому противъ врага все дозволено. Общественная борьба немислима безъ боевыхъ средствъ, наносящихъ вредъ врагамъ общественнаго блага, и въ этомъ

смыслѣ она, конечно, уподобляется войнѣ, но эта война должна напоминать не кровавыя битвы и убійства мирныхъ жителей, а состязанія, въ которыхъ отъ противниковъ требуется соблюденіе извѣстныхъ правилъ. Передержка или подтасовка въ устномъ спорѣ или печатной полемикѣ, допущенная мѣймъ противникомъ, не даетъ мнѣ права мстить ему тѣмъ же, если я, дѣйствительно, ищу только истины и защищаю справедливость, а не хочу всѣми средствами доставить побѣду своему, хотя бы и неврному взгляду или неправому дѣлу. Если нанесеніе ударовъ противнику безъ употребленія безчестныхъ или преступныхъ средствъ не только можетъ требоваться соображеніями общественной пользы, но и не осуждается нравственнымъ чувствомъ, а во многихъ случаяхъ даже имъ предписывается, когда именно приходится защищать правое дѣло, то именно потому, что въ подобныхъ случаяхъ общественная цѣль достигается безъ причиненія кому-либо зла, понимаемаго въ смыслѣ нравственно предосудительныхъ дѣйствій: непріятность, полученная огъ меня вреднымъ для общества человѣкомъ, который, однако, не могъ бы при этомъ доказать, что мои цѣли или мои средства въ нравственномъ отношеніи дурны, не есть зло, а скорѣе добро, ибо такая непріятность можетъ быть только справедливымъ возмездіемъ за неправоту такого человѣка, за его дурныя цѣли и дурныя средства. Конечно, непріятно быть побѣжденнымъ въ спорѣ, но если это есть побѣда истины надъ заблужденіемъ или прямоты надъ изворотливостью, она есть благо. Точно такъ же нужно разсуждать и о вредѣ, который я могу причинить, не прибѣгая къ безчестнымъ и преступнымъ средствамъ, тому же врагу общественнаго блага, моему противнику въ общественной борьбѣ: если ближайшею цѣлью панесенія этого вреда является устраненіе возможности, какую данный человекъ имѣетъ вредить обществу, — и не переходитъ за гра-

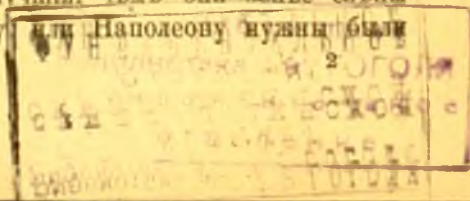
и 229
00-200

ницы того, гдѣ начинаются уже месть и устрашеніе, то и это не есть зло, ибо устраненіе во имя общаго блага возможности нанесенія ему вреда, достигаемое нравственно дозволительными средствами, есть добро, и вредъ, причиненный противнику, не выходитъ за границы его обезоруженія. Итакъ, когда говорятъ о причипеніи зла немногимъ ради общаго блага, то имѣютъ въ виду или войну, которая есть явленіе не только безнравственное, но и противообщественное, или общественную борьбу мирными и нравственно дозволительными средствами, которая, однако, никому зла не причиняетъ; то, чтд при такой борьбѣ можетъ быть непріятно либо вредно противнику, является лишь или естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ его собственнаго поведенія (напр., уличеніе во лжи), или только его обезоруженіемъ, разъ онъ пускаетъ въ ходъ дурныя средства (напр., созданіе мелкаго кредита для крестьянъ, невыгоднаго для ростовщиковъ).

Но поукнка общаго блага цѣною того, чтд отдѣльнымъ лицамъ можетъ быть непріятно или вредно, предполагаетъ и другую категорію случаевъ, не только тѣхъ случаевъ, когда этими лицами являются люди, въ конхъ видятъ враговъ общества или противниковъ общественнаго блага. На войнѣ не только убиваютъ непріятелей, но и подвергаютъ себя опасности быть убитыми. Смерть есть зло, но безъ отдачи себя на смерть невозможно то общественное благо, которое заключается въ побѣдѣ. Многие думаютъ, что какъ на войнѣ солдаты являются лишь слѣпыми орудіями вождей, дѣйствующихъ во имя блага того цѣлаго, которое называется арміей, такъ и въ общественной дѣятельности позволительно видѣть въ людяхъ, въ помощи и содѣйствіи конхъ эта дѣятельность нуждается, лишь простыя орудія, необходимыя для достиженія цѣли, и притомъ орудія тѣмъ лучшія, чѣмъ они болѣе слѣпы и пассивны. Валленштейну

о въ обществ. дѣятельности.

№ 11802

не люди, а „пушечное мясо“, и это нехорошо не только потому, что своей дѣятельности оба они ставили чисто эгоистическія цѣли, но и потому, что они относились къ людямъ, какъ къ средствамъ для достиженія цѣлей, этимъ людямъ совершенно постороннихъ. Чтобы сдѣлать человека слѣпымъ и послушнымъ орудіемъ другого, какія бы цѣли этотъ другой себѣ ни ставилъ, пужно или обмануть, или развратить человека, скрыть отъ него правду или часть правды, лишить его или не дать въ немъ развиться способности самостоятельно мыслить, заглушить въ немъ голосъ его собственной совѣсти или дѣйствовать на чувство ложнаго стыда, потакать его дурнымъ склонностямъ и страстямъ или придавать имъ въ его глазахъ не то значеніе, какое онѣ въ дѣйствительности имѣютъ, устрашать его мезтью за неповиновеніе, противодѣйствуя въ то же время всякой его попыткѣ эманципироваться, стать на свои ноги, смотрѣть на вещи своими глазами, подчиняться голосу собственнаго нравственнаго чувства, и вести себя такъ, какъ тѣ подобаешь свободной личности, а не слѣпому и пассивному орудію чужой воли. Иезуитизмъ, оправдывающій цѣли средствами, возвелъ въ искусство такую дрессировку человѣческой личности, сочетавъ въ себѣ принципы военной команды, распоряжающейся людьми, какъ „пушечнымъ мясомъ“, и принципы тайныхъ обществъ, вожаки коихъ тоже весьма часто скрываютъ отъ обыкновенныхъ членовъ свои постоянныя цѣли, умышленно поддерживаютъ въ нихъ заблужденія, признаваемые выгодными для дѣла, связываютъ ихъ страшными клятвами и не останавливаются передъ террористическими мѣрами для поддержанія между ними повиновенія и дисциплины. Остановимся еще немного на такой aberrации нравственнаго чувства, когда ради хорошей общественной цѣли считаютъ позволительнымъ прибѣгать къ средствамъ, этически предосудительнымъ, т.-е. ради блага

всѣхъ или многихъ дѣлать зло нѣкоторымъ или немногимъ, напр., пользуясь послѣдними, какъ слѣпыми орудіями, обманывая ихъ, или безъ ихъ вѣдома, разумѣнія и свободнаго согласія ставя ихъ въ опасное положеніе, или посылая на неминуемую гибель: благая общественная цѣль и съ разсматриваемой точки зрѣнія не оправдываетъ безнравственныхъ средствъ, напр., лжи, обмана, пользованія чужимъ неразуміемъ, неопытностью, довѣрчивостью и т. п. Еще на-двое и даже не на-двое, а иногда лишь съ самою малою долею вѣроятности можно сказать, послужатъ ли такія средства къ осуществленію отдаленной, конечной цѣли такого образа дѣйствій, тогда какъ ближайшая-то цѣль, ради которой совершается безнравственный поступокъ, или непосредственный, естественно и необходимо изъ этого образа дѣйствій вытекающій результатъ или непременно получится, или будетъ болѣе, чѣмъ вѣроятенъ. Если ничто великое не дѣлается безъ жертвъ, то это даетъ право, а иногда вмѣняетъ даже въ обязанность жертвовать собою, своимъ счастьемъ, своею свободою, своею жизнью, но ничто не даетъ права человѣку, ссылаясь на цѣль, оправдывающую средства, жертвовать счастьемъ, свободою, жизнью другихъ людей только потому, что подобныя жертвы кажутся человѣку необходимыми для общаго блага, и онъ на основаніи предположеній, которыя могутъ оказаться и ошибочными, пользуется чужимъ непониманіемъ или намѣренно вводитъ другихъ въ заблужденіе, дабы приносить ихъ въ жертву своей идеѣ. Ни одинъ разумный человѣкъ не захочетъ, чтобы съ нимъ такъ поступали, а нравственный человѣкъ не захочетъ обращаться съ другими такъ, какъ не хотѣлось бы ему, чтобы другіе съ нимъ обращались. Конечно, это—главный аргументъ противъ оправданія безнравственныхъ средствъ нравственными цѣлями, но если бы онъ одинъ не имѣлъ силы, то неужели ему

не должно придать убѣдительности и то соображеніе, что полученіе желательнаго результата отъ употребляемаго средства, которое и пускается въ ходъ ради этого результата, есть еще вещь проблематическая, тогда какъ непосредственное, естественное и необходимое слѣдствіе, вытекающее изъ дурнаго поступка, не подлежитъ никакому сомнѣнію? Наконецъ, нельзя безнаказанно пользоваться дурными средствами ради хорошей цѣли: умъ — великій софистъ, а привычка дѣлается второй натурой, такъ что человѣку, желающему быть общественнымъ дѣятелемъ, но не желающему быть щепетильнымъ въ нравственномъ отношеніи, весьма легко изолгаться и измогнуться. И другія наказанія влечетъ за собою политика, оправдывающая средства ради цѣли. Для искренняго человѣка, дѣйствительно дорожащаго тѣмъ дѣломъ, которому онъ служитъ, и особенно дорожащаго людьми, дѣлающими съ нимъ одно и то же дѣло, весьма важно довѣріе друзей и уваженіе недруговъ, ибо и то, и другое можетъ идти только на пользу дѣлу. Возможно ли довѣріе къ общественному дѣятелю, не стѣсняющемуся ничѣмъ въ выборѣ своихъ средствъ? Полезно ли для дѣла, когда недруги могутъ бросить его сторонникамъ упрекъ, что ведется оно нечистыми средствами?

Но довольно объ этомъ. Пусть каждый, кому еще не приходилось серьезно задумываться надъ вопросомъ объ общественной дѣятельности, подумаетъ хорошенько на тему о взаимныхъ отношеніяхъ между нравственностью и общественной дѣятельностью, взятой со стороны побужденій къ ней, ея цѣлей и ея средствъ. И же сказалъ свое: ни въ своихъ мотивахъ, ни въ своихъ задачахъ, ни въ своихъ проявленіяхъ общественная дѣятельность, по моему глубокому убѣжденію, не должна быть дѣломъ свободнымъ отъ контроля нравственнаго чувства и этическихъ соображеній. Мало того: поскольку общественная дѣя-

тельность есть лишь одна из сторонъ духовной жизни личности, а въ этой жизни долженъ царствовать нравственный законъ, постольку и въ общественной дѣятельности должно проявляться идеальное этическое начало человѣка.

Есть и еще соображенія, говорящія въ пользу неотдѣленія общественной дѣятельности отъ нравственности. Если послѣдняя признается обязательною въ частной жизни, то вѣдь, строго говоря, граница между частною жизнью и общественною дѣятельностью лишь нѣчто условное. По тѣсной связи, существующей между людьми, членами общества, между личностью и обществомъ съ его культурно-соціальными формами и порядками, каждый поступокъ человѣка имѣетъ то или другое общественное значеніе, приноситъ пользу либо вредъ другимъ людямъ или хотя бы является просто бесполезнымъ, что тоже имѣетъ общественное значеніе, разъ это даетъ право смотрѣть на многихъ людей, какъ на ненужное бремя, и кромѣ того, каждый поступокъ такъ или иначе поддерживаетъ или разрушаетъ данные формы и порядки общества. Человѣкъ въ своей частной жизни можетъ быть поэтому для общества величиною положительною или отрицательною, дѣятелемъ прогресса, застоя или регресса, хотя бы онъ не ставилъ себѣ ровно никакихъ общественныхъ цѣлей, а занимался бы исключительно своимъ частнымъ дѣломъ, своимъ хозяйствомъ, своимъ ремесломъ, своей профессіей, по которымъ, однако, онъ неминуемо приходитъ въ то или другое соприкосновеніе съ другими людьми и съ общественными отношеніями. Однимъ словомъ, частной жизни, совершенно изолированной, въ человѣческомъ обществѣ нѣтъ и быть не можетъ. Въ интересахъ собственнаго своего существованія общество поддерживаетъ всѣми находящимися въ его распоряженіи способами (нравами, воспитаніемъ, религіей, обществен-

нымъ мнѣніемъ, законодательствомъ) нравственность въ тѣхъ отношеніяхъ, изъ коихъ складывается частная жизнь его членовъ: было бы странно, если бы общественный интересъ не требовалъ соблюденія извѣстныхъ этическихъ нормъ и въ отношеніяхъ, которыя образуютъ общественную дѣятельность. Нравственные правила, получающія общественную санкцію, имѣютъ своимъ предметомъ не что иное, какъ поступки, касающіеся другихъ людей, по изъ такихъ поступковъ складывается не только то поведеніе личности, которое подходитъ подъ рубрику частной жизни, но и то поведеніе, коему мы даемъ названіе общественной дѣятельности. Послѣдняя есть только квалифицированное поведеніе: въ послѣднемъ анализѣ и она сводится къ отдѣльнымъ поступкамъ личности, касающимся другихъ людей, и разъ всѣ такіе поступки должны подчиняться требованіямъ нравственности, для насъ должно быть рѣшительно все равно, касаются ли эти поступки членовъ нашей семьи, нашихъ родныхъ, друзей, пріятелей, знакомыхъ и т. п., съ коими мы находимся въ такъ называемыхъ частныхъ отношеніяхъ, или же они, поступки эти, будутъ касаться людей, съ коими намъ приходится сталкиваться въ нашей общественной дѣятельности, напр., съ которыми, для которыхъ, противъ которыхъ и т. д. мы именно и дѣйствуемъ. Когда говорятъ, что цѣль оправдываетъ средства, разумѣя подъ послѣдними поступки, которыхъ не стали бы оправдывать, если бы они совершались не ради данной цѣли, то имѣются въ виду или такіе поступки, совершеніе коихъ несовмѣстимо съ нравственнымъ достоинствомъ дѣйствующаго лица, или такіе, коими нарушается чье-либо чужое право. Если человѣкъ воленъ распоряжаться и жертвовать самимъ собою, своею жизнью, но не имѣетъ права распоряжаться и жертвовать другими людьми, то ему самому судить, можетъ ли онъ и долженъ ли ради какой-либо высокой

цѣли приносить въ жертву свое нравственное достоинство, унижая себя въ собственныхъ глазахъ совершеніемъ противнаго совѣсти поступка, но это ни малѣйшимъ образомъ не уполномочиваетъ его дѣлать что-либо вредное для другихъ людей, часто ни въ чемъ неповинныхъ, оскорблять ихъ человѣческое достоинство, нарушать ихъ законныя права. Разъ общественная дѣятельность въ послѣднемъ анализѣ сводится къ отдѣльнымъ поступкамъ, касающимся другихъ людей, она не можетъ не подчиняться тѣмъ общимъ правиламъ, которыя общество санкціонируетъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, т.-е. въ интересахъ всѣхъ своихъ членовъ. Если вообще нравственно относиться къ людямъ, какъ къ личностямъ, въ себѣ самихъ составляющимъ цѣль собственного существованія, а не какъ къ вещамъ, коими можно пользоваться въ качествѣ средствъ и орудій для цѣлей имъ постороннихъ, то это отношеніе должно лежать одинаково въ основѣ какъ частнаго, такъ и публичнаго нашего поведенія. Если общественная дѣятельность получаетъ разумный и нравственный смыслъ лишь подъ условіемъ стремленія къ являющемуся ея цѣлью общему благу, т.-е. къ благу отдѣльныхъ личностей, выдающихъ въ себѣ цѣль собственного своего существованія и не желающихъ быть средствами и орудіями для цѣлей, имъ постороннихъ, то было бы неразумно и безнравственно въ отдѣльныхъ поступкахъ, рассчитанныхъ на достиженіе общихъ культурныхъ и соціальныхъ результатовъ, но въ то же время касающихся и тѣхъ или другихъ людей, проявлять неуваженіе къ жизни, свободѣ, благосостоянію, достоинству и правамъ человѣческой личности.

У человѣка, кромѣ обязанностей по отношенію къ другимъ людямъ, есть и обязанности по отношенію къ самому себѣ. Эту мысль я нарочно подчеркиваю въ книжкѣ объ основахъ нравственности. Я только-что ска-

залъ, что человекъ воленъ распоряжаться самъ собою, смотрѣть на себя, на свою дѣятельность, какъ на средство для достиженія какой-либо идейной цѣли, жертвовать своею жизнью, своею свободою, своимъ достоинствомъ, своими правами, и въ этомъ заключается одна изъ величайшихъ добродѣтелей человека, дѣлающая общественнаго дѣятеля героемъ, но есть нѣчто, пожертвовать чѣмъ покажется постыднымъ и каждому герою гражданской доблести: это—унизить себя отреченіемъ отъ своего убѣжденія, поступить противъ голоса своей совѣсти, положить пятно на свою честь. Если бы правило: „цѣль оправдываетъ средства“—было вѣрно, то ради общественной цѣли человекъ имѣлъ бы право не только совершать дурные поступки по отношенію къ другимъ людямъ, но и искажать свою собственную нравственную природу, поступаясь, разъ цѣль все оправдываетъ, своимъ убѣжденіями, заглушая въ себѣ голосъ совѣсти, ни во что не ставя требованія чести. Чѣмъ были бы убѣжденія и нравственные правила, совѣсть и стыдъ, честь и человеческое достоинство, если бы наше поведеніе въ общественныхъ дѣлахъ получало тотъ или другой характеръ лишь въ зависимости отъ своей цѣли, а средства для ея достиженія сами по себѣ были вполне безразличными? Чѣмъ былъ бы, спрошу я еще, и самъ общественный дѣятель, который сталъ бы смотрѣть на убѣжденія, на совѣсть, на честь, какъ на вещи сами по себѣ безразличныя и лишь условно бывающія дурными и хорошими? Кто привыкъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ руководиться нравственными нормами, голосомъ совѣсти, требованіями чести, тотъ, конечно, не станетъ полагать границы между частной и публичной своею жизнью, чтобы одни и тѣ же отношенія къ людямъ въ частныхъ своихъ дѣлахъ подчинять этическимъ принципамъ, а въ дѣятельности общественной эти принципы игнорировать.

Такъ представляются миѣ взаимныя отношенія „морали“ и „политики“, беря оба термина въ особенномъ, условномъ значеніи. Я думаю именно, что „мораль“ должна вѣдать не одну только частную жизнь, но и общественную дѣятельность, какъ, съ другой стороны, безъ „политики“ нельзя обойтись не только въ общественной дѣятельности, но и въ частныхъ отношеніяхъ. Я разумѣю здѣсь подъ „политикой“ всякій образъ дѣйствій, который внушается не убѣжденіемъ, а расчетомъ. Человѣкъ индивидуальный и человѣкъ коллективный, т.-е. общество живетъ не однимъ нравственнымъ и справедливымъ, но и выгоднымъ, и полезнымъ. Иначе и быть не можетъ, разумѣется. Этика не осуждаетъ стремленія вообще къ пользѣ и къ выгодѣ, порицая лишь исключительное къ нимъ стремленіе и особенно принесеніе имъ въ жертву нравственнаго и справедливаго. Польза, требующая нарушенія справедливости, не можетъ быть общою пользою, разъ кому-нибудь она приноситъ вредъ, но требованіе справедливости, хотя бы исполненіе этого требованія было кому-либо невыгодно, не ведетъ къ нарушенію общей пользы. Истинно полезно лишь то, что справедливо, и если цѣль общественной дѣятельности—общая польза, то основнымъ правиломъ ея должна быть справедливость.

Общественная дѣятельность, чтобы быть достойною этого названія, должна быть въ своемъ источникѣ и въ своихъ результатахъ, въ своей цѣли и своихъ средствахъ дѣятельностью нравственною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственная жизнь человѣка не развѣртываетъ всего своего содержанія, если замыкается въ сферу чисто личныхъ отношеній частнаго характера. Конечно, этическія отношенія отличны отъ отношеній культурныхъ, экономическихъ, юридическихъ и политическихъ, изъ коихъ и складывается то, что мы зовемъ общественною жизнью; но различіе

заключается не въ томъ, будто первая имѣютъ исключительно частный, а остальные—публичный характеръ: оно заключается въ точкѣ зрѣнія на человѣка, возьмемъ ли мы его особнякомъ или въ націи, обществѣ, государствѣ, ибо только съ этической точки зрѣнія человѣкъ есть личность съ присущими ей достоинствомъ и правами, тогда какъ съ другихъ точекъ зрѣнія это будетъ или составная часть какой-либо національности, клѣточка соціального организма, производитель и потребитель матеріальныхъ продуктовъ, субъектъ правъ, санкціонированныхъ законодательствомъ, подданный или гражданинъ государства. Впрочемъ, обо всемъ этомъ я уже довольно подробно говорилъ въ „Бесѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія“ (главы VI—VII), гдѣ между прочимъ проводилъ и ту мысль, что теоретическое отношеніе къ обществу, составляющее предметъ науки, не есть отношеніе правильное, разъ оно не соединено съ этическимъ отношеніемъ къ человѣческой личности. Правильно ли, спрошу я теперь, практическое отношеніе къ обществу, которое и есть общественная дѣятельность, разъ оно также не будетъ проникнуто этическими элементами общаго блага и уваженія къ достоинству и правамъ человѣческой личности?

Интересъ къ общественнымъ вопросамъ въ лучшей части молодежи имѣетъ главнымъ образомъ этической источникъ: отвлеченная теорія, составляющая предметъ спеціального интереса ученыхъ, и житейская практика, заставляющая интересоваться общественными дѣлами по зависимости отъ нихъ нашихъ личныхъ дѣлъ, въ данномъ случаѣ играютъ весьма незначительную роль, ибо съ одной стороны, не всѣ родятся съ задатками ученыхъ, изслѣдователей, мыслителей, а съ другой,—пужно уже пожить, чтобы быть приведеннымъ практикой жизни къ занятію общественными дѣлами. Разъ, однако, это такъ, т.-е. если вѣрно, что общественный интересъ молодежи имѣетъ эти-

ческій источникъ, то пусть она дѣлаетъ отсюда и надлежащіе выводы относительно своей будущей общественной дѣятельности. Пусть въ ея представленіи общественная дѣятельность во всѣхъ своихъ сторонахъ и проявленіяхъ будетъ проникнута этическимъ отношеніемъ къ обществу и къ отдѣльнымъ человѣческимъ личностямъ! Пусть, далѣе, она пойметъ, что нельзя построить соціальной этики на какомъ-либо иномъ фундаментѣ, кромѣ этики индивидуальной! Пусть поэтому она ради теоретическаго занятія общественными вопросами не пренебрегаетъ занятіемъ вопросами этическими! Я уже говорилъ объ этомъ въ „Письмахъ о самообразованіи“¹⁾. Кто не согласенъ съ основной этической точкой зрѣнія, на которую я приглашаю стать своихъ читателей при теоретическомъ разсмотрѣніи вопроса объ общественной дѣятельности, тотъ въ дальнѣйшемъ не пойдетъ, чего ищетъ. Я думаю, однако, что для большинства моихъ читателей нужны не доказательства, которыя ихъ убѣдили бы, а выясненіе и развитіе того, въ чемъ они уже убѣждены или склонны убѣдиться.

II. Цѣль жизни и жизненное призваніе.

Свои „Мысли объ основахъ нравственности“ я началъ съ вопроса о цѣли жизни. Я думаю, что это одинъ изъ первыхъ по своей жизненной, т.-е. практической и этической важности вопросовъ всякаго міросозерцанія. Я высказалъ, далѣе, ту мысль, что поставить цѣль своей жизни можетъ и долженъ каждый самъ для себя, что никто не имѣетъ права навязывать другимъ свое пониманіе

¹⁾ См. стр. 71 и слѣд. (по послѣднимъ изданіямъ).

цѣли жизни и требовать отъ другихъ, чтобы они стремились не къ той цѣли, которую они сами себѣ поставили. Личность человѣка должна быть свободна въ выборѣ своихъ цѣлей. Это долженъ помнить и каждый общественный дѣятель, разъ онъ самъ чувствуетъ себя свободною человѣческою личностью и является таковою на самомъ дѣлѣ. Если, однако, нельзя навязывать другимъ свое пониманіе цѣли жизни, то отсюда отнюдь, конечно, не вытекаетъ, чтобы нельзя было доказывать другимъ невѣрность ихъ взгляда, когда они ошибаются, и убѣждать ихъ въ истинности своего, разъ въ этой истинности самъ не сомнѣваешься. Да, доказывать и убѣждать, а не навязывать, т. е. обращаться къ разуму и къ совѣсти, а не дѣйствовать на неясныя стремленія и смутныя чувствованія, хотя бы этимъ путемъ достигалось быстрѣе и легче внушеніе другому тѣхъ мыслей, которыя желаютъ сдѣлать его мыслями. Истинной наукѣ и этикѣ, этимъ единственно надежнымъ органамъ разума и совѣсти, чужды догматизмъ, фанатизмъ и деспотизмъ безсознательнаго внушенія, преднамѣреннаго навязыванія, духовнаго насилія надъ умомъ и волею другого человѣка. Мое пониманіе цѣли жизни есть дѣло моей мысли и моей совѣсти, а мысль и совѣсть должны быть свободны, иначе пришлось бы вернуться на путь религіозныхъ гоненій, на путь преслѣдованій за то, что составляетъ содержаніе вѣры человѣка. Никто не имѣетъ права требовать отъ человѣка, чтобы онъ думалъ или вѣрилъ иначе, чѣмъ онъ думаетъ и вѣритъ. Можно только требовать отъ человѣка, чтобы онъ не совершалъ безправственныхъ дѣяній, но нельзя навязывать ему, чтобы онъ дѣлалъ не то, что хочетъ дѣлать.

Ставя себѣ самъ цѣль своей жизни, человѣкъ самъ же долженъ найти или опредѣлить свое жизненное призваніе. Каста, заранѣе предназначающая человѣку весь его жизненный путь, разъ человѣкъ этотъ родился въ из-

вѣстномъ состояніи, и тяглое государство, прикрѣпляющее личность къ извѣстной „службѣ“ помимо ея желанія и согласія, нарушаютъ право личности самой ставить цѣль своей жизни, самой находить свое дѣло. Въ идеальномъ обществѣ каждый долженъ былъ бы сдѣлаться тѣмъ, къ чему чувствовалъ бы наибольшее расположеніе, влеченіе, стремленіе, наибольшую склонность и способность. Человѣкъ, имѣющій возможность свободнаго выбора, но самъ не выбирающій, а предоставляющій все дѣло обстоятельствамъ, случайностямъ, подчиняющійся чужому примѣру, чужому внушенію, чужой волѣ, не пользуется своимъ естественнымъ правомъ. Человѣкъ, стремящійся въ другихъ замѣпить самостоятельный и свободный выборъ, основанный па всестороннемъ и подробномъ разсмотрѣніи вопроса, внушеніемъ имъ своего безапелляціоннаго взгляда на дѣло, дѣйствуя, напр., на незнапіе, неопытность, податливость и не стараясь просвѣтить ихъ умъ и нравственное чувство, равнымъ образомъ мѣшаетъ другимъ пользоваться ихъ правомъ. Пусть каждый прежде всего „познаетъ самого себя“ и опредѣлитъ свое жизненное призваніе въ зависимости отъ наклонностей и способностей своей природы. Попасть въ жизни не на свое мѣсто, взять дѣло не по своимъ способностямъ или силамъ, выбрать занятіе, къ которому не чувствуешь внутренней склонности, стать въ положеніе, требующее совершенія поступковъ, коихъ внутренне не оправдываешь, все это—великое несчастье для человѣка, вносящее въ его жизнь только одни сожалѣнія, одно недовольство самимъ собою и своей обстановкой, одну фальшь. Между тѣмъ очень нерѣдко такой ложный шагъ дѣлаетъ человѣкъ и по своей винѣ, а не виѣшнія обстоятельства не даютъ ему, между чѣмъ выбирать, не представляютъ для него иного исхода. Виповатъ человѣкъ въ фальши собственнаго своего положенія, когда не столько извнутри, изъ самого себя опре-

дѣлать свое жизненное призваніе, а ищетъ его внѣ себя, требуетъ отъ другихъ этого опредѣленія, какъ готоваго шаблона, общаго рецепта, точно можно найти сапоги или платье, которые были бы всѣмъ впору или всѣмъ по росту. Къ сожалѣнію, нѣтъ недостатка въ людяхъ, которые находятъ возможнымъ предлагать ищущимъ, что имъ дѣлать, такіе шаблоны и рецепты, словно всѣ люди сами шиты по одной колодкѣ, сдѣланы по одной мѣркѣ, отлиты въ одной формѣ. Человека нужно учить, развивая въ немъ мыслительную способность, умѣніе анализировать явленія жизни и продукты чужого и собственнаго мышленія, привычку критически относиться къ каждому вопросу и каждому его рѣшенію, обогащая его умъ фактическимъ и идейнымъ знаніемъ и тѣмъ помогая ему въ его исканіи цѣли жизни, въ его стремленіи найти свое жизненное призваніе: это — путь ума, путь изслѣдованія, анализа, критики, путь доказательства и убѣжденія, путь знанія и науки, путь наиболѣе вѣрный и надежный. Другое дѣло — дать догматическое опредѣленіе цѣли жизни, для всѣхъ одинаковое, не принимающее въ расчетъ разнообразія индивидуальных особенностей и не допускающее критическаго обсужденія общей формулы съ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя должны порождаться этими особенностями; другое также дѣло — дать и общій рецептъ жизни, не видя, что само общество нуждается въ разнообразіи дѣятельностей, да и разные люди могутъ удовлетворяться только извѣстными занятіями, хорошо исполнять только извѣстныя дѣла. Указывать такимъ образомъ на жизненную дорогу значитъ толкать на путь господства смутныхъ чувствованій и неясныхъ стремленій, на путь слѣпой вѣры, на путь догматическаго внушенія и навязыванія, на путь чужой, а не своей мысли или воли. Вотъ почему, говоря объ общественной дѣятельности, я не даю никакого общаго для всѣхъ рецепта. Я не знаю, что нужно дѣлать всѣмъ.

Я знаю только, что *мнѣ* нужно дѣлать, и я это дѣлаю, но я не знаю, что *всѣмъ* одинаково нужно дѣлать, и даже прямо думаю, что такого дѣла нѣтъ и быть не можетъ. То, что я дѣлаю, я считаю, однако, хорошимъ, нравственнымъ, полезнымъ, нужнымъ для общества, но хорошимъ, нравственнымъ, полезнымъ, нужнымъ для общества я считаю и многія другія дѣла, и если я ими не занимаюсь, то потому, что у меня нѣтъ къ нимъ ни внутренняго влеченія, ни необходимыхъ способностей, ни надлежащаго умѣнія, ни свободнаго времени, наконецъ. Итакъ, я не могу сказать, что нужно дѣлать *всѣмъ*, но я могу сказать зато, *какъ* нужно выбирать себѣ дѣло, и *какія* дѣла — хорошія, нравственныя, полезныя, нужныя для общества. И это очень просто: поменьше догматизма при опредѣленіи своего собственнаго призванія, поменьше фанатизма и деспотизма со стороны тѣхъ, которые имѣютъ возможность вліять на чужой выборъ. А чтобъ узнать, что хорошо, что нравственно, что полезно, что нужно для общества, тоже нужно поменьше полагаться на готовые формулы, побольше думать, побольше читать по этикѣ, по социальнымъ наукамъ, по исторіи. Впрочемъ, обо всемъ этомъ я подробно уже говорилъ въ „Письмахъ о самообразованіи“ ¹⁾, советуя своимъ читателямъ, ищущимъ путей жизни, не думать, что вѣрное рѣшеніе своего жизненнаго вопроса онъ можетъ найти *совсѣмъ* готовымъ въ какой-либо придуманной другими формулѣ, въ какомъ-либо сочиненномъ другими рецептѣ, въ какой-либо выставленной другими программѣ, безъ собственнаго исканія, изслѣдованія, размышленія, безъ всякихъ усилій, безъ всякаго труда съ своей стороны, единственно на почвѣ инстинкта, чувства, настроенія, первый изъ коихъ слѣпъ, второе не помогаетъ, а мѣшаетъ уму находить истину,

¹⁾ Стр. 36 и слѣд.

последнее, наконецъ, отличается большою подвижностью и измѣнчивостью.

Итакъ, я отказываюсь дать готовый рецептъ общественной дѣятельности. Это не значитъ, чтобы у меня не было опредѣленной формулы *моей* общественной дѣятельности, чтобы я не считалъ своего дѣла жизненнымъ призваніемъ, оправдываемымъ съ точекъ зрѣнія разума и совѣсти, но это значитъ, что я не могу, не хочу, не считаю себя въ правѣ возводить мою личную формулу на степень единственно вѣрнаго и для всѣхъ одинаково обязательнаго рецепта, и не значитъ еще, чтобы съ точки зрѣнія разума и совѣсти не могли также оправдываться и другія формулы, если только онѣ не заявляютъ себя „единными спасающими“. Каждый долженъ самъ найти свою формулу, и я считаю себя въ правѣ лишь помогать ему въ этой его работѣ, содѣйствуя, какъ знаю и умѣю, просвѣщенію его ума и проясненію его нравственнаго чувства. Конечно, если бы я вѣрилъ самъ въ спасительность такихъ готовыхъ рецептовъ общественной дѣятельности, какихъ многіе ищутъ, не подозревая, что это—погоня за призраками, и какіе другими даются, чтобы на время создать нѣкоторую иллюзію, рано или поздно влекущую за собою разочарованіе, тѣмъ большее и тѣмъ горшее, чѣмъ болѣе слѣпо раньше вѣрилось,—если бы я самъ, повторяю, вѣрилъ въ такіе рецепты вообще и вѣрилъ, что самъ нашелъ совершенно вѣрный рецептъ, я не преминулъ бы объявить его во всеобщее свѣдѣніе. Но чтѣ дѣлать, въ это я не вѣрю, а вѣрю лишь въ силу умственной самостоятельности и самодѣятельности, которыя только и могутъ помочь человѣку найти свой настоящій жизненный путь.

Конечно, мое утвержденіе, для меня имѣющее силу несомнѣнной безспорной истины, для другихъ подлежитъ спору, и я предвижу такіа возраженія.

Да, скажутъ мнѣ, то, что вы говорите, вполне примѣнимо только въ идеальномъ обществѣ, но для того, чтобы осуществить извѣстный общественный идеалъ, нужно прибѣгнуть къ средству, которое хотя и не оправдывается съ точки зрѣнія самого идеала, но зато можетъ быть оправдано, какъ средство, безъ коего нельзя осуществить этого идеала. Мы согласны съ тѣмъ, что противно правамъ личности дѣлать изъ нея орудіе цѣли, которую она не сама себѣ самостоятельно и свободно поставила, которую ей внушили, навязали, предписали, но ради достиженія хорошей цѣли — достиженія такого общественнаго состоянія, когда всѣ права личности будутъ признапы и осуществлены, развѣ нельзя поступиться на время этимъ принципомъ, если безъ этого нельзя достигнуть поставленной цѣли? На это я возражаю. Во-первыхъ, это та же цѣль, оправдывающая средства, но съ такимъ ученіемъ я не согласенъ, — почему, это уже объяснено было вообще въ первой главѣ. Во-вторыхъ, разъ мы для обезпеченія правъ или свободы однѣхъ личностей, взятыхъ нами въ качествѣ цѣлей, будемъ нарушать права и свободу другихъ личностей, которыми и пользуемся въ данномъ случаѣ, какъ орудіями, мы впадаемъ въ противорѣчіе съ самими собою, начиная осуществленіе принципа съ его нарушенія. Если принципъ, по которому личность есть сама своя цѣль, если принципъ свободы и самоопредѣленія личности вѣренъ, то онъ долженъ быть по возможности соблюдаемъ и въ современномъ обществѣ, а не откладываемъ въ долгій ящикъ подъ тѣмъ предлогомъ, что этого требуютъ интересы будущаго общества. Чѣмъ передъ законами разума и совѣсти провипились современные поколѣнія, если ради осуществленія извѣстнаго принципа въ жизни отдаленныхъ ихъ потомковъ мы намѣренно будемъ нынѣ живущихъ людей лишать того блага, которое и имъ должно принадлежать по этому принципу? Въ третьихъ, оставляя въ сторонѣ соображенія

справедливости, т.-е. уступая даже по пункту оправданія цѣли средствами, — чего на самомъ дѣлѣ я, конечно, не уступаю, — спросимъ себя, цѣлесообразно ли это? Для того, чтобы въ идеальномъ обществѣ личность могла самостоятельно и свободно опредѣлять себя, нужны не только извѣстныя внѣшнія условія, т.-е. извѣстные культурные и соціальныя порядки и формы, ради достиженія коихъ и считаютъ необходимою догматическую проповѣдь съ готовыми рецептами, но и нѣкоторыя внутреннія условія, развитію коихъ всегда будетъ помѣхою всякій догматизмъ, всякая проповѣдь готовыхъ рецептовъ. Въ обществѣ должна быть создана прочная привычка, прочная традиція свободного самоопредѣленія личности, индивидуальной самостоятельности; но какъ создалась бы эта привычка, эта традиція, если бы воспитаніе общества происходило въ духѣ началъ, противныхъ принципамъ самоопредѣленія и свободы? Это значило бы уподобиться якобинцамъ, которые, желая сдѣлать французскій народъ свободнымъ, подчинили его самому деспотическому правленію въ ожиданіи того момента, когда правительственный гнетъ сдѣлаетъ французовъ совсѣмъ способными къ свободѣ, чего, однако, не получилось. Средство въ данномъ случаѣ не только нравственно не оправдывается своею цѣлью, но и логически ей противорѣчитъ: это не только не этично, но и нецѣлесообразно. Что касается до осуществленія извѣстныхъ выгодныхъ для личнаго развитія и благополучія культурныхъ и соціальныхъ условій, то и ово едва ли требуетъ, чтобы рѣшеніе задачи заключалось въ догматической проповѣди готовыхъ рецептовъ общественной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, если то, чтѣ стремятся догматически внушить или деспотически навязать, вѣрно, то вѣдь у истины есть болѣе вѣрныя и прочныя и ей внутренне болѣе соответствующіе способы распространенія и утвержденія въ общественномъ сознаніи. Путь знанія предпочтительнѣе путя вѣры въ смыслѣ

большей цѣлесообразности, хотя, быть можетъ, итти по нему и кажется болѣе медленнымъ. Путь догматизма и вѣры есть путь стихійныхъ движеній, которыхъ такъ много знаетъ исторія. Чѣмъ менѣе въ движеніяхъ этихъ ясной и широкой критической мысли и чѣмъ болѣе туманной и ограниченной догматической вѣры, тѣмъ возможнѣе неудачи, тѣмъ естественнѣе разочарованія. Судьба всѣхъ готовыхъ рецептовъ общественной дѣятельности такова: сначала слѣпое увлеченіе, преувеличенныя надежды, несбыточные ожиданія, потомъ столкновеніе съ дѣйствительностью, неудачи и разочарованіе, за которыми слѣдуетъ или сомнѣніе, если не прямое невѣріе, въ возможности какой бы то ни было дѣятельности во имя дорогой цѣли, разъ „единая спасающая“ формула, т.-е. то, чтѣ за таковую принималось съ исключеніемъ всего остального, оказалась несостоятельной, потерпѣвъ крушеніе, или же слѣдуетъ подтачивающее силы человѣка сомнѣніе въ самомъ себѣ. И остаются два выхода—или махнуть на все рукой, или начать повтореніе эксперимента съ новымъ рецептомъ, который тоже заявляетъ себя „единымъ спасающимъ“. Не знаю, но мнѣ кажется, что не можетъ быть двухъ различныхъ отвѣтовъ на вопросъ о томъ, чтѣ важнѣе въ дѣлѣ достиженія высшихъ цѣлей культурно-соціального прогресса, т.-е. чтѣ цѣлесообразнѣе, итти ли путемъ догматическихъ увлеченій, за которыми слѣдуютъ разочарованія, и путемъ фанатическихъ опытовъ, обреченныхъ на неудачи, или же итти, слѣдуя указаніямъ критической обоснованной теоріи умѣя вѣрно предсказывать или, по крайней мѣрѣ, предвидѣть, какія слѣдствія можетъ имѣть то или другое дѣйствіе, къ чему приведутъ такія-то и такія-то усилія? Другими словами, въ комъ болѣе нуждается общество и въ текущей своей жизни, и въ дѣлѣ своего историческаго прогресса, — въ самостоятельныхъ ли общественныхъ дѣятеляхъ, сознательно и свободно выбравшихъ свое дѣло,

не увлекающихся призраками, но и предвидящих возможность неудач при рѣшеніи воплѣ осуществимыхъ цѣлей, вмѣстѣ съ тѣмъ не производящихъ экспериментовъ зря и на-авось, но не бросающихъ дѣла при первой неудачѣ, или же общество нуждается, наоборотъ, въ людяхъ, говорящихъ съ чужихъ словъ, дѣйствующихъ по чужой волѣ, готовыхъ въ своихъ увлеченіяхъ ставить на карту самые важные общественные интересы, а въ случаѣ крушенія опускающихъ руки или способныхъ даже въ своемъ разочарованіи всѣмъ прежнимъ перебѣгать въ другой лагерь, чтѣ является естественнымъ результатомъ непрочности представлений, чувствованій и стремленій, которыя не выработаны, не выстраданы самимъ человѣкомъ, не куплены цѣною усилій его мысли и тревогъ его совѣсти?

Вотъ мои возраженія противъ полезности догматической проповѣди съ ея готовыми рецептами. Одна оговорка, однако, необходима. Догматической проповѣди, конечно, избѣжать нельзя уже по одному тому, что есть масса людей, которые по своему развитію и образованію и неспособны къ воспринятію общественныхъ истинъ въ иной формѣ, но усыплять посредствомъ такой проповѣди критическую мысль въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, гдѣ она можетъ и должна существовать, значить прямо содѣйствовать культурному регрессу, который никоимъ образомъ не можетъ быть средствомъ прогресса социальнаго. На этомъ основаніи я и говорю людямъ, у коихъ предполагаю достаточно развитія, чтобы совѣтъ могъ быть принятъ и осуществленъ: находите сами цѣль своей жизни, опредѣляйте сами свое жизненное призваніе, побольше думайте, изучайте себя и окружающую среду, прислушивайтесь къ тому, чтѣ говорятъ другіе, читайте и учитесь, анализируйте и критикуйте, взвѣшивайте, сравнивайте и выбирайте, но не воображайте, что кто-либо за васъ можетъ рѣшить вопросъ о томъ, чѣмъ вамъ быть и чтѣ дѣ-

лать, или имѣть право требовать отъ васъ, чтобы вы были тѣмъ-то и тѣмъ-то и дѣлали то-то и то-то.

Въ главѣ о цѣли жизни въ „Мысляхъ объ основахъ нравственности“ я проводилъ не только ту идею, что каждый самъ долженъ ставить цѣль своей жизни, но и ту, что цѣль эта должна заключаться въ той же самой жизни, а не внѣ ея. Почему это такъ, въ своемъ мѣстѣ было объяснено и доказано, и выводъ отсюда простъ: никто не можетъ навязывать человѣку дѣятельности, которая не давала бы ему личнаго удовлетворенія, которая не соответствовала бы какой-либо жизненной его потребности. Съ этой точки зрѣнія и общество не имѣетъ никакихъ особыхъ правъ надъ личностью. Но изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ, ставя цѣль своей жизни въ самой этой жизни, а не внѣ ея, не могъ въ силу этого брать на себя какое-либо общественное дѣло, чтобы онъ долженъ былъ ограничиваться занятіями чисто частнаго характера, необходимыми исключительно для поддержанія личнаго существованія. Если въ качествѣ разумаго и нравственнаго существа человѣкъ не можетъ свести свою жизнь на то, чтобы ѣсть, пить и спать, то въ качествѣ существа общественнаго онъ не можетъ вполне удовлетвориться служеніемъ эгоистическимъ интересамъ (не однимъ матеріальнымъ, но и духовнымъ даже) своего я и своей семьи. Въ формулу жизни человѣка, одареннаго альтруистическимъ чувствомъ и социальнымъ инстинктомъ, не можетъ не входить удовлетвореніе потребности въ общественной дѣятельности, возникающей на почвѣ общности, какъ одного изъ важныхъ свойствъ человѣческой природы. Не всѣ люди одинаково одарены общественнымъ инстинктомъ, интересомъ къ общественной жизни, склонностью и способностью къ общественной дѣятельности. Общество можетъ требовать отъ индивидуума, чтобы онъ, какъ слѣдуетъ, исполнялъ взятую на себя общественную обязан-

ность, разъ именно онъ эту обязанность на себя взялъ, но общество не имѣеть ни малѣйшаго права требовать, чтобы каждый его членъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнымъ дѣятелемъ. Общественная дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть лишь личнымъ призваніемъ, какъ дѣятельность, напр., научная, литературная, артистическая, педагогическая и т. п., какъ и соединеніе со всѣми этими дѣятельностями, имѣющими каждая свое значеніе, общественной жизни. Человѣкъ ставитъ цѣль своей жизни въ самой этой жизни, а не внѣ ея, но цѣль, къ которой стремится человѣкъ, слѣдуя своему призванію, удовлетворяя свою потребность, исполняя свое пазначеніе, какъ оно имъ понимается, — находится именно въ самой жизни человѣка, а не внѣ ея, хотя бы это призваніе было и общественнаго характера. Быть полезнымъ членомъ общества, быть настоящимъ гражданиномъ родной страны есть обязанность каждаго, а не особое призваніе; быть общественнымъ дѣятелемъ есть именно призваніе, а не обязанность. Если даже развитое нравственное сознаніе и требуетъ общественной дѣятельности, возводя ее на степень жизненнаго долга, то такой долгъ можетъ на себя наложить только самъ человѣкъ, никакъ не общество—предъявить ему это требованіе. Общественная дѣятельность можетъ быть поэтому *нравственнымъ* долгомъ, отнюдь, однако, не *соціальною* обязанностью. Соціальная обязанность каждаго—дѣлать какое-либо дѣло, полезное обществу, и исполнять требованія, налагаемая на индивидуума общими условіями и задачами общественной жизни, но какое полезное дѣло будетъ дѣлать человѣкъ и будетъ ли онъ дѣлать что-либо сверхъ того, чтѣ требуется самыми элементарными интересами общества, это уже такой вопросъ, рѣшеніе коего должно зависѣть отъ индивидуальныхъ наклонностей и способностей человѣка, это можетъ

быть уже лишь предметомъ его свободнаго выбора, за которъй онъ отвѣчаетъ только передъ своею совѣстью.

Итакъ, все дѣло здѣсь въ личномъ призваніи. Одно личное призваніе должно рѣшать вопросъ о томъ, на какомъ поприщѣ будетъ человѣкъ приносить пользу обществу, и будетъ ли эта польза простираться далѣе того, что вытекаетъ изъ первѣйшихъ и необходимѣйшихъ условій всякаго общежитія. И ученый, и писатель, и педагогъ, и врачъ могутъ приносить пользу обществу, но дѣятельность ученаго, писателя, педагога, врача даже при добросовѣстномъ исполненіи ими своихъ спеціальныхъ обязанностей не будетъ еще общественною дѣятельностью, разъ каждый изъ нихъ будетъ сторониться общественныхъ вопросовъ, хотя бы они и соприкасались съ тою или другою спеціальностью, и не будетъ непосредственно дѣйствовать на общество, хотя бы одними средствами, даваемыми ему его спеціальностью. Быть полезнымъ обществу можно, и не будучи общественнымъ дѣятелемъ, и, наоборотъ, можно быть общественнымъ дѣятелемъ, т.-е. участвовать въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ и такъ или иначе оказывать воздѣйствіе на общество, и въ то же время приносить обществу вредъ, даже при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ, не будучи ни карьеристомъ, ни дѣльцомъ, но берясь не за свое дѣло, за дѣло не по своимъ способностямъ и силамъ, не по своимъ званіямъ и умѣнію. Ошибиться въ своемъ призваніи опасно не только съ личной, но и съ общественной точки зрѣнія. Нужно знать характеръ своихъ склонностей и способностей, нужно знать размѣръ своихъ силъ. Есть виды общественной дѣятельности, посредствомъ коихъ, такъ сказать, удовлетворяются лишь текущія нужды общества, но общественная жизнь предъявляетъ своимъ дѣятелямъ и другого рода задачи, требуетъ отъ нихъ постановки и рѣшенія цѣлыхъ общественныхъ вопросовъ, подготовки и прове-

денія крупныхъ преобразованій и т. п. Для особыхъ дѣлъ и люди требуются особе. Общество не только не вправе навязывать подобныя дѣла всѣмъ, но прямо дѣйствовало бы противъ собственныхъ своихъ интересовъ, просто даже во вредъ себѣ, если бы стало поручать ихъ не тѣмъ людямъ, которые призваны именно къ такимъ, а не къ инымъ дѣламъ.

Цѣль жизни, какую можетъ поставить себѣ человѣкъ въ качествѣ существа, живущаго среди другихъ такихъ же человѣческихъ существъ, и въ качествѣ члена общества, не будетъ разумною и нравственною цѣлью, если въ содержаніе дѣятельности человѣка не будетъ входить дѣланіе добра другимъ и принесеніе пользы обществу. Служить вообще чужому и въ частности общественному благу можно разными способами и путями, между коими находится общественная дѣятельность вообще и въ частности общественная дѣятельность, направленная на улучшеніе культурно-соціальныхъ формъ и порядковъ. Сознаніе, что своею дѣятельностью дѣлаешь людямъ добро, приносишь пользу обществу, содѣйствуешь улучшенію общественныхъ условій и отношеній и тѣмъ способствуешь всеобщему счастью, можетъ наполнить цѣлую жизнь высшимъ содержаніемъ, дать разумный и нравственный смыслъ личному существованію, и обладаніе такимъ сознаніемъ можетъ стать самою настоящею, самою вѣрною и самою осуществимою цѣлью жизни. Но не всегда общественная дѣятельность вытекаетъ изъ такихъ чистыхъ, альтруистическихъ, соціальныхъ побужденій. Для иныхъ она есть не призваніе, слѣдуя которому человѣкъ выполняетъ свое назначеніе,—какъ опъ его самъ понимаетъ, ибо лишь самъ человѣкъ можетъ дать себѣ то или другое назначеніе, такъ какъ виѣ его никто, не исключая самого общества, на это не имѣетъ права: именно для иныхъ общественная дѣятельность является лишь средствомъ личнаго

возвышенія или обогащенія. Наполеонъ не считалъ себя призваннымъ служить обществу; для него скорѣе назначеніемъ самого общества было служеніе ему, Наполеону. Человѣческія стремленія—дѣло сложное, и въ нихъ иногда разобраться трудно. Легко и въ самомъ себѣ и въ другихъ на первыхъ порахъ, пока еще не проявилась въ поступкахъ человѣка его истинная природа, легко принять за безкорыстное стремленіе къ общественной дѣятельности, за свое жизненное призваніе—инстинкты властолюбія, честолюбія и тщеславія, которые могутъ найти полное удовлетвореніе лишь на публичной аренѣ. Человѣкъ познаётся лишь по дѣламъ его, а не по тому, что онъ о себѣ говоритъ и даже о себѣ думаетъ. Въ этомъ случаѣ характеризуютъ человѣка не только дѣйствительно совершавшя имъ дѣла, но и дѣянія, которыя онъ заставляетъ себя совершать въ своихъ мечтаніяхъ. Человѣку свойственно жить не одной дѣйствительностью, но и фантазіей, и юношѣ болѣе, чѣмъ человѣку зрѣлаго возраста, позволительно и естественно фантазировать. Я говорю о тѣхъ воображаемыхъ положеніяхъ, въ какія ставитъ себя человѣкъ, о тѣхъ воображаемыхъ дѣйствіяхъ, которыя онъ заставляетъ себя совершать: въ этихъ мечтаніяхъ, иногда очень обранныхъ и рельефныхъ, послѣдовательныхъ и стройныхъ, въ этихъ исторіяхъ о самомъ себѣ, создаваемыхъ свободнымъ полетомъ творчества, проявляются въ наиболѣе чистомъ, безпримѣсномъ своемъ видѣ природа человѣка, его характеръ, основныя стремленія его воли, его жизненное призваніе. Человѣкъ для самоуслажденія сочиняетъ о себѣ то, что болѣе всего ему поправилось бы въ дѣйствительности, что наиболѣе его удовлетворило бы, что было бы исполненіемъ его инстинктивного призванія, и онъ не можетъ не любить этихъ грѣзъ, не можетъ не стремиться осуществить ихъ въ жизни. Ребенокъ или юноша можетъ воображать себя или хо-

тѣтъ быть знаменитымъ полководцемъ или великимъ угодникомъ, отважнымъ путешественникомъ или смѣлымъ реформаторомъ, первымъ красавцемъ или первымъ богачомъ, и для него особую привлекательность будутъ имѣть въ качествѣ примѣровъ отдѣльные образы, общіе типы, біографіи героевъ, святыхъ, путешественниковъ, реформаторовъ и т. п., смотря по призванію. Кто никогда не мечталъ объ общественной дѣятельности, не воображалъ себя общественнымъ дѣятелемъ, не интересовался біографіями общественныхъ дѣятелей, не любилъ тѣхъ или другихъ изъ нихъ, не преклонялся и не благоговѣлъ передъ ними, не видѣлъ въ нихъ образцовъ для подражанія, не давалъ себѣ обѣщанія слѣдовать ихъ примѣру; кто не ставилъ себѣ общественныхъ задачъ, какъ бы ни были онѣ разнообразны по своему содержанию въ зависимости отъ разваго пониманія блага въ разныхъ возрастахъ и на разныхъ ступеняхъ развитія, или кто въ сладкихъ мечтахъ о будущихъ подвигахъ выдвигалъ на первый планъ не добро, которое они осуществятъ, не ѳсеобщее счастье, какое ими будетъ создано, не творчество идеи, а личную славу, честь, власть, богатство,—у того нѣтъ призванія къ общественной дѣятельности, тотъ не признаетъ своего назначенія въ служеніи общественному благу. Общественная дѣятельность можетъ давать удовлетвореніе и человѣку, безкорыстно стремящемуся служить общему благополучію, и человѣку, который, иногда самъ того не подозрѣвая, цѣнитъ въ ней преимущественно красивыя и эффектныя положенія, пріятно щекочущія тщеславіе, возможность играть вліятельную и властную роль, льстящую самолюбію и честолюбію: для перваго она призваніе, серьезное дѣло жизни, для другаго—карьеря, средство отличиться. Превращеніе въ простыхъ карьеристовъ или обыкновенныхъ дѣльцовъ—молодыхъ людей, обѣщавшихъ сдѣлаться

общественными дѣателями, собственно говоря, въ громадномъ большинствѣ случаевъ вовсе и не есть какое-либо превращеніе: оно есть только обнаженіе ихъ настоящей сущности отъ того, что къ нимъ пристало чисто внѣшнимъ образомъ изъ хорошихъ словъ, произносить которыя научиться не трудно, но и забыть которыя тоже не трудно. Если они когда-либо мечтали, то, вѣроятно, и мечтали-то, какъ будущіе карьеристы и дѣльцы, а не какъ будущіе общественные дѣатели. Дѣло еще усложняется тѣмъ, что въ чистомъ, непримѣсномъ видѣ, общественный интересъ безъ мотивовъ тщеславія, честолюбія, властолюбія, иногда даже и простого корыстолюбія весьма рѣдко царитъ въ душѣ человѣка, какъ бы ни мала была эта примѣсь и хотя бы при существованіи одного порока всѣ остальные въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вполне отсутствовали. То, что бываетъ нечистою или не совсѣмъ чистою примѣсью къ чистому побужденію, легко можетъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ развиться въ ущербъ этическому настроенію, и тогда возможны дѣйствительныя превращенія, искажающія то, что составляло прежде истинное призваніе человѣка. Превращеніе хорошаго въ дурное было бы невозможно, если бы въ хорошемъ не существовало зародыша дурного.

Становясь на этическую точку зрѣнія, трудно понять, какимъ образомъ человѣкъ, находящійся на извѣстной ступени умственнаго развитія, могъ бы ставить цѣль своей жизни, не внося въ свои мысли объ этомъ предметѣ никакихъ соображеній, касающихся блага другихъ или общественной пользы. Если для меня моя жизнь должна имѣть разумный и нравственный смыслъ, я, во-первыхъ, не могу допустить, чтобы моя жизнь прошла совершенно безслѣдно для окружающаго меня нравственнаго и общественнаго міра, и не могу не желать, во-вторыхъ, чтобы признаніе за мною жизнью желательнаго для меня

смысла было дѣломъ моего личнаго произвола и моей фантази, т.-е. чтобы оно не покоилось на логическихъ и фактическихъ основаніяхъ, правильность которыхъ была бы признана и другими. Разъ я не ставлю одною изъ частныхъ цѣлей своей жизни принесеніе пользы другимъ и думаю только о своихъ личныхъ наслажденіяхъ и въ годахъ, я долженъ примириться, какъ съ естественнымъ изъ этого выводомъ, съ мыслью о бесплодности жизни въ настоящемъ, о безслѣдности ея въ будущемъ, примириться съ тѣмъ, что претитъ инстинкту нравственнаго самосохраненія и самоуваженія. Но недостаточно еще, чтобы я самъ призналъ, что смыслъ моей жизни таковъ-то и таковъ-то: быть можетъ, объективно моя дѣятельность и не будетъ имѣть того значенія, какое я ей субъективно приписываю, не будетъ имѣть такого значенія или потому, что я ошибочно понимаю ея цѣль, или потому, что невѣрно выбираю средства, или потому, наконецъ, что принимаю простую болтовню за настоящее дѣло. Для того, чтобы моя жизнь и объективно имѣла приписываемый ей смыслъ, нужно признаніе за нею такого смысла и со стороны другихъ, со стороны общества, но лишь тогда можетъ быть совпаденіе въ сужденіяхъ отдѣльной личности и всего общества, когда и тѣ, и другія сужденія будутъ основываться на логикѣ и фактахъ. И общество можетъ имѣть свое мнѣніе въ вопросѣ, его касающемся. Навязать личности ту или другую цѣль ея жизни, то или другое пониманіе смысла ея жизни,—оно, разумѣется, на это не имѣетъ права, но ничто не можетъ ему запретить высказывать свое сужденіе о пониманіи отдѣльною личностью смысла и цѣли ея жизни. Въ дѣлѣ такой важности, какъ вообще во всѣхъ вопросахъ, касающихся правильности пониманія, я не могу полагаться исключительно на свое мнѣніе лишь потому, что это—*мое* мнѣніе, *мнѣ* такъ это кажется и т. п.: это было бы

однимъ изъ худшихъ догматизмовъ, воспитывающихъ фанатизмъ и деспотизмъ съ ихъ неуваженіемъ къ чужой мысли, къ чужой совѣсти, къ чужой волѣ, съ ихъ отрицаніемъ правъ другихъ личностей и всего общества передъ правами моего непогрѣшимаго и неограниченно властвующаго я. Человѣкъ можетъ ошибаться и заблуждаться. У кого сильно чувство правды, тотъ будетъ всегда считать своимъ долгомъ провѣрять себя, нѣтъ ли въ его мысляхъ ошибки и заблужденія. Это и есть одинъ изъ видовъ той критической работы, о которой говорилось выше. Матеріалъ для самокритики человѣкъ можетъ имѣть въ большомъ изобиліи, стѣдуетъ ему только прислушиваться по интересующимъ его въ данномъ случаѣ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ къ чужимъ взглядамъ, къ голосу общественнаго мнѣнія. Когда дѣло идетъ объ общественной дѣятельности, человѣкъ прямо *обязанъ* прислушиваться къ общественному мнѣнію, ибо только или люди, потерявшіе всякій стыдъ и совѣсть, или фанатики и деспоты, считающіе себя непогрѣшимыми и вѣрящіе въ неограниченность своихъ правъ, не обращаютъ никакого вниманія на общественное мнѣніе, считая его въ однихъ случаяхъ совсѣмъ пустымъ дѣломъ, въ другихъ случаяхъ заранѣе предполагая, что оно ошибочно и незаконно, разъ оно не совпадаетъ съ „моими“ мнѣніями. Рекомендую сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ, я, конечно, не стану утверждать, что оно всегда и вездѣ право. Это значило бы требовать подчиненія личности другому догматизму. Во-первыхъ, цѣлое общество можетъ ошибаться и заблуждаться, и лишь одинъ человѣкъ — понимать вещь правильно и вѣрно: весь прогрессъ знавій совершается путемъ исправленія ходячихъ въ обществѣ взглядовъ отдѣльными людьми. Во-вторыхъ, за общественное мнѣніе выдается часто то, чтѣ есть мнѣніе лишь известной части общества, будетъ ли то большинство, или

меньшинство, будетъ ли эта часть лучшею или худшею. Рѣшеніе вопросовъ, въ коихъ дѣло идетъ объ истинѣ и справедливости, не можетъ совершаться пусканіемъ ихъ на голоса, а съ другой стороны, и лучшая часть общества въ отдѣльныхъ вопросахъ можетъ заблуждаться, ошибаться, поступать не вполне правильно. Въдѣ я безпристрастная исторія, воздавая должное лучшимъ людямъ своего времени, весьма часто вынуждена бываетъ отмѣчать ихъ промахи и прегрѣшенія. Воображать кого-либо непогрѣшимымъ—тоже одинъ изъ худшихъ видовъ догматизма. Если я, не будучи, конечно, по натурѣ фанатикомъ и деспотомъ или не признавая себя божествомъ, либо особымъ избранникомъ свыше, не могу приписывать себѣ непогрѣшимости, то именно потому, что я человѣкъ и обыкновенный смертный, но тогда какіе могутъ быть у меня резоны полагать, что мнѣніе или поведеніе той или другой части общества (извѣстнаго класса, партіи, школы) безусловно непогрѣσιμο? Въ-третьихъ, общественное мнѣніе зависитъ весьма часто отъ общественнаго настроенія, и потому оно бываетъ такъ неустойчиво, такъ переменчиво: полагаться во всемъ и всегда на мнѣніе, господствующее (господствующее, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ кругу), значить, плыть по теченію, слѣдовать модѣ, желать быть современнымъ, вѣрить готовому рецепту.

Догматизмъ вездѣ вреденъ, будетъ ли то догматизмъ личной самоувѣренности, самопѣнія, признанія своей непогрѣшимости, или это будетъ догматизмъ увѣренности въ томъ, что такой-то другой человѣкъ или такіе-то другіе люди непогрѣшимы. Ставя себѣ общественныя дѣла, нельзя не принимать въ расчетъ общественнаго мнѣнія, по считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ, нельзя не подвергать его своей критикѣ. Критика нужна въ обоихъ случаяхъ—и къ себѣ, и къ другимъ. Безъ этого нѣтъ ни истины, ни справедливости.

Вотъ почему постановка цѣли своей жизни, опредѣленіе своего призванія, выборъ жизненнаго поприща — дѣло важное, трудное, сложное. Для человѣка, который не упрощаетъ этого дѣла сведеніемъ на вопросъ о томъ, какое занятіе его прокормитъ и обезпечитъ его благосостояніе, а въ то же время наиболѣе будетъ соответствовать его личнымъ вкусамъ и силамъ, тутъ открывается цѣлая масса вопросовъ. Безъ профессіи, безъ практическаго дѣла, которое прокармливало бы человѣка и его семью, прожить нельзя, но каждое дѣло требуетъ особыхъ способностей и спеціальныхъ знаній и павыковъ: нужно не ошибиться въ своей годности для даннаго дѣла, въ своихъ силахъ пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія и умѣніе. Прокармливающая меня профессія должна быть моимъ любимымъ дѣломъ или, по крайней мѣрѣ, оставлять мнѣ досугъ для занятій по моему сердцу. Если я человѣкъ съ развитымъ общественнымъ чувствомъ, я долженъ искать такой профессіи и любить такое дѣло, которыя общественно полезны и которыя не противорѣчатъ законамъ этики, разъ я не отдѣляю „политики“ отъ „морали“. Когда, наконецъ, я не могу удовлетвориться простымъ исполненіемъ общественно-полезной и лично мнѣ пріятной функціи, а считаю своимъ долгомъ выступать въ качествѣ общественнаго дѣятеля съ болѣе широкими задачами, чѣмъ удовлетвореніе, такъ сказать, текущихъ нуждъ общества, и тутъ мнѣ предстоитъ выбирать такую или иную профессію, ту или другую опредѣленную дѣятельность. Общественная дѣятельность не есть особая профессія. Существуютъ только отдѣльныя профессіи, которыя имѣютъ или болѣе частный, или болѣе общественный характеръ, да и въ послѣднемъ случаѣ есть разница между положеніями, или прямо созданными для такого или иного воздѣйствія на общество, или только дающими возможность оказывать это воздѣйствіе, между положеніями, на которыхъ обществен-

ный дѣятель выступаетъ въ качествѣ свободной и самостоятельной силы, или, наоборотъ, является только исполнителемъ, между положеніями, позволяющими человѣку брать на себя инициативу и нести на себѣ нравственную отвѣтственность и, напротивъ, дѣлающими невозможными ни то, ни другое.

Да, трудное и сложное это дѣло! Огнюдь не рекомендуя бросаться изъ стороны въ сторону, что возможно лишь при легкомысленномъ и незрѣломъ выборѣ жизненнаго пути по чужому внушенію, совѣту или примѣру, по готовому рецепту или господствующей модѣ, нельзя, конечно, не быть и противъ упрямой вѣрности разъ избранному пути, когда, напр., кто-либо въ возрастѣ незрѣлыхъ рѣшеній и необдуманыхъ поступковъ вообразить, что будетъ тѣмъ или другимъ, и затѣмъ готовить себя къ этому, не ломая уже головы, нужно ли это на самомъ дѣлѣ и почему это нужно.

Ложные шаги вездѣ и всегда возможны. Чтобы ихъ поменьше и порѣже дѣлать, нужно больше и чаще думать и дѣлать предметомъ размысленій свои же собственныя постоянныя настроенія и мимолетныя увлеченія: только въ первыхъ, т.-е. въ постоянныхъ настроеніяхъ выражается самъ человѣкъ, и проявляется его истинное призваніе.

На этомъ съ вопросомъ, поставленнымъ въ настоящей главѣ, я и кончаю. Повторяю, что я не считаю себя въ правѣ называть только то хорошимъ и для всѣхъ пригоднымъ, къ чему самъ чувствую особое влеченіе и что самъ умѣю дѣлать, не считаю себя въ правѣ относиться пренебрежительно къ тому, что лично меня не удовлетворило бы или къ чему я самъ былъ бы неособенно пригоденъ. Вся моя аргументація направлена какъ-разъ противъ какой бы то ни было догматической исключительности. Я не думаю, чтобы хорошую услугу ищущимъ путей жизни оказывалъ тотъ, кто открывалъ ихъ глаза на жизнь исклю-

чительно съ своей личной точки и подь своимъ личнымъ угломъ зрѣнія и исключительно въ свои очки. Мнѣ жаль бываетъ тѣхъ людей, которые, стремясь къ свѣту, думаютъ, что только и свѣту, что въ томъ окошкѣ, какое имъ открываютъ другіе, хотя бы это заставляло ихъ мѣнять лично для нихъ болѣе привлекательное занятіе на занятіе, мѣнѣе имъ правящееся, дѣлать то, чтд они плохо умѣютъ дѣлать, вмѣсто того, чтд наиболѣе могло бы въ ихъ рукахъ удаваться, — и особенно бываетъ ихъ жаль, когда они поступаютъ такъ лишь потому, что увѣровали, будто только то и можетъ быть хорошимъ и полезнымъ для общества, что предпочитаютъ другіе, хотя бы только въ силу своихъ особыхъ склонностей и способностей, въ пользу чего и находятъ легко всякіе аргументы, съ такою же легкостью указывая при этомъ на слабыя стороны другихъ видовъ дѣятельности. Конечно, этимъ я не отрицаю права общественныхъ дѣятелей вербовать себѣ сторонниковъ, приверженцевъ и помощниковъ, аргументируя въ пользу своей точки зрѣнія, своего образа дѣйствій, своихъ занятій, лишь бы при этомъ дѣло велось на чистоту; да иначе не могло бы возникать общественныхъ партій съ ихъ пропагандою извѣстныхъ идей, принциповъ и программъ; но дѣло въ томъ и заключается, что, набрасывая на бумагу свои мысли о сущности общественной дѣятельности, я имѣю въ виду помочь людямъ, ищущимъ путей жизни, критически разобраться въ этомъ сложномъ и трудномъ вопросѣ, отнюдь не наwerben сторонниковъ определенной партіи. Еще разъ повторю, что главнымъ образомъ я считаю это нужнымъ въ отношеніи молодежи, которой особенно настойчиво слѣдуетъ совѣтовать побольше думать и поменьше вѣрить на слово, тѣмъ болѣе, что, по моему мнѣнію, — повторю и это, — и для общественной дѣятельности, ставящей себѣ высочайшій цѣли, не велика корысть завербовать въ свои ряды нѣсколько лишнихъ людей, которые, быть можетъ,

пойдутъ на призывъ очень скоро, но столь же скоро и отстанутъ, быстро увлекутся, но столь же быстро разочаруются и охладѣютъ. Примѣровъ послѣдняго, къ сожалѣнію, слишкомъ много.

Пусть же разумъ и совѣсть cadaго рѣшаютъ вопросъ о цѣли его жизни и его жизненномъ призваніи! Чтобы рѣшеніе это было бы безошибочно, просвѣщайте свой разумъ, просвѣтляйте свою совѣсть, приучайтесь къ ясному, точному, послѣдовательному и основательному мышленію, къ анализу и къ критикѣ и къ постановкѣ всѣхъ вопросовъ мысли и жизни передъ верховнымъ судомъ правственнаго чувства. По крайней мѣрѣ, это не помѣшаетъ и не повредитъ ни при какомъ занятіи, во всякомъ случаѣ это принесетъ только одну пользу въ какой бы то ни было дѣятельности. Такой провѣрки—провѣрки разума и совѣсти—не должно бояться никакое дѣло, считающее себя правымъ. Кто боится критики, тотъ не вѣритъ въ правоту своего дѣла.

III. Общее благо, какъ цѣль общественной дѣятельности.

Выше, въ первой главѣ настоящей книжки, общественная дѣятельность была поставлена рядомъ съ нравственностью. Хотя нравственную цѣль своей жизненной дѣятельности каждый можетъ поставить себѣ только самъ, какъ это говорилось въ предъидущей главѣ и въ указанной раньше первой главѣ „Мыслей объ основахъ нравственности“, однако, существуетъ нѣкоторое объективное высшее благо, являющееся настоящимъ критеріемъ нравственности. Это высшее благо есть счастье всѣхъ, всеобщее благополучіе. По тѣсной связи настоящей книжки съ „Мыслями объ основахъ нравственности“ указываю въ послѣдней работѣ

главу III, посвященную этому предмету. Общественная дѣятельность, кромѣ удовлетворенія потребности въ ней того, кто себя ей посвящаетъ, должна имѣть и объективную цѣль, а послѣдняя, если только названная дѣятельность вытекаетъ изъ этическихъ побужденій,—не можетъ заключаться въ чемъ-либо иномъ помимо пользы общества, и самая эта польза не можетъ быть понимаема иначе, какъ въ смыслѣ всеобщаго благополучія. Верховный критерій нравственности и высшая цѣль общественной дѣятельности такимъ образомъ совпадаютъ въ одномъ и томъ же принципѣ счастья всѣхъ или, дѣлая уступку несовершенствамъ жизни, наибольшаго блага наибольшаго числа людей. Каково бы ни было происхожденіе общества и государства, разумное оправданіе ихъ существованія можетъ заключаться только въ томъ добрѣ, которое они создаютъ или обезпечиваютъ людямъ. Какъ бы ни объяснялось возникновеніе социальныхъ и политическихъ порядковъ, несогласныхъ съ общимъ благополучіемъ, чѣмъ болѣе общество и государство допускаютъ зла и неправды, тѣмъ менѣе ихъ формы соотвѣтствуютъ разумному и справедливому назначенію общества и государства: такіе порядки не добро, а зло; общественное благо требуетъ ихъ устраненія; общественная дѣятельность, направленная на улучшеніе социальной и политической жизни, нравственна, разъ она вытекаетъ изъ этическаго побужденія и не прибѣгаетъ къ нравственно предосудительнымъ средствамъ, и полезна, разъ ведется цѣлесообразными средствами, наиболѣе обезпечивающими успѣхъ всякой дѣятельности.

Уже раньше мнѣ не одинъ разъ приходилось дѣлать различіе между удовлетвореніемъ текущихъ нуждъ общества и улучшеніемъ самихъ условій, порядковъ и формъ общественной жизни. Что вообще разумѣется подъ этимъ улучшеніемъ, о томъ можно не распространяться. Относительно же текущихъ нуждъ общества мы замѣтимъ, что

онѣ могутъ быть двухъ родовъ, а именно или суммою потребностей его отдѣльныхъ членовъ въ каждый данный моментъ, или совокупностью потребностей всего общества, какъ одного цѣлаго, либо составныхъ его частей при различныхъ условіяхъ его существованія. Потребностямъ перваго рода удовлетворяють, напр., врачъ, адвокатъ, учитель и т. д.. потребностямъ втораго рода судья, земскій дѣятель, публицистъ и т. п. Въ этомъ же коренится различіе, напр., между частною благотворительностью, съ одной стороны, и организаціей общественной благотворительности, съ другой ¹⁾. Нѣсколькими строками выше указано на то, что поскольку общество и государство осуществляютъ идею блага, постольку мы ихъ оправдываемъ, какъ они есть, а поскольку они содержатъ въ себѣ элементы зла и неправды, мы противопоставляемъ существующимъ порядкамъ такіе, какіе должны быть. Служимъ ли мы общему благу, пользуясь тѣми условіями и средствами, какія даются намъ существующими отношеніями, или служимъ общему благу, изслѣдуя, изучая, критикуя эти отношенія, создавая представленіе о лучшихъ, распространяя болѣе правильные взгляды, участвуя въ по-

¹⁾ Само собою разумѣется, что съ нравственной точки зрѣнія удовлетвореніе не всякой потребности законно. Есть, напр., несчастные люди, чувствующіе постоянную потребность напиться пьяными, а обществу, требующему смертной казни за совершеніе извѣстныхъ преступленій, пужны палачи. Рѣчь у насъ идетъ лишь о такихъ нуждахъ отдѣльныхъ лицъ и всего общества, которыя могутъ быть оправданы съ этической точки зрѣнія или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ этикѣ: иначе ремесло кабатчика, спаивающаго народъ, или палача, приводящаго въ исполненіе смертныя приговоры, пришлось бы оправдать тѣмъ, что они удовлетворяютъ извѣстнымъ потребностямъ, существующимъ въ обществѣ, или нуждамъ самой общественной организаціи. Устранивъ (въ первой главѣ) безнравственность средствъ, мы во имя одного и того же принципа устраняемъ и безнравственность цѣлей, а вѣдь удовлетвореніе частныхъ и общественныхъ нуждъ и является цѣлью разныхъ дѣятельностей, о коихъ идетъ рѣчь.

становкѣ и рѣшеніи возникающихъ такимъ путемъ общественныхъ вопросовъ, въ проведеніи и выполненіи преобразованій и т. п., и въ случаяхъ перваго рода, т.-е. удовлетворяя текуція нужды общества, при помощи данныхъ и готовыхъ, уже существующихъ условій и средствъ того либо другаго рода дѣятельности, и въ случаяхъ втораго рода, т.-е. содѣйствуя движенію общества впередъ, улучшая данное хорошее и создавая новое хорошее въ общественномъ быту, устраняя изъ него все старое дурное или отжившее, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы только разными способами и путями стремимся къ одной и той же цѣли. Общая польза прямо требуетъ раздѣленія общественнаго труда, и каждая самая скромная способность можетъ быть полезна на подходящемъ мѣстѣ. Разнообразію занятій, требуемыхъ интересами общественнаго существованія, соотвѣтствуетъ и разнообразіе специальныхъ способностей, склонностей, вкусовъ, стремленій, интересовъ, характеровъ, какое представляютъ собою вообще отдѣльныя единицы, входяція въ составъ каждаго общества.

Всѣ дѣятельности, полезныя для общества, могутъ быть, однако, классифицированы.

Мы только что раздѣлили ихъ на два большихъ класса: одними удовлетворяются текуція нужды общества, другими осуществляется общественный прогрессъ.

Остановимся сначала на первой категоріи.

Текуція нужды общества суть прежде всего потребности отдѣльныхъ его членовъ. Человѣкъ нуждается въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ, и отсюда возникаетъ хозяйственная дѣятельность человѣка. Это есть дѣятельность чисто эгонистическая. Прежде человѣкъ дѣлалъ все самъ, потомъ явилось раздѣленіе труда, а съ нимъ — обмѣнъ продуктовъ и услугъ, благодаря чему своею экономическою дѣятельностью человѣкъ, который ей посвящаетъ свое

время и свой трудъ, приносить пользу не только себѣ, но и другимъ подѣ условіемъ (или въ предположеніи только) вознагражденія за тѣ лишенія цѣнности, какія онъ создаетъ для пользованія другихъ. Общество нуждается въ извѣстномъ количествѣ хлѣба, сукна, домовъ и т. п., но производствомъ хлѣба, выдѣлкой сукна, постройкой домовъ занимается только часть общества, не всѣ. Съ этой точки зрѣнія работа пахаря, ткача, плотника не только нужна самому пахарю, ткачу, плотнику, но и другимъ, т.-е. она и общественно полезна. Кто пользуется продуктами чужого труда, безъ коихъ опъ не могъ бы существовать, тотъ долженъ давать что-либо свое взаменъ этого. На полученіе отъ общества даромъ кваргиры съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, платьемъ и столомъ я не имѣю никакого права, если съ своей стороны не дамъ обществу того, что ему нужно и что я умѣю дѣлать. Я могу отплатить за то, что получаю, какимъ-нибудь продуктомъ, если я самъ занимаюсь физическимъ трудомъ, произвожу или обрабатываю какіе-либо предметы потребленія, однимъ словомъ, посвящаю свое время и свои силы дѣятельности, которую называютъ хозяйственною, промышленною, экономическою, а если я ничего такого не дѣлаю, то единственный способъ отплатить обществу, которое меня кормитъ и поитъ, одѣваетъ и помѣщаетъ, это — оказывать ему какія-либо нематеріальныя услуги, для чего я долженъ заняться какимъ-нибудь духовнымъ, умственнымъ или инымъ нефизическимъ трудомъ, избрать себѣ какую-либо дѣятельность изъ тѣхъ, которыя называются, положимъ, либеральными профессіями. Это очень просто и элементарно. Совѣстно ѣсть даромъ хлѣбъ свой, который вообще зарабатывается въ потѣ лица, вазорно жить общественнымъ паразитомъ, быть бесполезнымъ членомъ общества. У людей, изъ коихъ складывается общество, потребности не ограничиваются пищей, одеждой и жилищемъ, и чѣмъ

развитіе общество, тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе потребности его членовъ, причемъ все болѣе и болѣе важную, чѣмъ равнше, роль начинаютъ играть между ними потребности духовныя, да и усложненіе общественной жизни создаетъ новыя потребности, вытекающія изъ задачъ соціальной организаціи. Текущія нужды общества не могутъ быть удовлетворены одною экономическою дѣятельностью: удовлетворенію тѣхъ же потребностей служить, съ одной стороны, либеральныя профессіи, съ другой, — общественныя и государственныя должности, или такія дѣятельности, въ коихъ совмѣщаются признаки независимыхъ и служебныхъ общественныхъ положеній, или которыя имѣютъ характеръ переходовъ отъ однихъ къ другимъ. Въ однихъ случаяхъ трудъ оплачивается лицами, въ немъ нуждающимися, въ другихъ — обществомъ или государствомъ; въ однихъ случаяхъ человекъ занимается той или другой профессіей, не нуждаясь ни въ какомъ избраніи или назначеніи, въ другихъ онъ занимаетъ свою должность, будучи избранъ на нее обществомъ или получивъ ее отъ того или другого органа публичной власти; въ иныхъ случаяхъ каждый такой дѣтель стоитъ внѣ какой бы то ни было организаціи, въ иныхъ онъ составляетъ часть известной корпораціи, известнаго учрежденія; и дѣйствуетъ онъ иногда или вполнѣ по своей собственной инициативѣ и на свой страхъ, или подчиняясь какому-нибудь уставу, регламенту, инструкціи, соглашенію, программѣ. Въ каждомъ положеніи есть свои выгодныя и невыгодныя стороны — и не только съ личной точки зрѣнія, но и со стороны интересовъ дѣла, интересовъ общества. Всѣ, однако, такія положенія, всѣ свободныя профессіи и всѣ виды общественной и частной службы отличаются отъ экономической дѣятельности тѣмъ, что главное въ нихъ — не созданіе матеріальныхъ продуктовъ, не перевозка ихъ и не распредѣленіе, а оказаніе

обществу нематеріальныхъ услугъ, хотя бы даже и на поприщѣ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей (напр., трудъ врача, архитектора, инженера), будутъ ли эти услуги оказываться частнымъ лицамъ или всему обществу и государству.

Итакъ, нужды общества въ смыслѣ совокупности индивидуальныхъ потребностей или въ смыслѣ потребностей самѣй соціальной организаціи, удовлетворяются не только экономической дѣятельностью его членовъ, заключающеюся въ производствѣ и доставкѣ матеріальныхъ предметовъ, но и такъ называемыми либеральными профессіями и разными видами общественной и государственной службы, состоящими въ оказываніи обществу тѣхъ или другихъ услугъ нематеріальнаго характера. Можно было бы составить цѣлый списокъ такихъ услугъ и соотвѣтствующихъ имъ профессій и должностей, и этотъ списокъ вышелъ бы весьма длиннымъ. Можно бы было дать опредѣленіе и характеристику каждой профессіи и должности, въ которыхъ заключались бы отвѣты на цѣлый рядъ общихъ вопросовъ, какіе можно было бы поставить по отношенію къ отдѣльнымъ положеніямъ. Можно было бы, наконецъ, раздѣлить ихъ на разные классы, категоріи, группы и притомъ на основаніи весьма различныхъ признаковъ и сравнивать затѣмъ эти раздѣленія и подраздѣленія въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ. Все это могло быть даже очень любопытно, но я увольняю себя отъ такой работы, такъ какъ тутъ пришло бы войти въ мелочныя подробности, совершенно лишнія и ненужныя въ виду главнаго предмета этой книжки. Пусть каждый самъ рѣшаетъ, если его это интересуетъ, насколько общепользна та или другая услуга, профессія или должность и насколько было бы ему удобно брать на себя то или другое дѣло. Въ данномъ случаѣ нужно только предостеречь отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній. Ставъ

на точку зрѣнія общественной пользы и придавъ узкій смыслъ этому принципу, весьма легко, какъ это и дѣлалось нерѣдко, отнестись отрицательно къ наукѣ, къ литературѣ, къ искусству или потому, что ученые, писатели и художники иногда заняты тѣмъ, что не имѣетъ непосредственно утилитарнаго значенія, прямого отношенія къ практическимъ интересамъ, къ злобѣ дня и т. п., или потому, что пользованіе и наслажденіе научными, литературными и художественными произведеніями доступно лишь немногимъ, что произведенія эти какъ бы совсѣмъ не существуютъ для громаднаго большинства членовъ общества—для всей занятой физическимъ трудомъ народной массы. Такія разсужденія иногда находятъ вѣру, но вотъ въ чемъ ихъ ошибка. Въ числѣ духовныхъ потребностей человѣка есть такія, которыя удовлетворяются лишь изслѣдованіемъ и творчествомъ, воспріятіемъ идей и созерцаніемъ образовъ. Тутъ начало философіи и поэзіи, науки и искусства. Потребность въ чистомъ знаніи и эстетическомъ наслажденіи должна быть удовлетворена, и названные виды умственной дѣятельности уже по тому одному полезны. Нельзя запретить ученому заниматься тѣмъ, что его интересуетъ, запретить художнику воспроизводить то, что ему нравится. Нельзя видѣть прихоти и произвола въ томъ, что общество оплачиваетъ трудъ ученаго или художника, которые не производятъ ничего непосредственно приложимаго къ жизненной практикѣ: не все же одна польза да польза, да и самую пользу нельзя понимать въ одномъ лишь узкомъ смыслѣ. Съ другой стороны, если бы не было стремленія къ чистому знанію, не существовало бы и массы полезныхъ открытій и изобрѣтеній. Безъ высшихъ эстетическихъ наслажденій, доставляемыхъ литературными произведеніями, театромъ, музыкой, на долю развлеченій, столь необходимыхъ въ трудовой жизни, оставались бы одни грубыя

удовольствія. Правда, все это недоступно массѣ, но естественный выводъ отсюда не тотъ, что нужно уничтожить науку, литературу, искусство, какъ предметы роскоши, а тотъ, что, наоборотъ, слѣдуетъ ихъ сдѣлать доступными народной массѣ. Общее благо требуетъ не уничтоженія услугъ, оказываемыхъ профессіями, хранящими и увеличивающими пріобрѣтенія культурнаго прогресса человѣчества, а созданія такихъ условій, при которыхъ всѣ эти пріобрѣтенія не могутъ не быть предметами всеобщаго употребленія. Нужно беречь, умножать, распространять, дѣлать доступнымъ все большому и большому количеству лицъ и все въ болѣе и болѣе широкихъ кругахъ общества до народныхъ массъ включительно блага цивилизаціи. Дѣятельности, въ задачу коихъ входитъ все это, суть дѣятельности, несомнѣнно, общественно полезныя и притомъ въ двоякомъ смыслѣ—и потому, что ими удовлетворяются текуція нужды общества, потребности отдѣльныхъ лицъ въ знаніи, въ образованіи, въ чтеніи, въ обученіи, въ наставленіи и пр. и пр., и потому, что совокупная работа мыслителей и ученыхъ, профессоровъ и учителей, поэтовъ и литераторовъ, моралистовъ и публицистовъ, популяризаторовъ и публичныхъ лекторовъ и т. д. и т. д. двигаетъ общество впередъ на пути духовнаго развитія, содѣйствуетъ культурному прогрессу общества, т.-е. улучшаетъ само общество. Одною изъ симпатичныхъ сторонъ въ стремленіи нашей молодежи къ общественной дѣятельности и является ея интересъ къ великому дѣлу народнаго образованія, къ вопросамъ народной школы, книжекъ для народа, распространенія въ массахъ научныхъ взглядовъ и здравыхъ понятій.

Лица, имѣющія отношеніе къ прямому удовлетворенію духовныхъ потребностей отдѣльныхъ членовъ общества, тѣмъ самымъ суть общественные дѣятели. Правда, среди нихъ, къ сожалѣнію, мы найдемъ немало количество та-

кихъ, которые скорѣе могутъ быть названы иначе: найдутся тутъ и кабинетные ученые, найдутся и ремесленники своего дѣла, найдутся и чиновники, найдутся даже промышленники и дѣльцы. Разумѣется, общество не можетъ обойтись безъ услугъ со стороны кабинетныхъ ученыхъ, ремесленниковъ, чиновниковъ и промышленниковъ, но есть профессіи, съ которыми несомнѣстимы представленія объ общественномъ индифферентизмѣ, о ремесленномъ или чиновничьемъ отношеніи къ дѣлу, о промышленныхъ предпріятіяхъ и гешефтмахерствѣ. Это не значитъ, однако, чтобы кабинетные ученые, чиновники, промышленники, ремесленники не могли быть общественными дѣятелями или внѣ своихъ профессій, напр., когда спеціалистъ по чистой математикѣ выступаетъ и въ роли земца, или при помощи своихъ профессій, какъ, напр., въ случаѣ издательства книгъ, преслѣдующаго не однѣ коммерческія, но и культурныя цѣли. Это значитъ только, что дѣятельности извѣстнаго рода нуждаются въ отношеніи къ обществу, не похожемъ на отношенія, въ какія становится къ нему кабинетный ученый, чиновникъ, ремесленникъ, промышленникъ, не видящій ничего за границами своего прямого дѣла. Общественная дѣятельность требуетъ отъ человѣка какъ-разъ противоположнаго тому, что характеризуетъ перечисленные отношенія. Общественная дѣятельность требуетъ живого участія къ вопросамъ окружающей общественности, которое не позволяетъ замыкаться въ своемъ кабинетѣ. Она не допускаетъ, чтобы человѣкъ смотрѣлъ на исполненіе своихъ обязанностей съ чисто формальной точки зрѣнія. Она прямо запрещаетъ, чтобы человѣкъ подчинялъ ее всецѣло соображеніямъ наживы и карьеры. И менѣе всего допустимо все, несогласное въ общественной дѣятельности съ ея внутреннею сущностью, съ общимъ благомъ, какъ ея цѣлью, съ работою объ этомъ благѣ, какъ настоящимъ къ ней побу-

жденіемъ, менѣе всего допустимо все это, когда человѣкъ беретъ на себя задачу удовлетворять духовнымъ потребностямъ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать его культурному прогрессу въ школѣ, въ книгѣ, въ газетѣ, въ публичной аудиторіи и т. п.

Дѣятельности, коими оказываются обществу услуги посредствомъ удовлетворенія его текущихъ нуждъ, могутъ быть интеллигентными и неинтеллигентными. Я говорю только о первыхъ, ибо только такія дѣятельности могутъ подходить подъ общую рубрику дѣятельности общественной. Всѣ онѣ могутъ быть подраздѣлены на три категоріи. Одну мы уже видѣли. Это — дѣятельности, имѣющія своею цѣлью удовлетвореніе духовныхъ потребностей членовъ общества, культурное воздѣйствіе на общество. Сюда мы отнесемъ между прочимъ духовенство и художниковъ. Другую категорію составляютъ всѣ занятія, которыя создаются на почвѣ управленія обществомъ, поддержанія въ немъ порядка, заботы о его безопасности, о матеріальномъ благосостояніи, о правосудіи, т.-е. различныя должности государственной и общественной службы и, напр., такая свободная профессія, какъ адвокатская. Многія изъ подобныхъ положеній прямо обязываютъ быть чиновниками, а не общественными дѣятелями, но многія и между ними, напр., особенно выборныя должности всякаго рода прямо обязываютъ быть не-чиновниками, быть общественными дѣятелями. Третью категорію представляютъ изъ себя спеціалисты разнаго рода, оказывающіе услуги обществу своими знаніями въ области физическаго, матеріальнаго благосостоянія. Таковы врачи, техники, инженеры и т. п. Тутъ особенно легко быть ремесленникомъ или промышленникомъ, но можно, конечно, выступать и въ роли общественныхъ дѣятелей и притомъ прямо въ своей спеціальной области. Вообще вездѣ за всегда возможными исключеніями интеллигентнымъ дѣятелямъ при-

ходится имѣть дѣло прежде всего съ тѣми или другими категоріями лицъ—со студентами, учениками, воспитанниками, съ подчиненными, управляемыми, подсудимыми, съ предпринимателями и рабочими, и дѣятель можетъ стоять къ нимъ въ отношеніяхъ далеко неодинаковыхъ: лишь этическое отношеніе къ личности обучаемого, управляемого, руководимаго достойно нравственно развитого чловѣка, но этическій интересъ къ извѣстной категоріи членовъ общества, съ коими приходится сталкиваться и на которыхъ дѣйствуешь, такъ сказать, на отдаленіи (напр., въ литературѣ), и есть не что иное, какъ забота о благѣ этой части общества, лежащая въ основѣ настоящей общественной дѣятельности. Общественный дѣятель создается не внѣшнимъ положеніемъ, не тою или другою профессіей или должностью, а внутреннимъ отношеніемъ къ дѣлу, тѣмъ, что онъ дѣлаетъ изъ своей профессіи или должности, если только послѣднія способны стать чѣмъ-либо лучше или выше простого ремесленничества или чиновничества.

Противопоставляя общественную дѣятельность ремесленному и чиновничьему отношенію къ дѣлу, я имѣю въ виду вотъ что. Ремесло представляетъ изъ себя лишь частный случай всякой общественно-полезной дѣятельности, ближайшею цѣлью которой, однако, вовсе не является общественная польза, а ставится просто доставленіе средствъ къ существованію. Всѣ люди, удовлетворяющіе своею экономическою дѣятельностью и физическимъ трудомъ матеріальныя нужды общества, имѣютъ въ виду не это удовлетвореніе, а свои собственныя пужды, свои выгоды, будетъ ли тутъ рѣчь итти о хозяинѣ и предпринимателѣ или рабочемъ и наймитѣ. Въ такомъ положеніи находится всякій, кто смотритъ на свое дѣло съ подобной точки зрѣнія. Общественная дѣятельность тѣмъ и отличается отъ дѣятельности экономической, что ставитъ себѣ обществен-

ныя цѣли, а не преслѣдуетъ исключительно индивидуальныя выгоды. Отношеніе къ дѣятельности, имѣющей прямую общественную цѣль, подобное отношенію къ дѣятельности, цѣль которой—одно добываніе средствъ къ существованію, и есть отношеніе ремесленное, противорѣчащее самой сущности общественной дѣятельности. Въ чиновничьемъ отношеніи къ ней мы имѣемъ дѣло съ другими аналогичными случаями. Въ отличіе отъ хозяйственныхъ предпріятій съ ихъ совершенно частными цѣлями, всякая государственная служба есть дѣятельность, имѣющая тѣ или другія общественныя цѣли. Чиновничество и есть продуктъ такого удовлетворенія всѣхъ общественныхъ потребностей, вытекающихъ изъ необходимости регулировать внутреннія отношенія общества. Было время, когда государство, совершенно устранивъ общественную самодѣятельность, брало на себя всю эту сложную задачу, исполняя ее посредствомъ своихъ агентовъ, отъ котораго требовало одного послушанія и „исполнительности“. Общественная дѣятельность есть дѣятельность свободная: ей нѣтъ или почти нѣтъ мѣста въ „полицейскомъ государствѣ“, управляемомъ бюрократически, ибо только лица, стояція у кормила власти, могутъ имѣть инициативу. Такому государству теперь пришелъ или приходитъ конецъ. Многія государственныя должности получаютъ нѣкоторую независимость, возможность инициативы и свободы. Съ другой стороны, многія изъ своихъ функцій государство уступило мѣстному самоуправленію, открывающему дорогу для общественной дѣятельности болѣе свободнаго характера, чѣмъ бюрократическая служба. Наконецъ, въ государствахъ съ конституціоннымъ режимомъ независимыя общественныя силы призываются къ публичной дѣятельности и на политической аренѣ. Перенесеніе бюрократическихъ привычекъ въ дѣло мѣстнаго и государственнаго самоуправления каждый разъ является искаженіемъ или нарушеніемъ

самодѣтельности общества. Ремесленникъ и чиновникъ хороши каждый на своемъ мѣстѣ, но общественный дѣятель не можетъ смотрѣть на свое дѣло, какъ на выполнение заказа или на исполненіе порученія начальства, ни мало не интересуясь тѣмъ, кто будетъ носить сшитые имъ сапоги, нимало не заботясь, почему начальство велѣло ему сдѣлать то, а не это. Удовлетвореніе текущихъ нуждъ общества не можетъ совершаться путемъ однихъ частныхъ предпріятій или дѣятельностей, или путемъ одного дѣйствія органовъ государственной и общественной власти. На извѣстныхъ ступеняхъ культурной и соціальной жизни возникаютъ частныя общества, ассоціаціи, корпораціи, феррейны — съ цѣлями промышленными, торговыми, благотворительными, цѣлями самопомощи, распространенія образованія и т. п., причемъ все это создаетъ новыя и новыя поприща для общественной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что многія изъ такихъ обществъ ставятъ себѣ прямо общественныя цѣли, иногда весьма даже широкія. Въ такой общественной дѣятельности могутъ принимать участіе люди разныхъ профессій, если только послѣднія въ томъ или другомъ отношеніи не являются къ тому помѣхой. Кромѣ цѣлей сотрудничества и самопомощи, такія общества имѣютъ у насъ задачи благотворительныя и просвѣтительныя, т. е. стремятся приносить пользу ближнимъ оказаніемъ матеріальной помощи или распространеніемъ образованія. Въ другихъ странахъ такія частныя общества ставятъ себѣ и болѣе широкія цѣли, добываясь, напр., какихъ-либо реформъ, что, впрочемъ, относится уже не къ простому удовлетворенію текущихъ нуждъ общества. Чѣмъ развитѣе страна въ культурномъ и соціальномъ отношеніи, тѣмъ болѣе образованные люди принимаютъ участія въ подобной общественной дѣятельности. Иногда она является единственнымъ способомъ дѣлать какое-либо общественное дѣло, иногда — только дополненіемъ къ профессіи или долж-

ности, требующимъ не-ремесленнаго и не-чиновничьяго труда.

Ремесленникъ и чиновникъ, это — люди рутинны, не видящіе далѣе того маленькаго дѣла, которое они дѣлаютъ, не измѣняющіе привычнаго способа удовлетворять текущія нужды общества, если только кто-либо или что-либо не потребуетъ внести измѣненіе въ эту техническую или бюрократическую рутину. Общественная польза требуетъ не только того, чтобы удовлетворялись текущія нужды общества, но чтобы сами общественные формы и порядки измѣнялись къ лучшему. Ремесленникъ можетъ сдѣлаться изобрѣтателемъ, чиновникъ — реформаторомъ. Многія профессіи и должности прямо обязываютъ вести общество впередъ по пути культурнаго и соціальнаго прогресса. Таковы занятія общественными науками, публицистика, законодательная дѣятельность, распространеніе образованія и т. п. и т. п. На всѣхъ этихъ поприщахъ удовлетвореніе текущихъ нуждъ общества трудно отдѣлать отъ содѣйствія общественному прогрессу, какъ это можно сдѣлать, напр., по отношенію къ архитектору, строящему дома, или врачу, лѣчащему больныхъ. Дѣло въ томъ, что многія текущія нужды общества не могутъ быть удовлетворены при сохраненіи status quo, безъ преобразованій и улучшеній въ общественныхъ формахъ и порядкахъ. Связь между удовлетвореніемъ текущихъ нуждъ, какъ цѣлью, съ одной стороны, и преобразованіями и улучшеніями, какъ средствами, ее осуществляющими, съ другой, существуетъ самая несомнѣнная: всѣ благодѣтельные реформы порождались тѣмъ, что ихъ настойчиво требовало неудовлетворительное состояніе общества, т.-е. извѣстная комбинація текущихъ нуждъ. Съ другой стороны, и само удовлетвореніе этихъ нуждъ во многихъ случаяхъ является дѣятельностью, подготовляющею или осуществляющею культурный и соціальный прогрессъ: такова, напр., всякая

просвѣтительная дѣятельность. Однимъ словомъ, между обѣими категоріями полезной въ общественномъ смыслѣ дѣятельности, между той, которая ограничивается настоящимъ и довольствуется данными условіями, и тою, которая оказываетъ вліяніе на будущее и вноситъ измѣненіе въ данныя условія, иногда нѣтъ неподвижной границы, нерѣдко происходитъ взаимодействіе, часто даже совершается совпаденіе. Чѣмъ болѣе дѣятель заглядываетъ въ будущее и стремится вліять на самыя условія своей дѣятельности, тѣмъ болѣе онъ — общественный дѣятель: чиновникъ довольствуется очисткою текущихъ дѣлъ, не заглядываетъ впередъ (да и вообще дальше своего маленькаго дѣла ничего не видитъ) и дѣйствуетъ по разѣ заведенному порядку.

Содѣйствіе культурному и соціальному прогрессу есть настоящее поприще всякой общественной дѣятельности. Неудовлетворенныя или дурно удовлетворенныя потребности отдѣльныхъ членовъ общества и цѣлыхъ общественныхъ классовъ, обветшалые или пришедшіе въ полную негодность порядки, несовершенства и несправедливости эконоическаго и политическаго быта, порожденіе новыхъ потребностей, возникновеніе новыхъ явленій, распространеніе новыхъ идей, — все это заставляетъ общество стремиться къ перемѣнамъ, къ преобразованіямъ, къ нововведеніямъ, къ улучшеніямъ. Неподвижность и застой для общества есть зло: у общества есть глубокая потребность идти впередъ, измѣняться, развиваться, и, конечно, улучшаться. Эта потребность должна удовлетворяться, но ничто въ общественной жизни не дѣлается само собою, т. е. безъ извѣстныхъ дѣятельностей, совершающихъ все въ немъ перемѣны, преобразованія, нововведенія, улучшенія, а дѣятельности предполагаютъ дѣятелей. Въ глубинахъ народной жизни всегда происходятъ тѣ или другія движенія, иногда медленныя и едва замѣтныя, иногда

отличающіяся быстротой и рѣзкостью, когда дѣло доходить до взрыва страстей, до насилій, до попытокъ радикальнаго переворота. Общественныя нужды и потребности должны быть изучены, народныя жалобы и желанія приняты въ расчетъ, стихійные взрывы страстей и насильственныя попытки создать новые порядки силою одного страстнаго ихъ желанія — предупреждаемы, справедливыя просьбы и законныя требованія — удовлетворяемы, и вмѣстѣ съ тѣмъ должны постоянно научно ставиться общественные вопросы, назрѣвающіе въ жизни; должны обсуждаться мѣры, коими можно было бы на практикѣ разрѣшить задачи, вытекающія изъ этихъ вопросовъ; должны придумываться способы и пріискиваться средства для совершенія всѣхъ нужныхъ перемѣнъ; должны организоваться и направляться къ желанной цѣли силы, необходимыя въ дѣлѣ преобразованій, нововведеній, улучшеній. Это — широкое поле для общественной дѣятельности, но работа, какой требуютъ подобныя задачи, весьма сложна и весьма трудна, сама требуетъ особыхъ силъ, способностей, подготовки, налагаетъ тяжелую отвѣтственность. Бываютъ времена особенно сильной дѣятельности общества въ преобразовательномъ направленіи, бываютъ времена затишья. Но всегда для такой общественной дѣятельности нужны люди и люди, — люди сильной мысли и вѣрной инициативы, широкаго ума и солидной подготовки, люди съ глубокимъ общественнымъ интересомъ и твердымъ характеромъ.

Реальный источникъ всѣхъ перемѣнъ, упрочивающихся въ жизни общества, — тѣ самыя потребности отдѣльныхъ его членовъ, особыхъ его классовъ или цѣлаго общества, для удовлетворенія коихъ и существуютъ общественныя дѣятельности. Въ вѣдрахъ общества существуютъ и борются между собою, стремясь отстоять себя и сохранить, расширить свою сферу и усилить свое значеніе, разные интересы. Соціальная борьба есть борьба классовъ; участіе въ

этой борьбѣ, разъ она есть именно борьба цѣлыхъ классовъ, а не поединки между отдѣльными лицами изъ враждебныхъ классовъ, составляетъ одинъ изъ видовъ общественной дѣятельности, направленныхъ на господствующіе въ социальномъ быту порядки, на самый социальный строй. Защита тѣхъ или другихъ интересовъ и различіе въ пониманіи средствъ, ведущихъ къ желательной цѣли, создаютъ отдѣльныя политическія партіи. Интересы разныхъ социальныхъ классовъ и принципы разныхъ политическихъ партій, разумѣется, имѣютъ весьма неодинаковое отношеніе къ принципамъ истины и справедливости, къ общественной пользѣ и возможно наибольшему счастью возможно наибольшаго числа членовъ общества. Можетъ быть, и даже навѣрное, ни одна партія не имѣетъ права быть названа непогрѣшимой, по крайней мѣрѣ, если не по цѣлямъ своимъ, то по средствамъ, и если не въ отношеніи нравственности средствъ, то въ отношеніи ихъ цѣлесообразности и т. п., но гдѣ-нибудь да должно же быть болѣе вѣрное и основательное пониманіе общаго благополучія и его условій, болѣе истинное и справедливое пониманіе культурныхъ, этическихъ, экономическихъ, юридическихъ, социальныхъ, политическихъ вопросовъ. Тамъ, гдѣ существуютъ и могутъ существовать правильно организованныя партіи, общественные дѣятели обыкновенно распределяются между этими партіями, каждый сообразно съ своимъ пониманіемъ общаго блага и общественной пользы или, что бываетъ чаще, съ своими классовыми интересами и традиціями. Иныя партіи отстаиваютъ только извѣстные, опредѣленные интересы, иныя—интересы человѣческой личности вообще, интересы широкихъ круговъ общества, интересы большинства трудящейся народной массы. Дѣятельность защитника народныхъ интересовъ, друга народа, его вождя и вмѣстѣ съ тѣмъ его слуги—одна изъ самыхъ благородныхъ общественныхъ дѣятельностей. Во-первыхъ, народъ, это—боль-

шинство общества; во-вторыхъ, это — трудящаяся масса, на которой покоится все матеріальное благосостояніе общества и государства; въ-третьихъ, это — наиболѣе обездоленный классъ общества, наиболѣе нуждающійся въ помощи со стороны интеллигенціи и государства; въ-четвертыхъ, классъ, въ культурномъ отношеніи наиболѣе отсталый, благодаря чему его легко эксплуатировать, пользуясь его незнаніемъ и непониманіемъ, не только его врагамъ, но и ложнымъ друзьямъ, продѣлывающимъ надъ нимъ свои эксперименты.

Есть текуція нужды и задачи общественнаго прогресса, одинаковыя для интеллигенціи и для народа. Во врачебной помощи нуждается и крестьянинъ, и писатель. Приобрѣтеніе свободы совѣсти въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно совершилось, было благомъ и для простолюдина, и для интеллигента. Есть, съ другой стороны, дѣятельности, существующія исключительно для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей людей интеллигентныхъ, и дѣятельности исключительно въ средѣ народной. Но если одиѣ изъ дѣятельностей перваго рода, дѣйствительно, проходятъ безслѣдно и бесплодно для народной массы, изъ этого еще не слѣдуетъ, что всѣ дѣятельности этой категоріи таковы, и что съ точки зрѣнія общаго блага всякая такая дѣятельность должна быть поставлена ниже всякой дѣятельности непосредственно среди народа. Конечно, такая дѣятельность — особенно во имя идеи, а не по простой необходимости, особенно не въ роли того или другого начальства — требуетъ отъ человѣка высокихъ нравственныхъ качествъ, великаго самоотверженія, — жить въ деревнѣ, среди неудобствъ тамошней обстановки, получать скудное вознагражденіе, чувствовать свое одиночество въ малокультурной средѣ, быть лишеннымъ многихъ изъ высшихъ духовныхъ наслажденій обмѣна мыслей съ равными по развитію людьми, чтенія тѣхъ книгъ, какихъ только ни захочешь,

посѣщенія публичныхъ лекцій, засѣданій въ разнаго рода обществахъ, литературныхъ вечеровъ, спектаклей, концертовъ, картинныхъ галлерей, музеевъ, выставокъ, всего того, чѣмъ скрашивается жизнь большихъ центровъ и иногда просто только городовъ вообще! Да, если прикладывать къ общественной дѣятельности только мѣрку исполненія суроваго этическаго долга, доходящаго до самоотверженія, любви къ ближнему, совершенно безкорыстной чистоты побужденій, то въ сравненіи съ дѣятельностью тружениковъ среди народа, которые могли бы, но не захотѣли занимать болѣе видныя и почетныя, болѣе удобныя и выгодныя положенія въ обществѣ, всякая иная дѣятельность поблѣднѣетъ. Но реальная польза, приносимая народу, не зависитъ исключительно ни отъ того, въ какой средѣ совершается и на что ближайшимъ образомъ направлена та или другая дѣятельность, могущая имѣть общественно-полезное значеніе по самому своему существу, не зависитъ исключительно отъ чистоты побужденій и самоотверженности поступковъ человѣка. Пользу народу можно приносить, не живя непосредственно среди народа, не работая надъ непосредственнымъ удовлетвореніемъ его нуждъ, не приходя даже въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ: пользу народу можно приносить, вращаясь лишь въ культурной средѣ, трудясь надъ улучшеніемъ общихъ культурныхъ и соціальныхъ условій данной страны, отъ коихъ зависитъ и благо народа, распространяя въ интеллигентныхъ кругахъ идеи истины, справедливости, добра, общаго блага, пародной пользы. И можно вѣдь, съ другой стороны, и близко стоять къ народу, да по особенностямъ своей индивидуальности или по внѣшнимъ обстоятельствамъ оставаться для него совершенно бесполезнымъ, несмотря ни на самоотверженную дѣятельность и энергичную борьбу съ пренятствіями, какія встрѣчаются на этомъ пути, ни на благія намѣренія, если человѣкъ беретъ за дѣло, къ

второму у него нѣтъ ни истинной любви, ни настоящаго призванія, ни надлежащаго умѣнія, ни необходимыхъ знаній, ни тѣхъ особыхъ чертъ характера, какія нужны для дѣятельности среди униженныхъ и оскорбленныхъ, среди труждающихся и обремененныхъ, среди людей неразвитыхъ, невѣжественныхъ, грубыхъ, — не всякому вѣдь по плечу роль воспитателя. Не всякій можетъ быть и героемъ, да и обществу нужны не одни герои, но и обыкновенные смертные. Безкорыстіе и самоотверженность — великія нравственныя качества. Было бы противнымъ логикѣ и этикѣ утверждать, что не нужно быть безкорыстнымъ и самоотверженнымъ, и отговаривать отъ той или другой дѣятельности лишь потому, что она требуетъ этихъ двухъ качествъ. Наоборотъ, нужно поощрять эти качества, которыя необходимо во имя нравственнаго идеала проявлять вездѣ, на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Я хочу сказать только то, что безкорыстіе и самоотверженность сами по себѣ не суть еще ручательства въ томъ, что поступки, ими управляемые, принесутъ наибольшую пользу. Нравственнымъ человѣкомъ и полезнымъ членомъ общества можно быть въ разныхъ соціальныхъ положеніяхъ, по сущности своей не безнравственныхъ и не вредныхъ. Выборъ своего положенія — дѣло вкуса и совѣсти каждаго, его практическихъ соображеній о своей личной и общественной пользѣ. Считать только свой выборъ правильнымъ, только свое дѣло называть нравственнымъ и полезнымъ, обвинять въ туности или трусости, въ безразсудствѣ или себялюбіи и пр. и пр. людей, поступающихъ иначе, сводить весь сложный вопросъ объ общественной пользѣ къ одному какому-либо рецепту, это можетъ быть только признакомъ догматизма мысли, фаватизма чувства и деспотизма воли. Но объ этомъ было уже сказано довольно. Съ точки зрѣнія общаго благополучія нужно только, чтобы дѣятельность не была ни въ

какомъ случаѣ вредною для народа, чтобы отъ нея вытекала или могла вытекать польза для народа, прямая, непосредственная или косвенная, посредственная, ближайшая или отдаленная, теперь ли и сейчасъ или когда-нибудь, въ болѣе близкомъ или далекомъ будущемъ, въ однихъ ли отношеніяхъ или въ другихъ и т. п. Говорить, что только въ качествѣ такого-то дѣателя, на такой-то работѣ, въ такой-то средѣ можно быть полезнымъ народу, и что все остальное никуда не годится, — кто бы это ни говорилъ, — значить, въ концѣ-концовъ, не столько думать о самомъ народномъ благѣ, сколько о торжествѣ *своего*, чисто личнаго пониманія этого блага. Противъ такой исключительности можно возражать не только съ логической и чисто этической точки зрѣнія, но и со стороны общественнаго интереса. Для народа прямо невыгодно, чтобы его благу, которое само есть нѣчто сложное и многостороннее, служили только на одномъ какомъ-либо общественномъ поприщѣ, однимъ только образомъ, въ одномъ только отношеніи, и всѣ однообразные рецепты были бы въ этомъ отношеніи не только неразумны и несправедливы, проявляя узкость пониманія и требуя отказа отъ свободы выбора, но и вредны, такъ какъ при этомъ изъ-за одного частнаго вида дѣятельности, выдвинутаго на высоту всеобщаго принципа, легко оставить въ пренебреженіи другіе способы „сѣять разумное, доброе, вѣчное“. Есть вещи, которыя народное благо прямо не дозволяетъ, запрещаетъ дѣлать; есть вещи, которыя оно столь же прямо повелѣваетъ, обязываетъ дѣлать, но *что* и *какъ* дѣлать, — это въ громадномъ большинствѣ случаевъ — и съ точки зрѣнія правъ личности, и съ точки зрѣнія общественнаго интереса — одинаково слѣдуетъ предоставить свободному выбору каждаго подѣ руководствомъ его разума и совѣсти и въ зависимости отъ его жизненныхъ обстоятельствъ и окружающихъ общественныхъ условий. Право личности самой опредѣлять

свое жизненное призваніе, и интересъ общества въ томъ, чтобы блугу самой многочисленной, наиболѣе трудящейся и нуждающейся въ помощи его части служили па всѣхъ поприщахъ, всѣми мѣрами, во всѣхъ сторонахъ соціального быта, такимъ образомъ вполне совпадаютъ, — новое соображеніе противъ всякихъ однообразныхъ рецептовъ въ дѣлѣ выбора профессіи. Нужно только, чтобы выбранная профессія не противорѣчила общимъ принципамъ этики и требованіямъ общаго блага, общественной пользы, народнаго счастья, и этого уже достаточно въ мірѣ, гдѣ эти нравственные и общественныя начала постоянно попираются.

Служеніе народному счастью можетъ совершаться лишь въ извѣстномъ направленіи или въ извѣстныхъ направленіяхъ. Весьма естественно, что люди одного и того же образа мыслей, отстаивающіе одни и тѣ же интересы и ставящіе себѣ однѣ и тѣ же цѣли, одинаково понимающіе то, какъ и чѣмъ слѣдуетъ добиваться ихъ осуществленія, дѣлающіе одно и то же дѣло, хотя бы и на разныхъ поприщахъ и въ различной обстановкѣ, сочувствуютъ другъ другу, сближаются, другъ другу помогаютъ и содѣйствуютъ, иногда организуются для совмѣстной дѣятельности, образуютъ партіи. Не всѣ такія соединенія служатъ общему бугу, не всѣ, служа ему, одинаково хорошо его понимаютъ, не всѣ, хорошо его понимая, находятъ вѣрные пути, ведущіе къ его осуществленію, не всѣ, ставъ на настоящую дорогу, умѣютъ по ней идти. Человѣку приходится не только выбрать себѣ профессію по душѣ и полезную для другихъ, ему приходится выбирать между разными направленіями, а гдѣ таковыя есть, и партіями, на которыя дѣлятся общественные дѣятели и остальные члены общества. Чѣмъ менѣе исключительна, чѣмъ терпимѣе партія въ границахъ самыхъ общихъ принциповъ добра и требованій народнаго блага, чѣмъ шире охваты-

ваетъ ея программа народную жизнь и чѣмъ менѣе требуетъ она отъ своихъ членовъ сектантскаго догматизма, вѣрности традиціоннымъ символамъ и рутиннымъ приѣмамъ, тѣмъ, конечно, лучше для того дѣла, которому должны служить настоящіе общественные дѣятели. Конечно, каждый приверженецъ своей партіи, въ качествѣ именно члена этой партіи, долженъ пропагандировать ея припципы и вербовать себѣ сторонниковъ: это — тоже одинъ изъ видовъ общественной дѣятельности. Въ чемъ, однако, должны заключаться эта пропаганда и эта вербовка, какъ не въ доказываніи того, что данное направленіе лучше другихъ понимаетъ общее благо, болѣе другихъ къ нему стремится, вѣрнѣе знаетъ пути, къ нему ведущіе, скорѣе, успѣшнѣе, прочнѣе можетъ его осуществить, чѣмъ кто-либо другой? Иногда, конечно, въ подобныхъ заявленіяхъ есть только одно голое лицемѣріе, эта „дань, которую порокъ платитъ добродѣтели“, но въ другихъ случаяхъ они — результатъ самаго искренняго убѣжденія, самой глубокой вѣры. И здѣсь, и тамъ борьба мнѣній ведется передъ обществомъ, новидимому, на одной и той же почвѣ, ссылаются на одни и тѣ же принципы истины, справедливости, общаго блага съ тѣмъ лишь различіемъ, что одни искренне вѣрятъ въ то, чтд говорятъ, другіе же только считаютъ нужнымъ, чтобы имъ вѣрили другіе. Хотя обществу и важно, чтобы искренность торжествовала надъ лицемѣріемъ, но важно также и то, чтобы истина торжествовала надъ заблужденіемъ, хотя бы послѣднее было предметомъ честнаго убѣжденія и горячей вѣры. Можно страстно желать народнаго блага и беззавѣтно вѣрить, что оно достигается только такимъ-то и такимъ-то образомъ, и тѣмъ не менѣе глубоко заблуждаться. Такая вѣра и основанная на ней дѣятельность можетъ быть не только не полезна, но даже вредна по своимъ послѣдствіямъ для того дѣла, которому чело-вѣкъ служить, и въ чемъ тутъ ошибка, это иногда очень

хорошо можетъ видѣть и ясно выставлять человѣкъ, ведущій свою линію вѣдѣ какіхъ бы то ни было заботъ объ общемъ благѣ: и критика противника можетъ быть полезна. Искренняя убѣжденность и беззавѣтная вѣра въ что-либо хорошее, доброе, благое—высокія нравственныя качества, но это только настроенія; а какъ бы возвышенны ни были настроенія, они не заключаютъ въ себѣ еще гарантіи успѣха и не могутъ также служить ручательствомъ того, что такой то образъ дѣйствій принесетъ пользу. Вѣрнѣе достигать желанныхъ результатовъ съ нѣкоторою долею сомнѣнія, не такого сомнѣнія, которое приводитъ къ нерѣшительности и бездѣйствію, а сомнѣнія, заставляющаго быть осмотрительнымъ и осторожнымъ—не поступать зря, наобумъ да на-авось. Убѣжденность и вѣра способны увлекать другихъ, и въ этомъ сильная ихъ сторона, ихъ преимущество передъ разсудочными доказательствами и знаніемъ. Магометъ увѣровалъ, что онъ пророкъ Божій, и въ короткое время въ его посланничество увѣрвали миллионы, а Коперникъ открылъ вращеніе земли, и до сихъ поръ лишь люди, учившіеся космографіи, знаютъ и повимаютъ эту истину. Успѣхъ общественныхъ идей зависитъ не отъ одной ихъ внутренней, логической, этической, соціальной состоятельности, но кромѣ того,—и иногда даже въ гораздо большей степени,—отъ предрасположенія къ нимъ общества, отъ извѣстнаго состоянія умовъ. При существованіи догматическихъ привычекъ мысли общее или частное заблужденіе, распространяемое путемъ вѣры, у большинства всегда получить перевѣсъ надъ истиной, распространяемой путемъ знанія. Темную и въ темнотѣ своей легковѣрную массу столь же легко обмануть, какъ и увлечь за собою собственною вѣрою во что-либо несуразное. Между тѣмъ, заблужденіе есть нѣчто вредное, и только истина можетъ быть полезна. Враждующимъ между собою партіямъ и правленіямъ, можетъ быть, и выгодно пользоваться догма-

тическимъ состояніемъ умовъ, дѣйствовать исключительно на чувства, на воображеніе, на потребность вѣры, но выгоднымъ это можетъ быть лишь съ узкопартийныхъ точекъ зрѣнія. Для направленія, отрѣшающагося отъ политики партій, которыя видятъ свою выгоду въ догматическомъ состояніи умовъ, какъ въ хорошей почвѣ для распространенія своихъ принциповъ, для партіи, ставящей общее благо выше такихъ соображеній, не думающей, что цѣль оправдываетъ средства, не видящей въ живыхъ личностяхъ только орудія для своей побѣды, только арифметическихъ единицъ, которыя увеличиваютъ ея численность, и не боящейся, что высокое умственное развитіе общества будетъ помѣхою въ достиженіи ею своихъ цѣлей, — для такого направленія, для такой партіи вся забота должна заключаться не въ томъ, чтобы восторжествовать во что бы то ни стало и какимъ бы то ни было образомъ, а въ томъ, чтобы восторжествовать, только благодаря внутренней очевидности и доказательности своихъ принциповъ съ точки зрѣнія науки, морали и общественной пользы, и восторжествовать, благодаря еще подготовленности общества къ принятію этихъ принциповъ, не такъ, какъ арабы повѣрили Магомету, а какъ образованные люди всѣхъ странъ соглашаются съ ученіемъ Коперника. Общая польза, народное благо требуютъ именно того, чтобы тѣ или другія практическія идеи получали въ обществѣ ходъ по своей внутренней состоятельности, а не по вѣшной заманчивости, удовлетворяющей тѣ или другія чувства, говорящей воображенію, успокаивающей потребность въ вѣрѣ, и чтобы для этого общество или, по крайней мѣрѣ, дѣятельная его часть было способно отличать внутренне состоятельное отъ вѣшне заманчиваго, основанное на вѣрномъ пониманіи отъ основаннаго на сильномъ желаніи только.

Вступая въ сознательную жизнь, готовясь къ жизни дѣятельной, человѣку приходится не только выбирать себѣ

профессию, но и опредѣлять, въ какомъ направленіи должна совершаться его дѣятельность. Занимаясь однимъ и тѣмъ же дѣломъ, можно вести его и такъ, и этакъ. Ставя общественную пользу цѣлью своей дѣятельности, можно понимать эту пользу различнымъ образомъ. Всякому выбору въ подобныхъ случаяхъ ради самой же цѣли, которая тутъ ставится, должно предшествовать ознакомленіе съ отдѣльными рѣшеніями возникающихъ на этой почвѣ вопросовъ, изслѣдованіе отдѣльныхъ направленій и ихъ отбѣнокъ. Кто, дѣйствительно, хочетъ узнать, что можетъ на самомъ дѣлѣ принести пользу, быть реальнымъ и достижимымъ благомъ, тотъ не можетъ начинать выборъ съ того, чѣмъ онъ долженъ былъ бы кончатся, рѣшать, гдѣ истина, до изслѣдованія этого вопроса. Для догматическихъ головъ, которыя ищутъ не столько настоящей истины относительно того, въ чемъ на самомъ дѣлѣ заключается полезное направленіе общественной дѣятельности, сколько собственнаго своего успокоенія на какой-нибудь простой, точной и короткой формулѣ, собственно говоря, и нѣтъ вопросовъ, нѣтъ ихъ изслѣдованія, нѣтъ критики, противорѣчивыхъ мнѣній, а есть только желаніе безъ собственнаго труда и собственныхъ усилій получить готовую истину. Ихъ не смутятъ даже заявленія такого рода: „собственно-де говоря, у нашей теоріи нѣтъ еще (или нѣтъ пока) никакихъ философскихъ или научныхъ основаній, но тѣмъ не менѣе теорія наша самая вѣрная, даже единственно вѣрная“. Догматическія головы успокаиваются на такихъ „единственно вѣрныхъ“ теоріяхъ и не идутъ далѣе: зачѣмъ будутъ еще какія-то тамъ книги, когда все, что нужно знать, уже сказано въ коранѣ? Не всѣ, какъ извѣстно, далѣе, вѣрующіе въ коранъ, его читаютъ и знаютъ, довольствуясь нѣсколькими короткими формулами, „въ которыхъ-де заключаются все“, и даже не думая провѣрить, дѣйствительно ли въ этихъ формулахъ все не-

редано точно и не пропущено ничего существеннаго и важнаго.

А выбирать приходится. Если никто не стоит у тебя надъ душой, никто тебя не торопитъ, ничто не заставляетъ спѣшить, то есть время подумать, разузнать, поразнить, и вѣтъ надобности бросаться на первую заманчивую формулу, потому что она громче другихъ себя въ данную минуту заявляетъ, пользуется наибольшимъ догматическимъ успѣхомъ и представляется заманчивой по своей простотѣ и точности. На тѣхъ ступеняхъ умственнаго развитія, когда еще сильны догматическія привычки мысли и привычка воли къ гетерономической морали ¹⁾, конечно, особенно частыми могутъ быть быстрыя обращенія въ ту или другую вѣру. Въ извѣстномъ возрастѣ они даже неизбежны, являются необходимою ступеню умственнаго развитія, лишь бы только на такой ступени развитіе и не останавливалось. Когда на людей смотрять не какъ на личности, благо конхъ должно стоять на первомъ планѣ, разъ на нихъ или по отношенію къ нимъ желаютъ дѣйствовать, именно, когда на нихъ смотрять, какъ на орудія или средства для достиженія извѣстной цѣли, и не столько заботятся о ихъ собственномъ умственномъ развитіи и ихъ самостоятельности, сколько о томъ, чтобы они думали извѣстнымъ образомъ и извѣстнымъ образомъ поступали, тогда, конечно, удобнѣе всего итти съ догматическою проповѣдью въ ту среду, въ которой по условіямъ этой среды проповѣдь будетъ наиболѣе успѣшна. Если борящіяся между собою направленія, не ограничиваясь просто проповѣдью, по стараясь и доказывать правильность своихъ принциповъ, ссылаются на аргументы истины, справедливости и общественной пользы и желаютъ при этомъ

¹⁾ См. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи (38 и слѣд.) и Мысли объ основахъ нравственности (3—4 и 97).

быть вполне правдивыми и добросовѣстными, то они должны не только хлопотать о томъ, чтобы самые доводы ихъ были основательны и состоятельны, но и желать того, чтобы лица, къ коимъ они обращаются, способны были совершенно ясно понимать эти доводы, оцѣнивать ихъ силу, признавать основанныя на нихъ заключенія, а не принимали только на вѣру эти заключенія, не особенно заботясь о томъ, есть ли у нихъ философскія и научныя основанія. Когда партійная пропаганда имѣетъ своимъ объектомъ не вербовку сторонниковъ среди тѣхъ круговъ или слоевъ общества, интересы коихъ и ставятся тогда на знамени партіи, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы набрать новыхъ общественныхъ дѣятелей даннаго направленія, нужно желать, чтобы эти будущіе дѣятели вполне сознательно и самостоятельно, по зрѣломъ размышленіи и обладая уже запасомъ знанія и пониманія, становились подъ знамя этого направленія.

Учить другихъ тому, какъ нужно думать и что нужно дѣлать, можно двоякимъ способомъ. Во-первыхъ, отвѣчая на ихъ запросы, имѣть въ виду не этихъ другихъ, не ихъ, желающихъ учиться, а извѣстную общественную цѣль, сообразно съ требованіями которой, такъ или иначе понимаемыми, и дѣлаются отвѣты: думай вотъ такъ, дѣлай то-то или то-то. Это способъ именно догматическій. Или можно, во-вторыхъ, имѣть при этомъ въ виду прежде всего самихъ нуждающихся въ томъ, чтобы быть наученными, не то, какую пользу можно было бы извлечь изъ нихъ для общаго блага, а ихъ собственное благо, которое состоитъ въ томъ, чтобы умѣть самостоятельно мыслить, правильно судить, вѣрно выбирать цѣли своей дѣятельности, поступать цѣлесообразно. Понимая это благо этически и научая ихъ самихъ не иначе его понимать, тѣмъ самымъ, конечно, будешь содѣйствовать и общему благу, ибо правильное развитіе отдѣльной личности въ результатѣ не-

премѣнно должно дать то, что составляетъ содержаніе всякой догматической пропаганды съ честнымъ и проникнутымъ идеей общаго блага направленіемъ. Притомъ самостоятельная работа мысли, о которой я говорю, даетъ болѣе прочныя и устойчивыя результаты, чѣмъ могутъ дать быстрыя обращенія и преходящія увлеченія, дѣлающія болѣе возможными и разочарованіе, и охлажденіе, и отпаденія, и перемѣны фронта, не говоря уже о томъ, что самостоятельная работа мысли есть движеніе впередъ, въ коемъ одинъ изъ важныхъ залоговъ общественной пользы, тогда какъ всякое успокоеніе на какой-либо вѣрѣ есть источникъ застоя, вреднаго и въ общественномъ смыслѣ. Что же полезно для общества? Если бы мнѣ даже доказали, что и первое полезно, это не было бы возраженіемъ на основную мысль мою о томъ, что второе включаетъ въ себѣ и свою собственную пользу, и возможность пользы, ожидаемой отъ перваго.

Исходя изъ принципа общественной пользы, изъ правильнаго пониманія блага самой молодежи, задумывающейся надъ вопросами о родахъ и направленіяхъ общественной дѣятельности и изъ правильнаго пониманія блага народа, которое является первѣйшею и главнѣйшею составною частью всеобщаго благополучія, нельзя, мнѣ кажется, говорить иначе, чѣмъ я говорилъ въ этой главѣ. Во всякомъ случаѣ это—мое искреннее убѣжденіе, и я считаю себя въ правѣ думать, что оно имѣетъ всѣскія логическія и фактическія основанія и вполне согласно съ этикой и съ дѣйствительнымъ общественнымъ интересомъ.

IV. Творчество и осуществленіе общественныхъ идеаловъ.

Я говорилъ, что дѣятельности, имѣющія общественный характеръ, могутъ быть или направлены на удовлетвореніе текущихъ нуждъ общества, или имѣть своимъ предметомъ воздѣйствіе на самые строй, формы, порядки, отношенія общества. Въ связи съ этимъ я говорилъ о разнаго рода профессіяхъ въ широкомъ смыслѣ слова, существующихъ для удовлетворенія текущихъ нуждъ общества, и о партіяхъ опять-таки въ широкомъ смыслѣ слова, различающихся между собою по своимъ отношеніямъ къ даннымъ культурно-соціальнымъ формамъ и порядкамъ и по своимъ взглядамъ на то, для чего, въ чемъ и какъ эти формы и порядки могутъ или должны быть предметомъ воздѣйствія. Удовлетвореніе текущихъ нуждъ общества средствами существующихъ въ немъ профессій по самой природѣ дѣла совершается въ данныхъ условіяхъ, и всякія измѣненія, преобразованія, улучшенія этихъ общихъ условій, устраниеніе условій отжившихъ и вредныхъ, созданіе условій новыхъ и полезныхъ, относятся уже къ общественнымъ дѣятельностямъ второй категоріи. Думать о воздѣйствіи на строй, формы, порядки, отношенія общества и стремиться къ ихъ измѣненію, преобразованію, улучшенію, раздѣляться при этомъ на партіи, между собою несогласныя, можно только имѣя извѣстные общественные идеалы. Въ книжкѣ объ основахъ нравственности, въ тѣсной связи съ конми мною разсматривается сущность общественной дѣятельности, была отмѣчена важность творчества и осуществленія идеаловъ личнаго совершенства, но человѣкъ творить въ своей мысли и стремится осуществить въ своей жизни и идеалы совершеннаго общества. Въ каждую данную минуту мы можемъ дѣйствовать только

въ данныхъ общественныхъ условіяхъ, въ обществѣ, какимъ оно есть, и это одинаково относится и къ тѣмъ случаямъ, когда мы удовлетворяемъ текущія нужды общества, и къ тѣмъ, когда работаемъ надъ измѣненіемъ этихъ условій. Но данному обществу, даннымъ формамъ и порядкамъ мы противопоставляемъ общество, какимъ оно должно быть, противопоставляемъ идеальные общественные порядки и формы, созданные нашею мыслью и требующіе у нашей воли, чтобы она ихъ осуществляла. Это творчество социальныхъ идеаловъ началось съ исторіей, проходитъ черезъ всю исторію и съ исторіей же только и окончится: если бы идеалъ былъ достигнутъ, прекратилось бы всякое движеніе впередъ, прекратилась бы и исторія. Духовное развитіе вполне сознательной личности есть постоянное творчество и усовершенствованіе ея нравственнаго и общественнаго идеала: кто остановился на однажды добытомъ представленіи о томъ, въ чемъ заключается личное совершенство и совершенство общества, не продолжаетъ творить этотъ идеалъ, сдѣлавъ изъ разъ усвоеннаго идеала своего рода традиціонный догматъ, не подлежащій ни повѣркѣ, ни совершенствованію, тотъ болѣе не развивается, не идетъ впередъ. Хуже всего, когда человекъ беретъ со стороны такой догматъ, продуктъ чужого творчества, и самъ бываетъ совершенно неповиненъ въ созданіи того, что для него является идеаломъ. Все, что было говорено въ трехъ первыхъ моихъ книжкахъ, написанныхъ въ поученіе молодежи, о необходимости самообразованія, самостоятельной выработки міросозерцанія, самостоятельнаго опредѣленія цѣли жизни и жизненнаго призванія, самостоятельнаго выбора рода и направленія дѣятельности, о необходимости критической мысли и этической автономіи,—все это клонилось къ тому же самому: думай, изслѣдуй и твори, во-первыхъ, самъ, во-вторыхъ, постоянно, дабы въ каждую данную минуту имѣть свои собственные идеи по всѣмъ главнымъ вопро-

самъ мысли и жизни, теоріи и практики. Вѣчное творчество общественнаго идеала—умственная, нравственная и общественная обязанность. Разъ самостоятельно созданный или извнѣ усвоенный идеаль, который мы затѣмъ оставляемъ неприкосновеннымъ для изслѣдующей и творящей мысли, въ своей неизмѣнности и неподвижности, въ своей законченности и окончѣлости, превращается въ своего рода традиціонный догматъ, какъ бы чисто внѣшнимъ образомъ держащійся въ человѣкѣ, какъ нѣчто переставшее быть живою частью его я, сдѣлавшееся омертвѣлымъ къ нему придаткомъ: и самъ человѣкъ можетъ измѣниться, и обстоятельства перемѣниться, а догматъ остается все тотъ же, какъ у людей, ничего не забывающихъ и ничему не научающихся. Все человѣческое несовершенно, несовершенны и наши идеалы, и потому мы нравственно обязаны ихъ совершенствовать, творить все лучшіе и лучшіе идеалы, а если дѣло идетъ не объ идеаль личнаго совершенства, но объ идеаль совершеннаго общества, необходимо сказывающемся на нашей общественной дѣятельности, и долгъ нашъ передъ обществомъ—постоянно провѣрять и улучшать принципы нашего социальнаго идеализма.

Творчество есть одно изъ самыхъ глубокихъ проявленій человѣческаго духа. Безъ чистаго и безкорыстнаго творчества не было бы поэзіи и искусства на всемъ протяженіи культурной исторіи, начиная съ первыхъ зародышей, изъ коихъ развилась народная пѣсня, и съ попытокъ дикаря надарать изображеніе какого-либо животнаго и кончая современнымъ романомъ или жанромъ. Предметомъ поэтическаго и художественнаго творческаго воспроизведенія можетъ быть и міръ реальный, дѣйствительныя явленія въ жизни природы и человѣка, и міръ идеальный, міръ тѣхъ образовъ и идей, которые создаются фантазіей и мышленіемъ человѣка. Содержаніемъ идеальныхъ представленій бываетъ и природа, и человѣческая личность, и человѣ-

ческое общество. Передъ воображеніемъ всѣхъ народовъ носились картины парадизовъ и элизіумовъ, странъ, текущихъ медомъ и млекою, и странъ съ молочными рѣками въ кисельныхъ берегахъ. Такія картины готовы были рисовать себѣ и отдѣльные люди и, дѣйствительно, ихъ рисовали, создавая, напр., идеальные пейзажи въ живописи. Извѣстный соціальный утопистъ начала XIX в., Фурье, даже прославился — къ невыгодѣ для себя, впрочемъ, — фантастическимъ изображеніемъ природы будущаго, имѣющаго наступить, когда человѣчество достигнетъ гармоническаго общественнаго устройства. Не одна потребность въ творчествѣ, въ себѣ самой находящая свое удовлетвореніе, существуетъ въ человѣческомъ духѣ: творчество служить для удовлетворенія и самыхъ глубокихъ этическихъ потребностей человѣка. Идеальное воспроизведеніе человѣческой личности можетъ имѣть своею цѣлью не простое созерцаніе совершеннаго человѣческаго образа, будетъ ли онъ воплощенъ въ мраморной статуѣ, въ простомъ рисункѣ карандашемъ, въ былинномъ богатырѣ или въ идеальномъ героѣ романа. Созданіе въ своемъ воображеніи идеальной личности или возведеніе въ принципъ отдѣльныхъ совершенствъ, какія мы требуемъ отъ человѣка и изъ коихъ мы создаемъ общія понятія святости, добродѣтели, нравственности, удовлетворяетъ потребности нашей имѣть передъ собою примѣръ для подражанія въ нашей жизни и дѣятельности, вытекаетъ изъ потребности нашей руководствоваться въ жизни идеей должнаго. Въ частности каждый общественный дѣятель долженъ носить и носить въ своемъ сердцѣ идеальный образъ общественнаго дѣятеля, идеальныя представленія о томъ, чѣмъ должна быть общественная дѣятельность. Этотъ образъ можетъ быть туманнымъ и неяснымъ, фантастичнымъ и уродливымъ, и долгъ общественнаго дѣятеля передъ собою, какъ разумною и нравственною личностью, и передъ обществомъ въ качествѣ его

члена, отъ поведенія котораго зависитъ увеличеніе или уменьшеніе общаго блага, заключается въ томъ, чтобы очерчивать рѣзче и прояснять этотъ образъ, дабы его туманность и неясность не скрывали за собою его фантастическихъ и уродливыхъ чертъ, дѣлать этотъ образъ все болѣе и болѣе жизненнымъ, близкимъ къ условіямъ и нуждамъ дѣйствительности, все болѣе и болѣе его облагораживать, дабы онъ соотвѣтствовалъ идеалу дѣйствительно разумнаго, дѣйствительно справедливаго, дѣйствительно полезнаго работника на поприщѣ общественной дѣятельности.

Общественная дѣятельность предполагаетъ общественный идеаль, т.-е. идеаль совершеннаго общества, не только идеаль умнаго, честнаго и умѣлаго общественнаго дѣятеля. Соціальные порядки и формы тоже очень рано дѣлаются предметомъ творчества идеальныхъ представленій. Иногда оно имѣетъ характеръ простой игры воображенія, переносящей насъ въ сказочныя страны, хотя бы тамъ были разбойники, которые одѣваются въ парчу и бархатъ и которыхъ заковываютъ въ серебряныя кандалы, и были палачи, рубящіе имъ головы золотыми топорами и вытирающіе потомъ свои руки шелковыми полотенцами. Часто эта игра воображенія, не отдающая себѣ отчета въ томъ, чтѣ дѣйствительно разумно и хорошо, прокрадывается и въ идеальныя представленія иного рода.

Всѣ свои идеальныя представленія общественнаго характера, подобно идеаламъ чисто нравственнымъ, человечество творить, чтобы имѣть путеводную звѣзду въ своей исторической жизни, чтобы знать, какъ устраивать свое общественное существованіе. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ творчества, возможно творчество идеальныхъ представленій въ тѣсномъ смыслѣ, образовъ, картинъ или творчество идеальныхъ понятій и принциповъ. Древній грекъ, мечтающій о золотомъ вѣкѣ или о счастливой жизни

какихъ-нибудь гипербореевъ; римлянинъ эпохи упадка, печалившійся о временахъ величія своего отечества; Тацитъ, изображая въ хорошемъ свѣтѣ жизнь современныхъ германцевъ; еврейскій народъ, ожидавшій пришествія Мессіи, какъ царя будущаго земного царства; сектанты, вѣрившіе въ скорое пришествіе тысячелѣтняго царства святыхъ на землѣ; Руссо, идеализировавшій бытъ дикарей; романтикъ, прославлявшій католико-феодальный порядокъ; славянофилъ, находящій всѣ совершенства въ до-петровской Руси; народникъ, вѣрящій въ то, что въ основѣ быта просто-народной массы осуществлены всѣ высшія начала общественности; наконецъ, авторы всѣхъ утопій и „государственныхъ романовъ“, — всѣ они представляли себѣ идеальную жизнь, нерѣдко представляли идеальное общество и государство даже образно и картинно. Въ ихъ картинахъ и образахъ, однако, лишь поэтическая, художественная, литературная сторона была продуктомъ чистаго творчества, свободнаго полета фантазіи, нуждающейся въ рѣзкихъ или сливающихся очертаніяхъ, въ яркихъ или блѣдныхъ краскахъ, въ увеличеніи или уменьшеніи размѣровъ изображаемыхъ предметовъ, въ свѣтовыхъ и тѣневыхъ эффектахъ, какъ въ живописи. Всѣ эти образы и картины — лишь форма для выраженія идейнаго и принципиальнаго содержанія. Иногда человекъ въ творествѣ общественнаго идеала болѣе увлекаетъ форма, чѣмъ содержаніе; очень часто только образы и картины схватываетъ и тотъ, кто созерцаетъ эти продукты творчества, т.-е. они говорятъ тогда болѣе его воображенію и чувству, чѣмъ уму и совѣсти. Понятно, что привлекательные образы и заманчивыя картины — сильное средство идейной и принципиальной пропаганды; но это, какъ и все, дѣйствующее на чувство и на вѣру, можетъ очень часто болѣе разжигать страсти, чѣмъ просвѣщать умъ, содѣйствовать развитію суевѣрій и изуверства, чѣмъ осуществленію предположенныхъ цѣлей. Только творче-

ство, само себѣ отдающее отчетъ въ своемъ процессѣ, — творчество, изслѣдующее логическія и этическія основанія своихъ собственныхъ продуктовъ, обезпечиваетъ противъ опасности, чтобы привлекательные образы и заманчивыя картины, хотя бы даже самыя рѣзкія и яркія, не заключали въ себѣ фантастическихъ и уродливыхъ чертъ, не были сами фантастичны и уродливы. Съ другой стороны, нужно относиться съ критикой къ чужимъ догматическимъ увлеченіямъ какимъ-либо образомъ, какой-либо картиной съ общественнымъ содержаніемъ. Идеализація „золотого вѣка“, „добраго стараго времени“, „естественнаго состоянія“, быта дикарей, „устоевъ“ народной жизни, католико-феодалнаго строя среднихъ вѣковъ, „стараго режима“, московской Руси, „дореформенныхъ порядковъ“, изображеніе въ привлекательныхъ чертахъ и краскахъ какаго-либо общественнаго состоянія, когда-нибудь существовавшаго, предполагающагося существовавшимъ или нынѣ существующаго и будто бы бывшаго или теперь пребывающаго совершеннымъ, — такая идеализація можетъ быть основана или на недоразумѣніи, или на невысокомъ пониманіи идеала, если только допустить искренность подобной идеализаціи. А между тѣмъ искренность и тутъ не гарантія истинности и полезности.

Съ другой стороны, и картины будущихъ состояній общества, созданныя одною вѣрою, однимъ чувствомъ, однимъ воображеніемъ, могутъ быть и фантастичны, и уродливы, быть въ противорѣчій съ законами психологіи и соціологіи, съ принципами логики и этики. Сектанство разныхъ родовъ, видовъ и категорій нерѣдко соединяло самыя возвышенныя мечтанія съ суевѣріями и изувѣрствомъ. Лишь тогда утопіи имѣютъ полезное общественное дѣйствіе, когда въ основу ихъ кладутся разумно выработанныя нравственныя и общественныя идеи, когда образы и картины являются лишь фор-

мою и способомъ изложенія, когда читатели такихъ произведеній увлекаются не необходимою въ такихъ случаяхъ фантастикою и не подробностями въ родѣ описанія домовъ, костюмовъ, кушавій и увеселеній въ идеальномъ обществѣ, а положенными въ основу такихъ изображеній идеями и принципами. Какъ средство заинтересовать извѣстными идеями, такія изображенія лучшаго будущаго хороши, но цѣль ихъ въ самихъ идеяхъ, которыя сами требуютъ прежде всего не занимательныхъ способовъ своего выраженія и распространенія, а логическихъ и фактическихъ доказательствъ, критической провѣрки на данныхъ опыта, на выводахъ науки, на принципахъ этики, на требованіяхъ общественнаго интереса. Утопія можетъ быть, однимъ словомъ, способомъ нагляднаго обученія, отнюдь не методомъ познанія истины. Настоящее творчество общественнаго идеала есть дѣло не поэзіи, а науки, должно состоять не въ рисованіи фантастическихъ образовъ и утопическихъ картинъ, а въ творествѣ этическихъ и социальныхъ принциповъ и практическихъ идей о томъ, чтѣ возможно, чтѣ удобно, чтѣ полезно, — въ творествѣ, отдающемъ себѣ отчетъ въ своемъ собственномъ процессѣ и опирающемся на данныхъ научнаго изслѣдованія, на данныхъ естествознанія, психологіи, социологіи, политической экономіи, юриспруденціи, политиви и исторіи. Видѣть даже въ самыхъ разумныхъ утопіяхъ нѣчто, требующее немедленнаго осуществленія во всѣхъ своихъ частяхъ и со всѣми своими подробностями, значить уподобляться сектантамъ, уже много разъ начинавшимъ основывать на землѣ „тысячелѣтнія царства“, „повые Сіопы“, „всемирныя гармоніи“ и т. п., или ребятамъ, которые, начитавшись Робинзона, бѣгутъ жить на необитаемыхъ островахъ гдѣ-нибудь подъ Петербургомъ или Москвою. Можно относиться съ сочувствіемъ къ идеализму такихъ людей, съ снисхожденіемъ къ ихъ наив-

ности, но въ сочувствіи этомъ будетъ сильная примѣсь жалости, въ снисхожденіи—значительная доля насмѣшки, но нельзя рекомендовать такого наивнаго идеализма и такой идеальной наивности, какія бы формы и тотъ, и другая не припимали. Но наивный идеализмъ возможенъ, въ сожалѣнію, и по отношенію къ идеямъ и принципамъ, въ тому, что я называлъ уже не разъ готовыми рецептами общественной дѣятельности. Значить, вся вина не въ томъ, какую форму принимаетъ предлагаемый общественный идеаль, конкретную ли и наглядную форму утопіи съ ея образностью и картинностью, или абстрактную форму рецепта съ его догматами. Вѣдь и не рисуя яркихъ картинъ будущаго, можно воображать себѣ, что оно будетъ совершаться *непремѣнно* по такой-то формулѣ, какъ это дѣлаютъ люди, утверждающіе, что мы *неизбѣжно* пойдемъ по такой-то дорогѣ, и думающіе, что это они *доподлинно* знаютъ. Правильно мыслящій и цѣлесообразно дѣйствующій человекъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ никогда доподлинно не знаетъ, что должно *неизбѣжно* и *непремѣнно* случиться. Онъ въ состояніи только предусматривать возможность того-то и того-то, сообразно съ чѣмъ и будетъ дѣйствовать самъ или давать другимъ совѣты. Только вѣра, принимающая часто характеръ суевѣрія или изувѣрства, создаетъ пророковъ, которые ни въ чемъ не сомнѣваются, ничего не изслѣдуютъ, не взвѣшиваютъ, не стараются узнать, а будто-бы знаютъ все напередъ, идутъ напроломъ и приказываютъ другимъ слѣдовать за собою. Суевѣрія могутъ быть и въ наукѣ, и это происходитъ тогда, когда, не зная, что такое наука, какъ она добываетъ истину и чего отъ нея можно, чего нельзя требовать, ожидаютъ отъ нея того, чего она именно дать не можетъ, оставаясь наукою. Кто желаетъ, чтобы соціальная наука давала каждому образное и картинное изображеніе идеальнаго общества и точный и опредѣлен-

ный рецептъ, по которому это общество сейчасъ можно было бы и приготовить изъ даннаго матеріала, а въ случаѣ надобности и изъ ничего, тотъ подѣ наукою разумѣть все, что угодно, но только не науку, а, напр., миеологическое или поэтическое творчество, искусство дѣлать фокусы или чудеса. Можно относиться къ такому пониманію съ снисхожденіемъ и даже сочувствіемъ, поскольку оно вытекаетъ нерѣдко изъ благородныхъ побужденій, но необходимы налицо смягчающія обстоятельства въ видѣ неразвитости, неразумія, невѣжества, наивности, совѣтовать же *такъ* понимать науку нельзя.

Въ творествѣ общественнаго идеала долженъ участвовать не только разумъ, но и совѣсть человѣка. Общественные идеалы, подсказанные нравственнымъ чувствомъ, могутъ быть фантастичны, утопичны, неосуществимы, могутъ быть туманны, неясны, противорѣчивы, но могутъ существовать идеалы и довольно трезвые и довольно опредѣленные, хотя и безъ нравственной подкладки и потому довольно низменные. Наполеону удалось осуществить свой политическій идеалъ централизованнаго и бюрократическаго государства съ такими внутренними порядками, которыми даже завидовали въ другихъ странахъ и которые пережили и паденіе первой имперіи, и реставрацію, и іюльскую монархію, и вторую республику, дожили до второй имперіи и не исчезли послѣ установленія третьей республики, — значить, его идеалъ былъ трезвый и осуществимый, но онъ не имѣлъ нравственнаго характера. Этика оправдываетъ только такіе общественные идеалы, которые имѣютъ въ своей основѣ — и притомъ на самомъ дѣлѣ, а не по видимости только — идеи личнаго достоинства человѣка, всеобщаго счастья, идеи, которыя въ творествѣ и въ осуществленіи общественнаго идеала должны быть всѣмъ — и мотивомъ творчества, съ одной стороны, и цѣлью, и средствомъ осуществленія, съ другой. Идеалъ, осущест-

ствленіе коего сопровождалось бы попраніемъ всѣхъ естественныхъ правъ личности во имя общаго блага, нелогически представляемаго чѣмъ-то отличнымъ отъ суммы индивидуальныхъ благополучій, и во имя равенства, хотя бы то было каторжное равенство рабовъ; идеаль, достиженіе коего требовало бы принесенія въ жертву цѣлыхъ поколѣній ради благополучія ихъ потомковъ, хотя всѣ поколѣнія имѣютъ одинаковое право на счастье и на то, чтобы не быть средствами для цѣлей, которыя не суть ихъ цѣли, — такой идеаль есть ложный идеаль. Его не сдѣлаетъ истиннымъ то, что имъ вводятся въ соображеніе этическія идеи общаго блага, общественнаго равенства, соціального прогресса, ибо онъ противорѣчивъ, непоследователенъ, нелогиченъ въ примѣненіи этическихъ принциповъ, искажаетъ и нарушаетъ ту самую этику, которую думаетъ себя оправдать. Его не спасетъ, какъ идеаль, ни то, что въ него могли искренне вѣровать, ни то, что за него готовы были идти на смерть друзья народа и мученики за идею. Равнымъ образомъ, общественные идеаль, имѣющіе въ виду исключительные интересы одной какой-либо группы лицъ, одного сословія или класса, одной корпораціи или партіи, идеаль феодаловъ и крѣпостниковъ, буржуазовъ и кулаковъ, даже народа, когда подъ нимъ разумѣется только, напр., одинъ городской пролетаріатъ безъ всей массы крестьянства, или одни санкюлоты, — идеаль партій, въ коихъ главную роль играютъ интересы политическихъ дѣльцовъ, такіе общественные идеаль тоже суть ложные идеаль, хотя бы и не все въ томъ, что говорится и дѣлается съ точки зрѣнія всѣхъ этихъ людей, было лишено всякихъ основаній и всякаго смысла. Ложны и тѣ общественные идеаль, которые отрицаютъ у государства всякую нравственную природу, отдѣляютъ „политику“ отъ „морали“ и ограничиваютъ задачу государства защитою общества изнѣ и поддержкою порядка

внутри, хотя бы съ соблюденіемъ законныхъ формъ и безъ нарушенія тишины и спокойствія совершалась самая гнусная эксплуатація слабого сильнымъ, труда капиталомъ. И такого идеала не спасетъ то обстоятельство, что власть государства ограничивается проповѣдью невмѣшательства не ради защиты несправедливыхъ интересовъ, а во имя этической идеи правъ личности, индивидуальной свободы: и тутъ противорѣчіе, и тутъ непоследовательность въ приложеніи этического принципа, ибо нельзя же доводить защиту свободы личности до обезпеченія за нею возможности безпрепятственно и безнаказанно закабалить себѣ другую личность. Такіе ложные въ этическомъ смыслѣ идеалы могутъ быть или результатомъ недомыслия и прямолинейности, — и тогда половина вины долой, — или результатомъ дѣйствія дурныхъ настроеній и страстей, своекорыстныхъ интересовъ и вождѣлннй у отдѣльныхъ лицъ, у цѣлыхъ общественныхъ группъ, напр., сословій и партій. Дурныя настроенія и страсти — плохіе совѣтники въ вопросахъ этики и политики, даже тогда, когда они находятъ естественное объясненіе и даже оправданіе въ причиненныхъ обидахъ, несправедливости, угнетеніи. И такое оправданіе не сдѣлаетъ хорошимъ идеала возставшихъ рабовъ, которые мечтаютъ превратиться сами въ господъ, ставшихъ рабами, ибо идеалъ, не устраняющій самого рабства, есть ложный идеалъ, а въ данномъ случаѣ и продиетованъ онъ могъ бы быть только чувствомъ мщенія. Что же сказать о тѣхъ общественныхъ идеалахъ, крѣпостническихъ и кулаческихъ, въ коихъ всякое рабство, неравенство, несправедливость являются результатомъ не ослѣпленія дошедшей до послѣдняго напряженія страстью, а, напротивъ, слишкомъ, такъ сказать, зрячаго расчета личпой выгоды? Неэтичности такихъ идеаловъ, разумѣется, нѣтъ уже никакого нравственнаго оправданія. Вредными могутъ быть всякій догматизмъ и фанатизмъ,

но они не вѣдаютъ сами, что творять: гораздо непростительнѣе дѣлать научное изслѣдованіе и расчетливую дѣятельность орудіемъ несправедливости.

Я уже говорилъ, что творчество общественнаго идеала должно быть непрерывнымъ, иначе живой идеаль способенъ превратиться въ мертвый догматъ, рискуеть сдѣлаться традиціей, которая подчинить настоящее и будущее прошедшему, породившему этотъ догматъ. Это справедливо и для общества, и для личности, а примѣромъ того, какъ должно непрерывно совершаться творчество идеала, можетъ служить непрерывность научнаго изслѣдованія, не останавливающагося на разъ добытыхъ истинахъ. Каждый общественный идеаль носить на себѣ печать происхожденія въ той или другой эпохѣ, отражаетъ на себѣ ея культурное и соціальное развитіе, ея идеи и интересы, ея знанія и пониманіе, ея желанія, надежды, опасенія, стремленія, а также искусство, умѣніе и опытность жившихъ въ то время людей, современные злобы дня и пр. и пр. Поэтому каждый общественный идеаль, какъ онъ есть, цѣликомъ, будучи порожденіемъ своей эпохи, для этой эпохи только и годится, не можетъ быть во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ идеаломъ для всѣхъ эпохъ, на вѣчныя времена. Кто бы могъ сказать, что идеаль государства на вѣки-вѣчны былъ данъ Платономъ или Аристотелемъ, Томой Аквинскимъ или Макиавелли, Гоббзомъ или Локкомъ, Монтескье или Руссо, если бы даже, чего почти никогда не бываетъ, ихъ идеалы и были въ практическомъ отношеніи вполне пригодными для своего времени? Это значило бы то же самое, какъ если бы мы захотѣли завершить развитіе науки, поставить точку всякому изслѣдованію и заключить добытыя уже истины въ одинъ неизмѣнный и непокосновенный кодексъ. Значить ли, что мы не вѣримъ въ научныя истины и не довѣряемъ основаннымъ на нихъ способамъ лѣчить больныхъ, строить

мости, управлять финансами, если мы не прекращаемъ разработки медицины, механики, политической экономіи? Уваженіе къ научной истинѣ требуетъ, чтобы мы не дѣлали изъ нея священной формулы, которую нельзя измѣнить ни въ малѣйшей іотѣ. Въ наукѣ мы вѣримъ не тому, что она говоритъ, а тому, какъ она говоритъ, а говоритъ она, постоянно изслѣдуя, провѣряя: только потому мы вѣримъ и тому, что она говоритъ. Что имѣетъ силу для движенія самой науки, то имѣетъ силу и для ея усвоенія. Ученый, не слѣдящій постоянно за развитіемъ своей науки, пробивающійся старыми знаніями, есть отсталый ученый. Образованный человѣкъ, не подновляющій своихъ школьныхъ знаній, тоже отстаетъ отъ движенія вѣка. То же самое и въ творчествѣ идеаловъ отдѣльною личностью. Хорошо, кто въ шестьдесятъ лѣтъ сохраняетъ тѣ идеалы, коими онъ жилъ, имѣя двадцать лѣтъ отъ роду, — предполагая, что это идеалы хорошіе, — но очень не хорошо, если эти идеалы застыли на томъ, что превзошло въ нихъ вслѣдствіе незрѣлости юношеской мысли и неопытности юношеской жизни. То, что могло быть моимъ идеаломъ, когда я меньше зналъ и понималъ, меньше жилъ и испытывалъ отъ жизни, не можетъ меня удовлетворять, когда я больше знаю и понимаю, уже и пожилъ, и кое-что поиспыталъ. Идеаль не суевѣрь въ родѣ засушеннаго цвѣтка, не реликвія въ родѣ ложечки, которую я ѣлъ ребенкомъ. Цвѣтокъ былъ цвѣткомъ, когда росъ и благоухалъ; ложечкой я пользовался, когда у меня и рука, и ротъ были слишкомъ малы, чтобы пользоваться настоящей ложкой. Всегда я предпочту живой цвѣтокъ засушенному, предпочту теперь большую ложку маленькой.

Настоящее порождается прошедшимъ, но это не даетъ правъ прошедшему господствовать надъ настоящимъ. Мой общественный идеаль долженъ быть идеаломъ моего на-

стоящаго, а не того, чѣмъ мое я было вчера или третьяго дня: все мое развитіе, весь мой опытъ за все время, прожитое до нынѣшняго дня, до послѣдней минуты, долженъ отразиться на моемъ теперешнемъ пониманіи общественныхъ вопросовъ.

Боюсь дать поводъ къ недоразумѣніямъ, къ невѣрнымъ выводамъ и ложнымъ толкованіямъ моей мысли. Для устраненія такой печальной возможности брошу вскользь нѣсколько замѣчаній.

Я не проповѣдую, говоря все это, чего-либо похожаго на легкую перемену убѣжденій. Если вообще прошедшее не должно господствовать надъ настоящимъ, вчерашній день не можетъ къ чему-либо обязывать день сегодняшній, то это не значить, чтобы ничто не заставляло дорожить хорошимъ старымъ, ничто не повелѣвало ставить голосъ разума и голосъ совѣсти выше всѣхъ временъ—прошедшихъ, будущихъ и настоящихъ. Я говорю не о переиѣвѣ взглядовъ подъ вліяніемъ моды, господствующихъ теченій и т. п. настоящей минуты, а о внутреннемъ развитіи, въ которомъ необходимость мѣнять дорогіе взгляды по требованію совѣсти и разума сопровождается нерѣдко глубокими нравственными муками сомнѣнія, раскаянія за прошлое и т. п.

Дальше. Прошедшее не господствуетъ надъ настоящимъ и въ томъ смыслѣ, что каждое поколѣніе вырабатываетъ свой идеаль. Но я этимъ не отрицаю традиціи хорошихъ принциповъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и пользованія опытомъ прежнихъ поколѣній. Безъ традицій истинны и добра, безъ традицій званія и умѣнія настоящее ничего не можетъ сдѣлать, и поколѣніе, думающее, что его предшественники умѣли только ошибаться и заблуждаться, дѣлать ненужности или глупости, а мы-де уже готовы звѣзды хватать съ неба, — такое поколѣніе, отказываясь отъ завѣщанія отцовъ, не оставитъ хорошаго наслѣдства и

своимъ дѣтямъ. Было бы недостойно какимъ бы то ни было образомъ кому бы то ни было льстить и между прочимъ молодому поколѣнію. Я не хотѣлъ бы быть непонятымъ по этому пункту. Каждое новое поколѣніе должно выработать свой идеаль, но я беру известное поколѣніе не въ смыслѣ молодежи, а въ смыслѣ современниковъ, среди которыхъ настоящими выразителями идей даннаго періода являются, конечно, не тѣ, кому еще нужно учиться у старшихъ. Учиться, конечно, не значить здѣсь „не смѣть своего сужденія имѣть“, а значить—не торопиться, мало еще зная и безъ большого жизненнаго опыта—выражать собою господствующую идею эпохи, не торопиться относить старшихъ современниковъ къ людямъ отжившимъ и отпѣтымъ на вѣчный упокой. Въ каждомъ поколѣніи есть люди разныхъ возрастовъ, помоложе и постарше, и каждое поколѣніе постоянно обновляется притокомъ новыхъ силъ: нужно очень много времени для того, чтобы молодые люди, вступающіе сегодня въ дѣятельное поколѣніе, сошли сами со сцены стариками, иначе пришлось бы очень дробить поколѣнія. У cadaго возраста есть свои недостатки и свои хорошія стороны, но работа того или другого взгляда и право его считаться выраженіемъ стремленій поколѣнія современныхъ дѣятелей зависятъ не отъ возраста того, кѣмъ этотъ взглядъ высказывается и раздѣляется, а отъ его ума, знаній и таланта. Умный, знающій и талантливый юноша всегда найдетъ сочувствіе и поддержку у людей старшаго возраста. Лишь при догматическомъ утвержденіи, что „яйца курицу не учатъ“, съ одной стороны, и при не менѣе догматическомъ утвержденіи, что передъ шествующимъ молодымъ поколѣніемъ всякое старье прочь съ дороги, съ другой стороны, возможны прискорбныя недоразумѣнія между „отцами“ и „дѣтьми“ одного и того же дѣйствующаго или собирающагося дѣйствовать поколѣнія. Кто-нибудь да бываетъ въ этомъ виноватъ, чаще

всего обѣ стороны, кто больше, кто меньше, но утверждать, что дѣти всегда правы, такъ какъ они дѣти, новое поколѣніе съ новыми словами и съ новыми дѣлами, конечно, не приходится. Часто эти новыя слова и дѣла, „новыя мозговья линіи“ и „новые углы души“ кажутся новыми только тѣмъ, кто ихъ вчера узналъ, а Америка давно уже открыта и Alles war schon da gewesen, да ничего изъ этого не выходило.

Говоря о необходимости хранить хорошія традиціи отцовъ, я, наконецъ, вовсе не проповѣдую того консерватизма, который вредитъ нерѣдко даже дѣятелямъ, стремящимся къ прогрессу. Уваженіе къ добрымъ традиціямъ не должно быть слѣпымъ подражаніемъ тому, что дѣлали прежнія поколѣнія, особенно не должно быть подражаніемъ формамъ и деталямъ. Партія, которая, ставя себѣ преобразовательныя цѣли, не изучаетъ окружающей дѣйствительности, не придумываетъ подходящихъ средствъ для осуществленія своихъ цѣлей, а копируетъ то, что дѣлалось раньше въ подобныхъ случаяхъ, повторяетъ до однообразія одни и тѣ же давно избитыя слова и фразы, ставшія общими мѣстами, подражаетъ во внѣшнихъ формахъ и мелочныхъ подробностяхъ образу дѣятелей своихъ предшественниковъ, — такая партія обречена на бесплодную потерю времени и трату силъ. Что было умѣстно въ свое время, можетъ быть совершенно неумѣстнымъ въ данную минуту: ни одинъ полководецъ не выиграетъ теперь ни одного сраженія, если будетъ рабски подражать хотя бы, напр., Наполеону. Многое изъ того, что дѣлали наши предшественники, могло быть ошибочнымъ, незрѣлымъ: они сами теперь, быть можетъ, не стали бы повторять этихъ ошибокъ, сами назвали бы свои расчеты и поступки недостаточно зрѣло обдуманнми, а между тѣмъ они находятъ подражателей. Такіе-то и такіе-то дѣлали-де вотъ это, и мы не должны отставать отъ нихъ! И вотъ возвращается

вѣчно старая исторія: вопреки очевидной бесплодности данныхъ попытокъ, вопреки на опытѣ доказанной безцѣльности даннаго образа дѣйствій, традиціонный догматизмъ упорно закрываетъ глаза на дѣйствительность, чтобы копировать во всѣхъ виѣшнихъ проявленіяхъ и подробностяхъ дѣла и самые приемы знаменитыхъ предшественниковъ. Сколько горькихъ наблюденій этого рода занесъ на страницы своихъ записокъ Герценъ, какъ часто грустныя замѣчанія вызванныя этими наблюденіями, наводятъ его читателя на пессимистическія мысли.

Творчество общественнаго идеала должно захватывать и общественные способы его осуществленія. Человѣкъ стремится къ той или другой цѣли не одинъ, онъ соединяется съ другими, люди одного направленія дѣйствуютъ вмѣстѣ, часто входятъ въ составъ правильно организованной партіи. Для социальной этики важно знать не только то, какимъ долженъ быть общественный дѣятель, но и то, чѣмъ должна быть въ своемъ образѣ дѣйствій всякая разумная и честная партія, стремящаяся къ осуществленію общественнаго блага, какъ она его понимаетъ.

Успѣшное достиженіе какой-либо заранѣе намѣченной цѣли возможно лишь при надлежащемъ образѣ дѣйствій. Это — то, что въ научномъ изслѣдованіи или въ преподаваніи называется методомъ, въ практическихъ искусствахъ — приѣмомъ, способомъ, техникой. Общественная дѣятельность должна тоже имѣть свой методъ, свою технику, и коллективная дѣятельность совершенно такъ же, какъ и дѣятельность индивидуальная. Человѣкъ усваиваетъ методъ, приобрѣтаетъ технику лишь путемъ собственнаго упражненія или присматриваясь ближе къ работѣ другихъ, учась на ихъ примѣрѣ, подражая представляемымъ ими образцамъ, менѣе всего при помощи отвлеченныхъ наставленій. Но и послѣднія тѣмъ не менѣе необходимы. Участіе въ общественной дѣятельности другихъ — весьма

важная воспитательная школа метода и техники. Но чтобы воспитание шло въ должномъ направленіи, нужны двѣ вещи: нужно, во-первыхъ, чтобы партія не обезличивала своихъ членовъ, не превращала ихъ въ пассивныя орудія вождей, не отнимала у нихъ собственнаго разума и совѣсти, не внушала имъ понятій, идей, принциповъ, болѣе ложныхъ, менѣе честныхъ, менѣе полезныхъ или болѣе вредныхъ, чѣмъ тѣ, съ какими люди вступили въ составъ партіи, а во-вторыхъ, нужно, чтобы въ ней выработались методы и техника, дѣйствительно разумные, нравственные, цѣлесообразные, и чтобы эти методы и техника развивались, а не представляли изъ себя неизмѣнной рутины и традиціоннаго повторенія однихъ и тѣхъ же промаховъ, ошибокъ, недостатковъ. Среда воспитываетъ личность: какова среда, таково и воспитаніе; каковы нравы этой среды, таковы будутъ нравы и того, кого она воспитала. Партія, въ которой господствуютъ дурные принципы и дурные нравы, не можетъ воспитывать нравственныхъ и честныхъ дѣятелей. Съ другой стороны, учениковъ мы узнаемъ по школѣ: школа, которая сама не выработала вѣрныхъ методовъ и успѣшной техники, не можетъ и научить имъ своихъ учениковъ. И приемы, и нравы партійной тактики могутъ стоять на очень низкой ступени, тогда и тактика бываетъ сплошнымъ рядомъ ошибокъ, изъ которыхъ каждая вдобавокъ безпрестанно повторяется, или сплошнымъ рядомъ неблаговидныхъ поступковъ, повторяютъ которые, однако, оказывается прямо выгоднымъ, разъ выходитъ, что они, какъ приемы, достигаютъ своей цѣли. Объ ученіи, оправдывающемъ средства цѣлью, было уже сказано довольно, и мы остановимся только на одномъ — на цѣлесообразности, которая должна характеризовать всякую дѣятельность, направленную къ достиженію какихъ-либо опредѣленныхъ результатовъ.

Дѣло, конечно, идетъ тутъ не о хитрости и ловкости.

Во всемъ этомъ любого общественнаго дѣателя, задающагося благими культурными и соціальными цѣлями, заткнулъ бы за поясъ всякій дѣлецъ, умѣющій пускать въ ходъ военныя хитрости, и всякій ловкачъ, пользующійся минутой, чтобы накинуть арканъ на шею своей жертвы или подставить ножку своему противнику, какой-нибудь мошенникъ или кулакъ, сыщикъ или шпионъ. Такие люди могутъ даже изящно, какъ выражаются математики объ особаго рода приемахъ доказательства, и дѣйствительно художественно исполнять свое дѣло и съ этой точки зрѣнія заслуживать одобренія. Послѣднее, однако, на самое дѣло распространяться не будетъ, но какъ выражается въ подобныхъ случаяхъ одобреніе? Едва-ли было бы полезно для общественнаго дѣла, если бы общественные дѣатели заслуживали похвалу въ качествѣ „умныхъ шельмъ“ и „искусныхъ бестій“, въ качествѣ хитрецовъ и ловкачей. Стремящаяся къ общественному благу и уважающая себя партія не должна брать примѣра съ дѣателей, которые стремятся не къ дѣйствительному общественному благу и все сомнительное достоинство которыхъ заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ является или, по крайней мѣрѣ, желалъ бы быть „хитрымъ шельмой“ и „ловкой бестіей“. Дѣло не въ одной тутъ нравственной сторонѣ вопроса. Великіе хитрецы и самые опытные ловкачи обыкновенно бываютъ умны и искусны только тогда, когда дѣло идетъ о достиженіи какой-либо ближайшей цѣли, какаго-нибудь непосредственнаго результата. Далѣе, что называется, своего носа они не видятъ, далеко впередъ не заглядываютъ или потому, что ихъ это не интересуетъ, или потому, что всегда полагаются на свою находчивость и изворотливость, всегда въ случаѣ чего надѣются на какую-либо военную хитрость или ловкую штуку. Ни большого ума, ни большого искусства не нужно, разъ соображенія о дальпѣйшихъ шагахъ и поступкахъ излишни, ибо дѣло

упрощается до-нельзя: иногда только дерзость и нахальство заключаютъ въ себѣ половину успѣха, хотя при другихъ обстоятельствахъ за нихъ же и „влетаетъ“. Общественный дѣятель не долженъ уподобляться аферисту и авантюристу, который можетъ иногда и рисковать, особенно если ему нечего терять. Не о потерѣ лично для себя, не о личномъ рискѣ идетъ здѣсь, конечно, рѣчь: каждый самъ себѣ господинъ, но дѣло именно въ томъ, что никто не господинъ въ общественномъ интересѣ, и рисковать общимъ благомъ, наносить ущербъ общественной пользѣ—совсѣмъ иная вещь, чѣмъ лично подвергать себя опасности и утратамъ. Каждый поступокъ чловѣка можетъ имѣть не одно слѣдствіе. Достиженіе желательнаго результата можетъ сопровождаться другими послѣдствіями отъ того же самаго поступка, коимъ достигнутъ результатъ, — послѣдствіями нежелательными и бывшими совсѣмъ непредвидѣнными. Умный и искусный хозяинъ или предприниматель отличается отъ хитраго афериста и ловкаго авантюриста тѣмъ, что загадываетъ впередъ, рассчитываетъ заранѣе, не имѣя въ виду исключительно достиженія ближайшей цѣли, полученія непосредственнаго результата. Мало ли что, — ближайшая цѣль будетъ достигнута, но еще вопросъ, не лучше ли будетъ ради цѣли дальнѣйшей, болѣе важной, въ даппомъ случаѣ воздержаться отъ полученія непосредственнаго результата, разъ это рискованно и неудача можетъ повредить всему дѣлу, взятому въ его цѣломъ, или если слишкомъ преждевременная удача въ одномъ пунктѣ, — когда не подготовлена побѣда на другихъ пунктахъ, — можетъ превратиться въ поражение. Не только отдѣльныя личности въ отдѣльныхъ практическихъ дѣлахъ — въ хозяйствѣ или въ торговлѣ, въ дипломатіи или на войнѣ, въ лѣченіи болѣзней или воспитаніи юношества — могутъ ради ближайшаго успѣха, который потомъ оказывается чисто временнымъ, жертво-

вать дальнѣйшими интересами дѣла. Если цѣль опредѣляетъ собою средства, то нельзя дѣлать средство независимымъ отъ цѣли: если ближайшій успѣхъ долженъ быть между прочимъ средствомъ для дальнѣйшаго или, по крайней мѣрѣ, не ставовится поперекъ дороги осуществленію главнаго дѣла, то въ интересахъ послѣдняго положительно нужно отказываться отъ легкихъ побѣдъ, быстрыхъ успѣховъ, временныхъ удачъ, разъ можно предвидѣть, что все это не только не послужитъ существенно на пользу дѣлу, но даже прямо ему повредитъ. И когда не отдѣльный человекъ, а цѣлая партія осуществляетъ свою программу, это положеніе должно сохранять свою силу. Нужно различать одно отъ другого: общественные интересы, во имя конхъ дѣйствуетъ партія,—хорошо ли, дурно ли она ихъ понимаетъ,—и интересы партійные, т.-е. то, чтò хорошо для самого общества, для всего государства, всего народа и что потому есть послѣдняя цѣль стремленій партій, и то, чтò хорошо лишь для самой партіи, какъ ея ближайшая цѣль, но по отношенію къ той цѣли только средство. Конечно, должны существовать (и не существовать прямо не могутъ) такіе партійные интересы, но ихъ должно ставить въ правильное отношеніе къ интересамъ общимъ, конмъ партія служить. Между ними не должно быть противорѣчія. Первый случай противорѣчія заключался бы въ примѣненіи правила: „цѣль оправдываетъ средства“, но это правило, какъ было уже не разъ повторяемо, безнравственно: согласіе цѣли съ принципомъ, нарушаемымъ въ средствѣ, есть въ сущности отрицаніе самого принципа, что и у цѣли отнимаетъ прочное основаніе. Второй случай противорѣчія, это тотъ, когда говорятъ, наоборотъ, что цѣль не опредѣляетъ средствъ, что средства независимы отъ цѣли. Но что бы это значило? А вотъ чтò. Это значило бы, во-первыхъ, что партійные интересы могли бы существовать сами по себѣ и быть

верховнымъ закономъ для дѣятельности партіи: это—политика оппортунистовъ въ худшемъ смыслѣ слова, т.-е. людей, которые ради партійныхъ интересовъ готовы мѣнять фронтъ, политика итальянскихъ кондотьеровъ, которые служили со своими войсками сегодня одному государству, завтра другому, „политика“ безъ всякой „морали“. А во-вторыхъ, это значило бы, что и безъ перемѣны фронта со стороны самой партіи общіе интересы должны были бы склоняться передъ интересами партіи: нельзя для того, чтобы доставить партіи временное торжество или для того, чтобы доказать только ея правоту въ какомъ-нибудь частномъ вопросѣ, ставить на карту общіе интересы. Партійное самолюбіе, партійное своекорыстіе и т. п. столь же неразумны, безнравственны и вредны для общества, какъ и личное самолюбіе и своекорыстіе, разъ они требуютъ жертвъ отъ общественнаго интереса. На партіяхъ, какъ и на отдѣльныхъ личностяхъ, лежитъ и нравственная, и дѣловая отвѣтственность за свои общественные поступки. Тамъ, гдѣ партіи складываются изъ лицъ, выбранныхъ обществомъ и уполномоченныхъ имъ и закономъ на извѣстнаго рода дѣятельность, онѣ дѣйствуютъ подъ контролемъ своихъ довѣрителей и съ моральною, по крайней мѣрѣ, отвѣтственностью передъ ними: это именно имѣетъ мѣсто при представительствѣ сословномъ, городскомъ, земскомъ и т. п., а въ конституціонныхъ государствахъ и при національномъ представительствѣ. Уже это налагаетъ на партійную дѣятельность обязанность осторожности и осмотрительности, хотя партійныя программы и имѣютъ за себя голоса извѣстныхъ группъ избирателей, одобряющихъ ту или другую партійную тактику, но тамъ, гдѣ общественные дѣятели группируются частнымъ образомъ, другъ друга приглашая или избирая, безъ прямого уполномоченія со стороны общества и, напр., только съ согласія государства, а не въ силу государствен-

наго закона, отвѣтственность за нанесеніе вреда и ущерба обществу можетъ сдѣлаться еще бѣльшею.

Кстати. Говоря объ отношеніи партійнаго интереса къ общественному, нельзя не коснуться еще одного предмета. Долженъ ли общественный дѣятель ради дѣла, ко-ему служить, принадлежать къ какой-либо партіи? Солонъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, и онъ былъ правъ, если желалъ только, чтобы гражданинъ не былъ индифферентистомъ, но онъ былъ бы неправъ, если бы требовалъ, чтобы гражданинъ непременно принадлежалъ къ какой-либо партіи, хотя бы ни одну изъ существующихъ партій не считалъ за вполне разумную и справедливую. Великій Данте даже не безъ гордости говорилъ, что одинъ составлялъ свою партію, а его никто не обвинить въ отсутствіи патріотизма и гражданскаго чувства: своею честною и мужественною жизнью онъ доказалъ, что онъ былъ не только великій поэтъ. Никто не можетъ принудить морально свободнаго человѣка ¹⁾ быть тѣмъ, чѣмъ онъ не хочетъ быть: дѣломъ свободнаго выбора можетъ быть и не принадлежать ни къ какой партіи, что не можетъ мѣшать поступать хорошо. Въ западно-европейскихъ парламентахъ встрѣчаются такіе депутаты, и въ Германіи ихъ зовутъ „дикими“, что не мѣшаетъ этимъ „дикими“ подавать голоса за предложенія друзей народа, — лишь бы „дикость“ не была результатомъ безпринципности. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, а таково, напр., положеніе думскаго или земскаго гласнаго у насъ или народнаго представителя на Западѣ, естественнѣе и полезнѣе для интересовъ, коимъ служишь, соединяться вмѣстѣ съ другими. „Дикіе“ попадаютъ только одиночками, хотя бываетъ иногда и такъ, наоборотъ, что партіи никакъ не

¹⁾ О моральной свободѣ см. „Мысли объ основахъ нравственности“, стр. 106.

могутъ сформироваться,—кто въ лѣсъ, кто по дрова, что еще съ бѣльшимъ правомъ можно назвать дикостью. Разъ, однако, человекъ примыкаетъ къ партіи, онъ долженъ кое-чѣмъ поступиться изъ своей свободы, какъ поступается, однако, морально свободный человекъ, не какъ человекъ, себя закабалающій въ рабство, продающій себя въ солдаты, завербовываемый въ тайное общество, которое беретъ съ него страшныя клятвы подъ угрозой смерти, или поступающій въ монастырь, откуда нѣтъ болѣе возврата въ міръ. Его никто не можетъ принуждать дѣлать то, что онъ считаетъ противнымъ своему убѣжденію, нравственному долгу, пользѣ общества: его совѣсть и его честь — судьи тамъ, гдѣ партійные интересы приходятъ въ столкновеніе съ его пониманіемъ нравственного и полезнаго для общества. Но та же совѣсть и долгъ не позволяютъ морально свободной и, слѣдовательно, чувствующей себя отвѣтственною личности дѣйствовать, входя въ составъ той или другой партіи, по одному личному произволу, на свой страхъ, за всю партію, не спросивъ ея согласія. Цѣлая партія съ самыми благими намѣреніями можетъ надѣлать ошибокъ, отъ которыхъ потомъ страдаютъ важныя общественныя интересы, но и партійные интересы часто страдаютъ отъ ошибки одного самовольнаго человека, отъ недостатка предусмотрительности отдѣльныхъ членовъ, отъ отсутствія партійной дисциплины. Жирондисты сами заплатились головами именно за недостатокъ партійной дисциплины.

И опять-таки эта дисциплина не значитъ слѣпое повиновеніе казармы или монастыря. Традиціи, принципы, программы партій не догматы, коихъ никто не можетъ касаться. Разъ общественныя идеалы должны развиваться, то должны развиваться и основныя начала партій, а развитіе ихъ можетъ происходить лишь путемъ постоянной переработки этихъ началъ отдѣльными членами. Хорошо слу-

жить партійнымъ интересамъ не только тотъ, кто, заглядывая постоянно въ будущее, умѣетъ удерживать себя отъ дѣйствій, которыя лично ему кажутся и подходящими для настоящей минуты, но, пожалуй, могутъ повредить всей партіи, но и тотъ, кто не забываетъ и уроковъ прошедшаго, чтобы, пользуясь его опытомъ, исправлять въ программахъ и методахъ партій то, что подлежитъ исправленію, — тотъ, наконецъ, кто постоянно все партійное держитъ подъ контролемъ разума и совѣсти.

Кто не заглядываетъ впередъ, тотъ не заглядываетъ и въ прошлое. Между тѣмъ въ будущемъ нужно избѣгать повторенія ошибокъ прошлаго. Не заглядываютъ далеко впередъ въ ограниченности своего ума не одни аферисты и авантюристы. Ограниченность ума можетъ проявляться и въ другихъ формахъ. Догматизмъ фанатика, деспотически навязывающаго свою мысль и свою волю другимъ, всему обществу, — будетъ ли то фанатизмъ отдѣльнаго лица, или цѣлой партіи, — есть тоже ограниченность ума: фанатикъ тоже не заглядываетъ далеко въ будущее, фанатика тоже прошедшее научить ничему не можетъ — и въ обоихъ случаяхъ потому, что поле зрѣнія фанатика ограничено, что мысль его узка. Конечно, фанатизмъ есть сила, вѣра, двигающая горами, но это — сила стихійная, вѣра, которая совершенно слѣпа. Въ фанатизмъ нерѣдко заключается залогъ побѣды, но побѣда не всегда есть синонимъ достиженія цѣли: когда побѣждаетъ безразсудная мысль и нецѣлесообразное средство, это, разумѣется, не значитъ, что такой побѣдой достигается ничто разумное, достигается самая цѣль, къ которой стремились, но для достиженія которой прибѣгли къ средству, насколько къ ней на самомъ дѣлѣ не приближающему.

Итакъ, ни въ постановкѣ цѣли, ни въ употребленіи средствъ для ея достиженія, т.-е. ни въ творествѣ идеала, ни въ дѣятельности, направленной на ея осуществленіе,

какъ отдѣльный дѣятель, такъ и цѣлая группа дѣятелей,— если только они хотятъ, чтобы идеаль, дѣйствительно, былъ жизненнымъ и чтобы осуществленіе его на самомъ дѣлѣ было цѣлесообразно,—не должны итти путемъ догматизма и традиціи, должны постоянно заглядывать въ будущее, справляться съ прошедшимъ и не думать, что кто-либо, когда-либо и гдѣ-либо открылъ секретъ того, какъ осчастливить человѣчество одною какою-либо мѣрою. Вѣра въ панацеи, въ элексиры долгой жизни, въ философскіе камни, обращающіе все въ золото, изгнана изъ области естествознанія, а социальная наука изгоняетъ и изъ своей области фантазіи и утопіи, основанныя на хорошихъ стремленіяхъ, но не имѣющія подъ собою научной почвы. Въ настоящее время, напр., и социализмъ, т.-е. направленіе, наиболѣе отрицательно относящееся къ современному общественному быту и стремящееся создать порядки, которые наиболѣе отличаются отъ существующихъ, отрекается отъ того утопизма, въ коемъ онъ зародился, и стремится сдѣлаться наукой, подчиняясь въ этомъ отношеніи общему культурному движенію второй половины XIX вѣка. Общественнымъ наукамъ не дано, какъ, напр., астрономіи, предсказывать будущія событія, но если астрономія не можетъ не подготовить условій, вызывающихъ затменіе, ни предотвратить затменія, которому слѣдуетъ совершиться, то въ дѣлахъ человѣческихъ наука, лишенная возможности предсказывать, но не лишенная способности предвидѣнія, можетъ направлять нашу дѣятельность въ ту сторону, куда обращены были взоры всѣхъ друзей человѣчества, т.-е. къ идеалу общественной правды, и направлять ее такъ, чтобы при осуществленіи идеала предусмотрительно устранялось все, что нецѣлесообразно или вредно. Однимъ словомъ, и творчество идеала, и его осуществленіе должны быть проникнуты научнымъ духомъ, тѣмъ отношеніемъ къ вопросамъ мысли

и вопросамъ жизни, которое характеризуетъ научный методъ и о которомъ я уже достаточно говорилъ въ „Письмахъ о самообразованіи“¹⁾. Было время, когда общественные вопросы ставились на почву доктринъ религиозныхъ, какъ это было въ эпоху реформаціи, и было время, когда мѣсто этихъ доктринъ занимали ученія метафизическія, какъ то можно сказать объ эпохѣ французской революціи; будущее же должно принадлежать наукѣ, положительному знанію и основанному на опытѣ искусству.

V. Идеальныя требованія отъ общественнаго дѣятеля.

Я не знаю, сколько разъ въ предыдущихъ главахъ мнѣ приходилось употреблять слово „долженъ“, „должна“ по отношенію къ общественному дѣятелю и къ общественной дѣятельности. Съ точки зрѣнія автономической, а не гетерономической нравственности, съ точки зрѣнія, которую и нужно признать единственно вѣрною или, по крайней мѣрѣ, самою высшею въ этикѣ²⁾, наложить долгъ на себя, вмѣнить себѣ что-либо въ моральную обязанность можетъ только самъ человѣкъ, его личный разумъ, его личная совѣсть. Извнѣ требовать отъ человѣка подѣ страхомъ того или другого наказанія могутъ чего-либо нравы, общественное мнѣніе, положительный законъ, но основа нравственнаго долга можетъ заключаться только въ убѣжденіи личности относительно разумности и справедливости тѣхъ или другихъ требованій, именно въ личномъ убѣжденіи, а не извнѣ подаваемомъ примѣрѣ, не извнѣ предъявляемомъ требованіи, не извнѣ навязывае-

¹⁾ Въ разныхъ мѣстахъ.

²⁾ Ср. „Мысли объ основахъ нравственности“, стр. 3 и др.

момъ образѣ дѣйствій, и именно еще въ убѣжденности, что ничто само по себѣ разумно и справедливо, а не въ личномъ произволѣ: „мнѣ такъ кажется“, „мнѣ это нравится“, „я такъ хочу“, — все это столь же плохой резонъ, какъ и ссылка на то, что вотъ этого-то требуетъ общество.

Въ выраженіи: „требуется общество“ можетъ заключаться двоякій смыслъ, а гдѣ есть двусмысленность, тамъ возможно недоразумѣніе, и гдѣ есть недоразумѣніе, тамъ возможны ошибки, несправедливости и вредъ. „Общество“ можно понимать въ реальномъ и въ идеальномъ смыслѣ. Общество, вотъ это самое общество, реальная среда, меня обружающая, можетъ требовать отъ меня чего-нибудь, несогласнаго съ моимъ нравственнымъ чувствомъ и съ моимъ пониманіемъ моего долга, съ тѣмъ, чего требуютъ отъ меня голосъ разума и голосъ совѣсти. Пословица говоритъ: „съ волками жить, по волчьи выть“. Въ этомъ изреченіи народной мудрости заключаются скорыя объясненія того, что бываетъ, и пожалуй, оправданіе объясненіемъ, почему такъ бываетъ, отнюдь не примѣръ для подражанія, не совѣтъ, не повелѣніе, оправдывающее себя какими-либо высокими соображеніями. Нравы даннаго общества или данной общественной среды, того или иного класса общества, людей той или другой профессіи, той или другой партіи могутъ паходиться на очень пизкой ступени развитія и могутъ дозволять дѣлать весьма некрасивыя вещи и даже прямо требовать отъ человѣка, чтобы онъ ихъ дѣлалъ, разъ того требуетъ ближайшій интересъ даннаго реального общества, напр., даннаго государства или данной партіи. Положимъ, нравы какой-нибудь націи могутъ быть такъ жестоки, что съ ея точки зрѣнія можно тайно отравлять колодцы, рѣки и пруды во вражеской странѣ, и вѣдь тогда общество, т.-е. данный народъ можетъ требовать, чтобы отдѣльныя лица въ его интересахъ поступали именно такимъ образомъ. Общественное мнѣніе мо-

жетъ ошибаться относительно того, что полезно и что вредно самому же обществу, имѣющему такое мнѣніе, по оно, это общество, тоже вѣдь можетъ требовать, чтобы отдѣльныя лица поступали такъ, какъ оно находитъ нужнымъ, чтобы поступали для его блага. Цѣлый народъ можетъ ошибаться въ самыхъ важныхъ вопросахъ политики, но потому-то онъ и не имѣетъ права навязывать своихъ мнѣній отдѣльнымъ лицамъ или наказывать тѣхъ, которые не соглашаются съ этими мнѣніями, какъ и отдѣльная личность, обладая всѣми правами на то, чтобы открывать глаза общества на собственныя его заблужденія, не имѣетъ ни малѣйшаго права насиловать общество, требуя, чтобы оно приняло ея мнѣніе. Наконецъ, и законы,—это дѣло рукъ человѣческихъ,—могутъ быть и дѣйствительно бывають такъ несовершенны и дурны, что дозволяютъ или допускають несправыя поступки, а въ иныхъ случаяхъ вмѣняютъ ихъ и въ гражданскую обязанность, какъ, напр., все, что поощряетъ доносительство. Да, реальное общество мало ли чего можетъ требовать отъ человѣка и притомъ нерѣдко во имя мнимой пользы, а если и во имя пользы дѣйствительной, то при дурномъ выборѣ средствъ и съ точки зрѣнія нравственности, и съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Въ концѣ-концовъ, отдѣльной личности нельзя не рѣшать самой, чего требуетъ настоящій интересъ общества, его дѣйствительная польза, тѣмъ болѣе еще, что требованія общества не могутъ быть противорѣчивыми, и между ними нужно выбирать. Иной скажетъ, что нужно удовлетворять требованія народа и соплется на изреченіе: „гласъ народа — гласъ Божій“. Охъ, какъ опасны ссылки на готовые формулы мудрости, которыя суть вѣдь тоже готовые рецепты поведенія. Разумѣется, народъ правъ, когда онъ желаетъ, чтобъ ему было хорошо, чтобы всѣ были сыты, одѣты и обуты, чтобы у всякаго былъ хорошій заработокъ, чтобы его не обижали и не притѣ-

сняли: все это хорошо, и этого, дѣйствительно, требуетъ „гласъ Божій“, ибо это хорошо не потому, что этого требуетъ народъ, а потому, что этого требуетъ сама высшая правда, говорящая въ разумѣ и въ совѣсти человѣка, этотъ „гласъ Божій“, слышимый нами въ собственномъ нашемъ сердцѣ. Но народъ неразвитъ, необразованъ, грубъ, а потому—пусть и не его вина въ этомъ—можетъ не понимать, чтѣ нужно, дабы осуществилось его благосостояніе, и чтѣ сверхъ матеріальнаго довольства ему нужно, можетъ быть и бываетъ легковѣрнымъ, можетъ доходить и на самомъ дѣлѣ до совершенія ни къ чему ненужныхъ и ничѣмъ неоправдываемыхъ жестокостей или скорѣе оправдывающихся только неразуміемъ и нравственною загрубѣlostью, безвыходностью положенія и разыгравшимися страстями, однимъ словомъ, дѣйствіемъ стихійныхъ силъ. Въ такихъ случаяхъ „гласъ Божій“ превращается въ „гнѣвъ Божій“ или „Божье поущеніе“. Реальный народъ не есть ничто непогрѣшимое и потому имѣющее право на то, чтобы ставить свою волю закономъ. Ни одинъ настоящій „другъ народа“, дѣйствительно, его любящій, понимающій его пользу, работающій во имя его блага, не сотворитъ себѣ кумира изъ народа и не поклонится ему, поставивъ его на мѣсто высшей правды, открывающей себя въ голосѣ разума и совѣсти. Каждый другъ народа, ссылаясь на народную волю, понимаетъ эту волю по своему, и чѣмъ яснѣе онъ это сознаетъ, тѣмъ лучше это и для него самого, и для народа: тутъ уже не можетъ быть мѣста для практическихъ недоразумѣній въ родѣ тѣхъ, какія породилъ „Contrat social“ Руссо. Но народная воля и общественный интересъ въ окраскѣ *моею*, т. е. личнаго пониманія не есть дѣйствительная воля даннаго народа во всѣхъ ея (часто притомъ противорѣчивыхъ) проявленіяхъ, не есть то, чтѣ требуется даннымъ обществомъ (опять съ массою классовыхъ или

партійныхъ противорѣчій) съ точки зрѣнія его интересовъ: народная воля и требованія общества тутъ суть нѣчто идеальное, именно мои идеальныя представленія, а не реальныя какія-либо силы. Назвать продуктъ своего собственнаго психическаго творчества волею народа или требованіями общества значить „всеу пріять имя“ общества или народа. Говорить отъ чьего-либо имени, не получивъ на то спеціальнаго уполномоченія, не полагается. Итакъ, когда мы ссылаемся на требованія общества, должныя быть предъявляемыми общественнымъ дѣятелямъ, мы эти требованія понимаемъ не въ реальномъ смыслѣ того, чего хочетъ на самомъ дѣлѣ данное, насъ окружающее общество, а въ идеальномъ смыслѣ того, чего мы должны хотѣть во имя разумнаго и справедливаго пониманія общественнаго интереса. Сказать: „народъ хочетъ“ — очень легко, но дѣло не въ словахъ, а въ томъ, чтобы узнать, чего на самомъ дѣлѣ хочетъ народъ, и разобратъ, полезно ли ему то, чего онъ хочетъ, дабы сообразно съ этимъ дѣйствовать и научить его, если онъ хочетъ неразумнаго, невозможнаго, несправедливаго и вреднаго или не хочетъ разумнаго, достижимаго, справедливаго и полезнаго. Въ 1814 г. французскіе легитимисты увѣряли, что народъ хочетъ возвращенія Бурбоновъ, и событія 1815 и 1830 г. показали, насколько дважды навязывавшіеся Франціи Бурбоны сѣлись на тронъ по дѣйствительному требованію общества. Индѣпенденты эпохи первой англійской революціи были увѣрены, что вся нація хотѣла учрежденія республики: республика едва просуществовала двѣнадцать лѣтъ, и Англія вернулась къ своей старой конституціи. Въ 1799 г. и въ срединѣ этого вѣка Франція (т.-е. подавляющее большинство французовъ) дѣйствительно хотѣла обонхъ Наполеоновъ, навязывавшихъ себя ей въ государи, но въ обонхъ случаяхъ народъ желалъ того, что противорѣчило его истин-

нымъ интересамъ. И выходитъ, значить, что обязывать общественнаго дѣятеля можетъ не реальное, а лишь идеальное пониманіе такъ называемыхъ общественныхъ требованій. Пониманіе требованій общества въ идеальномъ смыслѣ только и соотвѣтствуетъ реальнымъ интересамъ общества, которое, конечно, не имѣетъ привилегіи на непогрѣшимость въ пониманіи того, что ему полезно и что вредно, что достижимо и что невозможно ¹⁾.

Нужно ли прибавить, что я не противопологаю личнаго пониманія, какъ всегда вѣрнаго, пониманію общества, какъ всегда невѣрному, а противопологаю пониманіе, основанное на голосѣ разума и совѣсти, пониманію, имѣющему нелогичныя и неэтичныя основанія? Довольно сказать, что перетолкованіе моей мысли было бы возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы я чѣмъ-нибудь далъ поводъ приписывать мнѣ возможность такого нелѣпаго разсужденія: каждая-де индивидуальная мысль вѣрна, по мысль общественная, какъ сумма индивидуальныхъ мыслей, есть непременно вздоръ.

Возвращаюсь къ темъ.

Въ своихъ заявленіяхъ общественный дѣятель не можетъ сослаться на чью бы то ни было *волю*, такъ какъ его требованія (конечно, въ моральномъ смыслѣ) должны быть основаны исключительно на *идеѣ*. Не имѣя на то прямого полномочія, нельзя говорить, напр., *отъ имени* народа, можно говорить только *во имя* народа, причѣмъ въ первомъ случаѣ предполагалось бы, что того или иного требуетъ *воля* народа, которая можетъ погрѣшать, тогда какъ во второмъ случаѣ рѣчь можетъ быть только объ *идеѣ* народнаго блага, которая есть идея безусловно хорошая. Такъ и религіозный человѣкъ только тогда не призываетъ всеу имени Божія, когда, требуя чего-либо име-

¹⁾ О двоякомъ пониманіи интереса общества въ дѣлѣ образованія см. мою брошюру „Что такое общее образованіе?“ Одесса, 1895 (стр. 35 и слѣд.).

немъ Бога, говоритъ не *отъ* имени Бога, представителемъ коего мнитъ себя быть, а *во* имя Бога, какъ высшаго идеала правды. Въ общественныхъ дѣлахъ нельзя ссылаться ни на свою, ни на чужую волю, ибо гдѣ воля, тамъ возможность и произвола, гдѣ возможность произвола, тамъ возможность неправды. „Такъ я хочу“, „sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas“¹⁾, „car tel est notre bon plaisir“²⁾, все это—формулы воли, выдающей резонъ своихъ требованій въ своихъ собственныхъ желаніяхъ, ни въ чемъ болѣе. Упрямый догматизмъ твердитъ: „я такъ думаю“ и не хочетъ слышать никакихъ доводовъ критики. Фанатизмъ есть догматизмъ чувства, деспотизмъ—догматизмъ воли. Лишь деспотъ открыто можетъ ссылаться на свою волю, какъ на послѣднее основаніе своихъ требованій. Фанатикъ тоже всегда деспотъ, но онъ видитъ въ себѣ лишь орудіе чужой воли, приписывая требованія своей воли Божеству или какъ бы олицетвореннымъ и обоготвореннымъ „государству“, „обществу“, „народу“. Фанатикъ-инквизиторъ думалъ, что онъ творитъ волю Божию; фанатикъ-якобинецъ рубилъ головы, думая, что онъ дѣйствуетъ по требованію народной воли. Въ основѣ всякаго деспотизма и фанатизма, возводящаго личный произволъ на степень принципа, какъ то бываетъ въ деспотизмѣ, или бессознательно замаскировающаго личный произволъ искрению вѣрою въ исполненіе чужой, высшей воли, какъ то наблюдается въ случаѣ фанатизма,—въ основѣ того и другого лежатъ догматическое убѣжденіе, что моя-де воля имѣетъ абсолютное право на непогрѣшимость или что я-де обладаю знаніемъ другой непогрѣшимой воли. Въ такомъ догматизмѣ воспитывается дру-

¹⁾ Я такъ хочу, такъ и приказываю, пусть моя воля будетъ основаніемъ приказа.

²⁾ Ибо такъ намъ правится.

гими и упражняется самъ очень часто умъ человѣка, могущаго по свойствамъ своего чувства и своей воли не быть ни фанатикомъ, ни деспотомъ. Это происходитъ тогда, когда человѣка приучаютъ—или онъ самъ привыкаетъ—считать себя и своихъ единомышленниковъ единственными настоящими выразителями общества или народа и въ качествѣ таковыхъ говорить отъ ихъ имени, требовать ихъ волею. Не-фанатики и не-деспоты по качествамъ своего чувства и своей воли могутъ лишь въ силу привычки, создавшейся на почвѣ догматическаго мышленія, выступать такъ, что иной фанатикъ или деспотъ могъ бы у нихъ и поучиться, и такимъ путемъ подражанія фанатизмъ и деспотизмъ овладѣваютъ цѣлыми группами общества. Якобинцы только себя считали „патріотами“ и называли „индивизмомъ“ всякое несогласіе съ ихъ теоріями, фанатически ненавидя каждаго, кто не былъ „патріотомъ“, и деспотически заставляя быть всѣхъ „патріотами“ въ своемъ вкусѣ. У насъ тоже не мало примѣровъ злоупотребленія этимъ словомъ: всѣ „несогласно мыслящіе“ не патріоты. Съ этимъ соединяются обыкновенно такія непріятныя для другихъ, въ основѣ ложныя, въ примѣненіи безнравственныя и вредныя проявленія, какъ самомнѣіе, самоувѣренность, самохвалство, которыя могутъ быть не только личными, но и коллективными, причемъ они бывають въ такихъ случаяхъ нерѣдко еще противнѣе, фальшивѣе, безстыднѣе и опаснѣе. Таковъ, напр., шовинизмъ, или ложный національный патріотизмъ: „мы-де сильнѣе всѣхъ“, да „намъ-де все ни почемъ“ — „шапками всѣхъ закидаемъ“ и т. п. Любовь къ отечеству—великая и святая любовь, но она требуетъ, чтобы мы знали свое отечество со всѣми его недостатками, требующими исправленія, и знали, что любить отечество не значитъ постоянно пѣть: „громъ побѣды раздавайся“. Между тѣмъ многіе и многіе не считаютъ нужнымъ знать отечество, потому что любятъ

его не такъ, какъ слѣдуетъ, а только по бессознательному подражанію другимъ и по уворенившейся затѣмъ привычѣ. Они, быть можетъ, и не фанатики и не деспоты, но ихъ хорошія чувства и добрая воля только дурно направлены догматизмомъ малоразвитого ума: ихъ можно спасти, научивши. Слышать отъ кого бы то ни было самохвальныя заявленія крайне непріятно—отъ чужихъ ли, отъ своихъ ли—все равно, кагда, напр., кто-либо сталъ бы говорить, что мы-де первый народъ въ мірѣ, самая полезная часть общества, самая умная и честная партія, лучшая часть молодежи и т. п. Если бы даже въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это было правдой, предоставимъ-те другимъ ставить намъ баллы, расточать похвалы и присуждать награды, но вѣдь мы можемъ и ошибаться, а если относиться вообще критически къ любому народу, къ любому классу общества, къ любой партіи, къ любой категоріи учащагося юношества, то всегда найдутся изъязы, которые заставятъ васъ понизить тонъ, да и по отношенію къ другимъ націямъ или другимъ группамъ собственныхъ соотечественниковъ наша оцѣнка самихъ себя можетъ оказаться не очень-то основательной. Самохвальство не только не есть самоуваженіе, но прямо является его противоположностью. Не даромъ мы различаемъ также увѣренность въ самомъ себѣ отъ самоувѣренности, довольство самимъ собой отъ самодовольства, справедливое мнѣніе о себѣ отъ самомнѣнія и т. п.: первыя суть добродѣтели, ибо допускаютъ критическое къ себѣ отношеніе, сомнѣніе въ своихъ способностяхъ и силахъ, недовольство своимъ поведеніемъ, осторожность въ оцѣнкѣ своего значенія и пр. и пр., а все другое—пороки, въ воихъ повинно тщеславное догматическое отношеніе къ себѣ. Нельзя винить цѣлыя народы или группы общества за подобныя прегрѣшенія своихъ членовъ, но во всякомъ случаѣ не могутъ служить къ украшенію ни націй, напр., ни партій отдѣль-

ныя въ нихъ личности, способныя такъ говорить, и чѣмъ больше въ нихъ такихъ людей и чѣмъ болѣе вкоренены въ послѣднихъ дурныя привычки національнаго или партійнаго самопревознесенія, тѣмъ хуже.

Между тѣмъ догматическое самомнѣніе можетъ имѣть и весьма вредныя, и весьма несправедливыя практическія слѣдствія. Даже и безъ настоящаго фанатизма, граничащаго иногда съ помѣшательствомъ, даже находясь, какъ говорится, въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, можно вообразить себя тѣмъ, чѣмъ вовсе не можешь называться, приписать себѣ особыя права, вытекающія будто бы изъ принадлежности къ какой-либо „лучшей части“, присвоить себѣ значеніе, на которое не имѣешь ни малѣйшаго основанія. Говорить и дѣйствовать отдѣльному лицу и цѣлой, напр., партіи можно лишь отъ своего имени, если только данный индивидуумъ или данная группа индивидуумовъ не уполномочены такъ или иначе говорить и дѣйствовать отъ чьего-либо другого имени—отъ цѣлой націи, государства, народа, отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ, сословій, классовъ, мѣстностей и т. п. Отдѣльный членъ партіи, не уполномоченный къ тому своими товарищами, не можетъ говорить и дѣйствовать отъ имени всей партіи: иначе онъ будетъ самозванцемъ. Цѣлая партія, говорящая и дѣйствующая за все общество или за извѣстную его часть, не имѣя на то полномочій, будетъ тоже повинна въ самозванствѣ. Это не значитъ, что никто не можетъ говорить и дѣйствовать безъ постороннихъ полномочій. Это значитъ, что если полномочій нѣтъ, то не слѣдуетъ воображать и представлять другимъ, будто полномочія эти есть, будетъ ли это думать и говорить другимъ отдѣльный дѣятель, или сторонники какого-либо направленія, будетъ ли это своего рода самозванство результатомъ фанатической вѣры (что простительнѣе всего), догматическаго недомыслія или со-

знательной софистики (что менѣ всего прощительно), и будетъ ли эта софистика вытекать изъ заблужденій ума или заблужденій нравственнаго чувства. Нѣтъ, разъ ты фактически не уполномоченъ, веди дѣло на чистоту, безъ самозвапства, помня, между прочимъ, что можно, напр., давать хорошіе совѣты и не обращающимся къ тебѣ за совѣтами, но что можно, наоборотъ, и совѣтовать-то по чужой просьбѣ, да совѣты давать плохіе. Полученіе полномочія даетъ человѣку только одно право — говорить и дѣйствовать отъ имени давшихъ полномочіе, по вѣдь сколько разъ уже уполномоченные обманывали довѣріе своихъ кліентовъ и избирателей или сколько разъ они совершали дурныя поступки въ пользу своихъ довѣрителей и прямо по ихъ порученію, такъ что даже не всегда ссыла на полученіе полномочія есть лишній аргументъ въ пользу права выступающаго съ такою ссылкой лица заявлять то-то и то-то. Если бы общество стало требовать отъ каждаго лица, выступающаго въ качествѣ моралиста, публициста или практическаго дѣятеля на общественномъ поприщѣ, чтобы онъ предъявилъ полномочіе отъ какого-либо вѣдомства, учрежденія, сословія, профессіи, партіи и т. п., не были бы возможны ни пророки, ни реформаторы, ни народныя вожди, ни вообще люди, выступающіе, какъ индивидуальныя личности. Ихъ полномочіе въ ихъ умѣ и въ ихъ знаніяхъ, въ ихъ талантѣ и въ ихъ силахъ, въ ихъ энергіи и ихъ подвигахъ, хотя общество и тяжело расплачивается, если ошибается въ оцѣнкѣ ума, знаній, таланта, силъ, энергіи и подвиговъ своихъ героев. Отвѣтственность такихъ людей — самая большая, ибо они не дѣлаютъ ея ни съ какой партіей, пока сами не создаютъ себѣ партіи.

Когда мы говоримъ объ идеальныхъ требованіяхъ, какія общество можетъ имѣть относительно своихъ дѣятелей, мы не должны, далѣе, имѣть въ виду лишь данное обще-

ство, ограниченное во времени и пространствѣ. Давное общество можетъ быть такъ неразвито, тупо, самодовольно, что самая идея общественной дѣятельности, какъ чего-то отличнаго отъ „занятія своимъ дѣломъ“ или отъ „исполненія служебныхъ обязанностей“, будетъ ему, этому первѣжественному и развращенному обществу, ненавистна и рисоваться въ видѣ неприличнаго „сованья не въ свое дѣло“ или преступнаго „нарушенія общественнаго порядка“, т.-е. общество можетъ вѣдь требовать: „не суй носа не въ свое дѣло и не заводи безпорядковъ“. Или, наоборотъ, общество, народъ могутъ быть неразумны и грубы и требовать, чтобы общественный дѣятель непременно былъ крѣпчивъ и бурливъ, безцеремоненъ и насильствененъ, а если ты дѣлаешь свое дѣло такъ, какъ того, по твоему убѣжденію, требуютъ интересы общества, благо народа, а не такъ, чтобы нравиться толпѣ, то тебя, пожалуй, ославятъ измѣнникомъ отечества и врагомъ народа, причемъ люди во вкусъ толпы сдѣлаются ея любимцами, хотя бы они плохо понимали дѣло и дѣйствовали неумѣло. Было бы, однако, печально, если бы требованія дѣйствительно существовавшихъ и выивъ существующихъ обществъ можно было характеризовать только такими отрицательными чертами. Взятая въ своемъ цѣломъ исторія человѣческихъ обществъ представляетъ исторію идеальныхъ типовъ дѣятелей — полубоговъ и героев въ древности, святыхъ въ средніе вѣка и т. п.: это — доблестный „гражданинъ“, это — „мученикъ“ въ эпохи гоненій, это — „рыцарь безъ страха и упрека“ въ эпоху общаго безправія и т. п. Каждый типъ имѣлъ свою пору. Лучшіе люди данной эпохи дѣлались тѣмъ, чего требовалъ отъ нихъ самый высокій общественный идеалъ эпохи, и ихъ окружали почетъ со стороны другихъ людей; о нихъ слагались легенды, вдохновлявшія поэтовъ и бытописателей; ихъ образы воспроизводились въ живописи и искусствѣ; ихъ прославляли мора-

листы и публицисты. Правда, въ представителяхъ этихъ типовъ и въ самихъ типахъ было много мѣстнаго и временнаго, условнаго и преходящаго, но такова судьба всего историческаго. Только мертвый формализмъ и окоченѣлая традиція, не умѣя различить условной и преходящей формы отъ вѣчнаго содержанія, мѣстное и временное — отъ постояннаго, превращаютъ живые образы героевъ прошлаго въ безжизненные шаблоны. На самомъ дѣлѣ это одинъ и тотъ же типъ человѣка, отдающаго себя служенію правдѣ, гдѣ и въ какомъ видѣ, когда и какъ она ему представляется, жертвовалъ ли онъ жизнью за отечество, умиралъ ли во имя своего убѣжденія, шелъ ли совершать подвиги по общанію и т. п. И вездѣ, и всегда у настоящихъ людей на первомъ планѣ была сущность, а не форма. Во времена гоненій на христіанъ слишкомъ горячіе юноши, воспламененные ревностью о вѣрѣ, упрекали иногда стариковъ, что тѣ, доживъ до преклоннаго возраста, оканчивали свои дни, не претерпѣвъ мученій: по ихъ мнѣнію, самому нужно было объявлять себя христіаниномъ. Старцы качали головой и не совѣтовали юношамъ это дѣлать. И выходило потомъ, что многіе изъ порицавшихъ ихъ сами въ виду мученій отрекались отъ Христа, а когда очередь доходила и до осторожныхъ старцевъ, послѣдніе безъ колебанія принимали смерть отъ рукъ палача. Дѣло было, конечно, въ сущности, во внутреннемъ перерожденіи подъ вліяніемъ новой вѣры, а не въ томъ, что могло быть и чего могло и не быть, т. е. не въ мученичествѣ. Кто ставитъ форму выше содержанія, тому нуженъ вѣншній фактъ: времена мученій прошли, но фанатикамъ мученія казались нужными и впредь, откуда — изувѣрныя самоистязанія. Многіе идеальныя типы, когда отъ нихъ остается одна форма, дѣлаются каррикатурами. Примѣръ — рыцарство въ безсмертномъ Донъ-Кихотѣ, хотя бы самого знаменитаго Ламанчскаго рыцаря мы и не назвали карриатурой.

Культъ вѣшнихъ формъ французской республики 1793 г. у республиканцевъ 1848 г. вызывалъ тоже горькую усмѣшку у наблюдательныхъ и проникательныхъ людей, смотрѣвшихъ на него со стороны¹⁾). Однимъ словомъ, если во имя разумно понимаемаго общественнаго интереса мы должны относиться съ критикою къ требованіямъ, какія намъ предъявляетъ данное общество, то, съ другой стороны, должны также принимать въ расчетъ реальныя условія давней общественности, дабы содержаніе нашей дѣятельности вытекало изъ обстоятельствъ времени и мѣста, а не было подражаніемъ формъ, уже мало подходящей къ даннымъ условіямъ.

Общество еще можетъ требовать отъ своихъ дѣятелей, чтобы послѣдніе не навязывали ему насильно того, что было бы противно праву каждаго отдѣльнаго лица быть господиномъ своей мысли и своего убѣжденія, быть хозяиномъ своихъ занятій и своего досуга. На землѣ существуетъ только одна форма общенія, обладающая принудительнымъ властвованіемъ надъ всѣми членами общества, именно государство. Въ прежнія времена властвованіе государства мыслилось, какъ ничѣмъ не ограниченное верховенство, по отношенію къ коему подданные являлись совершенно безправными. Теперь культурное государство предоставляетъ личности извѣстную сферу свободы, которая тѣмъ больше, чѣмъ выше политическое развитіе народа и совершеннѣе его государственное устройство. Извѣстны такіе виды индивидуальной свободы, какъ свобода совѣсти, свобода мысли, свобода изслѣдованія и преподаванія, свобода слова, свобода печати, свобода собраній и ассоціацій, которыя въ большей или меньшей мѣрѣ признаются, хотя бы въ принципѣ, всѣми передовыми законодательствами. Если государственное властвованіе, когда-то безграницное и тре-

¹⁾ См. выше, стр. 97.

бовавшее полнаго поглощенія личности отечествомъ, опирающееся, съ одной стороны, на общее призваніе (государство въ принципѣ отрицается лишь анархистами), а съ другой—на громадныя матеріальныя средства, на правительственную организацію съ ея агентами, на военную силу, дѣйствующее, наконецъ, во имя блага цѣлаго, вынуждено было признать за личностью и за обществомъ извѣстныя права, то въ этомъ выразилась побѣда индивидуалистическаго принципа новаго времени и основаннаго на немъ уваженія къ коллективной личности націи, общества, его отдѣльныхъ классовъ до народной массы включительно. Если правительство и другіе представители государственной власти по правамъ нашего времени, по теперешнему состоянію общественнаго мнѣнія, а въ иныхъ случаяхъ и прямо по закону поставлены въ необходимость уважать права личности и общества, тѣмъ болѣе свободный общественный дѣятель, дѣйствующій во имя общественного интереса, не долженъ имѣть права на принудительное властвованіе, которое и тогда неодобрительно, когда оно принадлежитъ государственной власти—разъ это властвованіе превращается въ навязываніе, а принужденіе—въ насиліе. Напр., принужденіе въ дѣлахъ религіи есть насиліе—насиліе надъ совѣстью, и съ этой точки зрѣнія одипаково гнусны и тѣ гоненія, которымъ подвергали христіанъ язычники, когда они были въ большинствѣ и стояли у власти, и тѣ преслѣдованія, коимъ стали подвергать язычниковъ христіане, когда большинство и власть перешли на ихъ сторону. Какое бы то ни было навязываніе формъ, несимпатичныхъ, противныхъ обществу, неудобныхъ ему и т. п. равнымъ образомъ не можетъ быть ничѣмъ оправдано. Это навязываніе можетъ имѣть разные виды и образы, и каково бы ни было относительное достоинство того, что навязывается, самое принужденіе и насиліе, самое внесеніе въ жизнь началъ, отъ коихъ общество отрещивается, каковы

бы ни были мотивы навязать ему то или другое, — заключають въ себѣ зло, не говоря уже о слѣдствіяхъ такой политики: она приводитъ къ вреду или кончается неудачей, несмотря на всю ломку, безъ которой обходиться она не можетъ. Обскуранты и ретрограды навязываютъ обществу устарѣвшія и отжившія культурныя и соціальныя формы, въ конхъ общество, по ихъ мнѣнію, должно пребывать отъ вѣка и до вѣка. Французскіе фізіократы прошлаго столѣтія, бывшіе по своимъ намѣреніямъ друзьями народа, не прочь были бы навязать своей родинѣ фермерскую обработку земли, чтд должно было бы совершенно уничтожить во Франціи мелкое крестьянское хозяйство и мелкую крестьянскую собственность. Грахъ Бабёфъ, еще болѣе мечтавшій о народномъ благѣ, помышлялъ о революціи, которая должна была бы установить во Франціи совершенно каторжное равенство. Это все примѣры навязыванія формъ, когда-то существовавшихъ, но отжившихъ, формъ, заимствованныхъ изъ другой страны, и формъ, созданныхъ воображеніемъ. Это не то, чѣмъ является возстановленіе хорошей старины, утраченной въ дурныя времена исторіи, возстановленіе, требуемое духомъ времени, чѣмъ было, напр., возвращеніе крѣпостной массѣ правъ свободнаго состоянія: свободу народу не навязали, онъ самъ ее хотѣлъ, и сама верховная власть видѣла, что онъ ее попытается добыть своими силами, если не получитъ свыше. Судебная реформа у насъ тоже не была навязана народу, хотя основы новаго суда и были заимствованы изъ-за границы, ибо все общество тяготилось старымъ судомъ, онъ болѣе нигде не годился, а новый судъ далъ то, чтд дорого каждому, кому только приходится имѣть дѣло съ судомъ. И когда власъ создаетъ новые законы, удовлетворяющіе назрѣвшимъ потребностямъ общества, она равнымъ образомъ не навязываетъ обществу того, чтд ему несимпатично или противно, а только исполняетъ свою обязан-

ность передъ обществомъ. Умѣть узнать, въ чемъ заключаются истинныя нужды и потребности общества, чего оно желаетъ и что способно принять, что осуществимо при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, при данныхъ условіяхъ экономическихъ и культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ, чтобы не оставить общества неудовлетвореннымъ ни въ одномъ изъ его стремленій и вмѣстѣ съ тѣмъ не навязывать ему того, что ему не по душѣ, не по силамъ, не по средствамъ, — вотъ въ чемъ должна состоять истинная мудрость государственнаго человѣка и общественнаго дѣателя. Она не въ томъ, чтобы подражать — подражать кому бы то ни было, т.-е. предкамъ ли, сосѣднимъ ли народамъ, прогрессивнымъ ли программамъ въ другихъ странахъ со всѣми ихъ подробностями, объясняющимися изъ условій мѣста и времени. Она не въ томъ, чтобы самимъ подражать всему этому или чему-либо подобному, не въ томъ также, чтобы другимъ навязывать это подражаніе, изъ подражанія ломать ихъ жизнь, требовать, чтобы сами они ее ломали. Въ иныхъ случаяхъ неизбежность такой ломки въ прошломъ объясняется исторіей, какъ это можно сказать о петровской реформѣ у насъ или о великой революціи во Франціи, но это объясненіе въ концѣ-концовъ приводитъ къ указанію на то, что неизбежною такою ломку дѣлало долговременное пребываніе общества въ состояніи, навязывавшемся ему его внутренними культурными и соціальными порядками. Нельзя, однако, объясненіе неизбежности чего-либо въ прошломъ при известныхъ обстоятельствахъ — превращать въ принципиальное оправданіе того же въ будущемъ при всякихъ обстоятельствахъ.

Заявляя, что требованія общества отъ дѣателя не должны навязывать ему образа дѣйствій, съ коимъ не мирится ни умъ его, ни нравственное чувство, мы въ то же время отвергли и право личности что-либо навязывать обществу,

насилуя отдѣльныхъ его членовъ. Все это намъ необходимо было, чтобы показать, на какомъ общемъ принципѣ могутъ быть основаны рациональныя требованія, какія общество имѣетъ право предъявлять своимъ дѣтелямъ. Я уже сказалъ въ началѣ главы, что въ настоящей книжкѣ мнѣ то и дѣло приходилось говорить: „общественный дѣтель долженъ“, „общественный дѣтель не долженъ“. И что онъ долженъ и почему онъ долженъ, этому, собственно говоря, и посвящена вся книжка. Здѣсь мнѣ остается еще добавить немного.

Каждое практическое дѣло, требующее пониманія и умѣнія, можетъ вестись съ успѣхомъ послѣ болѣе и менѣе продолжительной подготовки. Не научившись медицинѣ или инженерному искусству, нельзя лѣчить людей или строить мосты. Умѣніе, конечно, достигается упражненіемъ въ дѣлѣ, и если дѣло—чисто механическое, какъ, напр., пахать землю, косить сѣно, молотить хлѣбъ и т. п., то оно не требуетъ особаго пониманія, дающагося только теоретическою подготовкою, какая пужна, напр., въ лѣченіи болѣзней или сооруженіяхъ всякаго рода. Общественная дѣтельность есть практическое дѣло, нуждающееся въ весьма большой теоретической подготовкѣ, отъ которой зависитъ и умѣніе, поскольку оно не есть простое умѣніе дѣйствовать и ладить съ людьми, приобретаемое не спеціальнымъ какимъ-либо упражненіемъ, а самую жизнью. Лучшія школы для общественнаго дѣтеля—сама жизнь, дающая необходимый опытъ, и наука, сообщающая необходимыя знанія. О научной подготовкѣ сказано будетъ особо, а что касается до жизни, то учиться жить можно вообще только у самой жизни, т.-е. участвуя въ ней, живя ею. Нѣтъ надобности преждевременно толкать челоуѣка на такія поприща, для которыхъ онъ еще не можетъ быть названъ пригоднымъ и вполне готовымъ, ибо и для дѣла отъ этого большой пользы быть не можетъ, да и для чело-

вѣка это не полезно. Нѣтъ надобности, другими словами, искусственно втягивать человѣка въ непривычную ему обстановку: нужно только удовлетворять назрѣвшія потребности, давать исходъ уже развившимся стремленіямъ. Товарищескія отношенія суть также общественная жизнь, и на участіи въ этой жизни, на опытѣ, который она даетъ, можно учиться будущей, болѣе широкой общественной дѣятельности, удовлетворяя въ то же время стремленія и потребности, ощущаемыя въ данную, въ настоящую минуту. Чѣмъ свободнѣе и правильнѣе могли бы удовлетворяться тутъ жизненные импульсы къ дѣятельности и чѣмъ по общему своему умственному и нравственному развитію молодежь была бы способнѣе и достойнѣе свободно и правильно устраивать свои товарищескія отношенія, тѣмъ было бы лучше и для нея самой, и для общества, которое видитъ въ ней свою надежду. Но для того, чтобы какія бы то ни было вѣдшія проявленія человѣческихъ стремленій получали вѣрное направленіе, а не искажались, нужно, чтобы не только сами люди умѣли вести себя достойнымъ разумныхъ и свободныхъ существъ способомъ, но чтобы и вѣдшія условія не подавляли въ нихъ разума и чувства свободы или не заставляли ихъ стремленія принимать нежелательныя и даже прямо уродливыя формы ко вреду самихъ этихъ людей и всего общества. Учасъ практической жизни на товарищескихъ отношеніяхъ и тѣмъ удовлетворяя свои общественныя инстинкты, молодежь, съ своей стороны, должна, по крайней мѣрѣ, заботиться объ изгнаніи изъ этихъ отношеній всего неправильнаго и уродливаго и въ томъ числѣ всякаго догматизма, фанатизма и деспотизма во внутреннихъ отношеніяхъ товарищеской среды и въ своихъ отношеніяхъ къ окружающему обществу, беря послѣднія въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Безъ подготовки жизненной и научной настоящая общественная дѣятельность немыслима. Общество имѣетъ

право требовать, чтобы его дѣятели были достаточно подготовлены къ тому сложному и трудному, самостоятельному и отвѣтственному вмѣшательству въ общественныя дѣла, которое они на себя берутъ. Человѣкъ, серьезно относящійся къ идеѣ нравственнаго долга и къ идеѣ общаго блага, признаетъ такое требованіе общества разумнымъ и справедливымъ. Я говорю, понятно, о требованіи общественнаго интереса въ его идеальномъ пониманіи. То или другое реальное общество можетъ ошибаться—и ошибаться въ разныя, діаметрально иногда противоположныя стороны—относительно подготовки къ общественной дѣятельности. Одно общество, напр., боясь преждевременнаго выступленія очень молодыхъ людей на арену публичной дѣятельности и имѣя опытыя основанія для своей боязни, пожалуй, станетъ запрещать своей молодежи интересоваться общественными вопросами. Такое общество было бы неправо. Будущіе общественные дѣятели должны получить предварительную теоретическую подготовку, но она была бы совершенно невысказима, если бы къ предметамъ и вопросамъ, изученіемъ и разрѣшеніемъ коихъ занимаются социальныя науки, публицистика и общественная дѣятельность, у молодежи не было интереса и притомъ интереса не чисто отвлеченнаго, какой можетъ быть къ археологіи или математикѣ, а прямо жизненнаго интереса. Мало того: если общество хочетъ предохранить свое юное поколѣніе отъ догматическихъ увлеченій, нежелательныхъ для него и ради блага самихъ юношей, и ради блага самого общества, которому, конечно, не могутъ быть полезны промахи незрѣлой мысли и неопытной воли, то лучшее противъ этого средство—научная и критическая постановка всѣхъ общественныхъ вопросовъ, волнующихъ молодыя души. Другое общество можетъ, наоборотъ, напр., видѣть въ чистотѣ юношескихъ помысловъ, въ неспорченности молодого чувства, въ горячности молодой воли качества,

особенно дорога для того, чтобы направить обладателей этих качеств на практическую дѣятельность общественнаго характера, хотя бы и временную только. Довольно ли сердечной чистоты и горячности, чтобы быть полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, вопросъ этотъ рѣшить не трудно—и, вонечно, въ смыслѣ отрицательномъ. Чтобы дѣйствовать на среду, нужно прежде всего закалить самого себя противъ губительнаго дѣйствія среды. Сколько юношей подають надежды въ свои молодые годы, пока жизнь ихъ не испортила, жизнь въ иной средѣ, чѣмъ та, въ которой они находились въ годы своего ученія. Нельзя полагаться на одну горячность молодости: съ лѣтами она проходитъ, и если все дѣло въ ней, въ этой горячности, то ею можно воспользоваться на короткое время, а затѣмъ что?—если человѣкъ не пріобрѣтетъ ни знаній, ни привычки къ постоянному и упорному труду ради одной цѣли. Притомъ настроеніе—вещь до-нельзя измѣнчивая. Важны пріобрѣтенія идейныя, какъ единственно прочныя пріобрѣтенія человѣческаго духа. И каждый, прежде чѣмъ выступить на поприще самостоятельной жизни, долженъ приготовить изъ себя настоящаго борца, выходящаго во всеоружіи знанія и труда. Кому интересны мои мысли на этотъ счетъ, тотъ можетъ обратиться къ моей статейкѣ „О желательномъ отношеніи молодежи къ наукѣ“ ¹⁾ и къ „Письмамъ о самообразованіи“ ²⁾. Въ нихъ я, между прочимъ, счелъ нужнымъ подчеркнуть ту простую истину, что общее образованіе (и самообразованіе) должно готовить людей, „человѣковъ“, а не докторовъ и инженеровъ, не учителей и адвокатовъ, не техниковъ и чиновниковъ и т. п. На томъ же самомъ основаніи научная подготовка будущихъ общественныхъ дѣятелей должна имѣть въ

¹⁾ См. брошюру „Что такое общее образованіе?“ (стр. 55 и слѣд.).

²⁾ Стр. 84 и слѣд.

виду ихъ самихъ, а не тѣ или другія цѣли, для которыхъ могутъ быть свои средства, но по отношенію къ коимъ наука и образованіе средствами быть не могутъ. Они должны готовить не консерваторовъ или радикаловъ, не либераловъ или социалистовъ, не націоналистовъ или космополитовъ, не „народниковъ“ или „марксистовъ“¹⁾, а знающихъ и честныхъ дѣятелей, которые сами бы, а не подъ вліяніемъ догматическаго внушенія, могли рѣшать вопросъ о томъ, гдѣ и въ чемъ заключается правильное пониманіе общественныхъ вопросовъ. Воспитаніе и образованіе суть и прежде всего, и въ концѣ-концовъ воспитаніе и образованіе юношества, слѣдовательно, они должны стремиться къ такому благу, которое было бы благомъ именно самого этого юношества, разсматриваемаго, какъ ближайшая цѣль воспитанія и образованія, и не какъ орудіе для достиженія какихъ-либо другихъ общественныхъ цѣлей, тѣмъ болѣе, что цѣль воспитанія и образованія сама по себѣ весьма важна, да и служитъ важнымъ общественнымъ интересамъ. Одинъ изъ этихъ интересовъ—подготовка общественныхъ дѣятелей, которые могли бы самостоятельно и свободно, съ полнымъ разумѣніемъ и съ глубокимъ убѣжденіемъ, а не подъ вліяніемъ скороспѣлаго догматическаго внушенія и преходящаго настроенія объявлять себя тѣмъ-то и тѣмъ-то, и которые могли бы съ надлежащимъ знаніемъ и опытностью братья за трудныя и отвѣтственныя дѣла, коими дѣйствительно достигалась бы общественная польза.

Иначе, впрочемъ, мнѣ, исходя изъ собственныхъ сво-

¹⁾ Что это—скептицизмъ, индифферентизмъ или оппортунизмъ автора? Такъ можетъ спросить иной читатель. Кто вдумается, однако, въ общій смыслъ того, что я говорю, надѣюсь, пойметъ, что тутъ нѣтъ ни одного, ни другого, ни третьяго, а есть желаніе, чтобы молодежь сознательно принимала то, что оправдывается наукой и этикой, не принимая на вѣру тѣ или другія готовые формулы.

ихъ принциповъ, положенныхъ въ основу какъ этой книжки, такъ и предыдущихъ, въ коихъ я высказываю свои мысли о полезномъ и должномъ для молодежи,—и нельзя было бы понимать задачъ всякаго воспитанія, обученія, преподаванія, наставленія, задачъ своей профессіи, своего жизненнаго призванія. Когда къ врачу приходятъ за медицинскимъ совѣтомъ, врачъ даетъ тотъ или другой совѣтъ, руководясь исключительно интересомъ самого паціента, именно интересомъ, какой каждый находитъ въ своемъ здоровьѣ, а не тѣмъ, полезенъ ли данный человекъ или бесполезенъ: здоровье паціента само есть цѣль, отнюдь не средство для достиженія какой-либо другой цѣли; иначе врачу нужно было бы производить не изслѣдованіе организма самого субъекта, а дознанія о томъ, выгодно ли для общества, чтобы данное лицо было живо и здорово, или же можно совсѣмъ его не лѣчить, хотя бы отъ того послѣдовала смерть. Не иначе стоитъ дѣло съ обученіемъ, съ образованіемъ. „Паціентъ“ приходитъ за знаніемъ и пониманіемъ: его знаніе и пониманіе прежде всего нужно имѣть въ виду, ибо оно есть цѣль, какъ цѣлью, а не средствомъ является и самъ субъектъ. Съ партійныхъ точекъ зрѣнія и притомъ не просто съ партійныхъ, а узкопартійныхъ, быть можетъ, и желательнѣе было бы, чтобы наука и образованіе были, какъ принято выражаться, тенденціозными, но этого можно желать именно лишь съ какой-либо узкопартійной точки зрѣнія, требующей подчиненія себѣ—самой истины, самого знанія, самой науки. Партии, убѣжденные въ своей правотѣ, не только не должны бояться свободнаго изслѣдованія истины и чисто научнаго преподаванія, но даже желать его въ своихъ же собственныхъ интересахъ, ибо открытіе новыхъ научныхъ истинъ и распространеніе ихъ въ обществѣ могутъ только содѣйствовать правому дѣлу, какимъ должна считать свое дѣло каждая уважающая себя партія. Разумѣется, наука не мо-

жетъ считать всѣ партіи одинаково правыми, но пусть разбирается каждый самъ въ ихъ спорѣ, руководимый своею совѣстью и вооруженный знаніемъ и пониманіемъ, какія ему даетъ наука, т.-е. опираясь на научныя данныя и научный методъ. Интересы общества понимаются лучше тѣми партіями, собственные интересы и стремленія коихъ болѣе соотвѣтствуютъ выводамъ и самому духу науки. Если партія убѣждена, что она лучше другихъ служить интересамъ общества, то она не должна думать, что свободное изслѣдованіе и чисто научное преподаваніе могутъ быть вредны интересамъ общества и несоотвѣтствовать интересамъ самой партіи. Притомъ стремленія партіи въ ея собственныхъ глазахъ могутъ быть или ненаучными, или научными. Признаться въ первомъ могутъ только откровенные обскуранты и ретрограды, но разъ извѣстное направленіе желаетъ себя научно оправдать, оно, значить, видитъ въ наукѣ критерій своей правоты, въ научности—одну изъ собственныхъ своихъ основъ: тогда оно и не можетъ не желать свободнаго изслѣдованія и совершающагося въ его духѣ научнаго преподаванія, а разъ и это такъ, то никто не имѣетъ права желать, чтобы наука и преподаваніе преслѣдовали какія-либо цѣли, которыя не были бы прямыми цѣлями научнаго изслѣдованія и передачи другимъ его результатовъ. Цѣль образованія—извѣстное развитіе тѣхъ людей, которымъ оно дается, т.-е. ихъ собственное благо, по это благо такого рода, что оно не можетъ быть въ принципѣ зломъ по отношенію къ другимъ, и если бы какая-либо партія стала утверждать, что это благо не есть благо, что оно есть зло, то этимъ она обнаружила бы только свою собственную природу. Итакъ, лишь съ узко-партійныхъ точекъ зрѣнія было бы выгодно превращать въ догматическую проповѣдь пріятныхъ или полезныхъ партіи идей то, что должно имѣть своею цѣлью духовное развитіе личности и распространеніе въ обществѣ знаній и способности вѣрнаго пони-

манія вещей. Но всѣ направленія, вѣряющія въ свою правоту и не желающія ставить свои принципы выше самой истины и подчинять науку своимъ собственнымъ цѣлямъ въ противорѣчіе съ самимъ принципомъ истины и со своимъ стремленіемъ, наоборотъ, себя основывать на наукѣ, — всѣ направленія, имѣющія въ виду дѣйствительные интересы общества, но полагающія, что должны быть правильно удовлетворены и духовные интересы отдѣльныхъ личностей, — всѣ направленія, въ коихъ сильно пониманіе, что въ свободномъ изслѣдованіи и научномъ преподаваніи встрѣчаются, другъ другу не противорѣча и другъ друга не исключая, общественная польза и личное право каждаго члена общества получить возможность самостоятельно и свободно развиваться, — всѣ такія направленія не должны стремиться къ тому, чтобы добываніе истины и ея распространеніе въ обществѣ совершались въ исключительныхъ интересахъ какого-либо опредѣленнаго направленія. И наиболѣе разумною и нравственною, наиболѣе понимающею пользу общества и права личности, наиболѣе приспособленною къ тому, чтобы идти во главѣ прогресса будетъ всегда та партія, которая въ наукѣ и образованіи будетъ видѣть не своихъ прислужницъ, а совершенно независимыхъ отъ себя и свободныхъ союзницъ, подчиняющихся собственнымъ законамъ, и которая будетъ видѣть въ людяхъ, ищущихъ образованія и стремящихся прежде всего къ знанію и пониманію, человѣческія личности, ставящія себѣ свои собственные цѣли, а не одушевленные вещи, изъ коихъ нужно сдѣлать орудія для достиженія другихъ цѣлей. Если бы отдѣльныя партіи боролись между собою за науку, какою изъ этихъ партій подчинить ее себѣ, какъ свое орудіе, въ цѣляхъ доставленія торжества своимъ принципамъ въ обществѣ, хотя бы съ ущербомъ для объективной истины, наука — я говорю объ истинной наукѣ — должна была бы объявить себя противъ всѣхъ существующихъ партій.

Между ними наука может выбирать лишь союзницъ, смотря по тому, насколько искренне ей предлагается союзъ съ другой стороны, т.-е. насколько въ самой наукѣ видятъ свободную и независимую силу, и смотря по тому, насколько направленія, способныя стать къ наукѣ въ отношенія равноправныхъ союзниковъ, сами соотвѣтствуютъ идеѣ правды, которой служить истинная наука. И ея вѣдь голосъ долженъ быть услышанъ въ общественныхъ дѣлахъ, какъ голосъ, долженствующій быть умственно и нравственно авторитетнымъ для всѣхъ общественныхъ элементовъ, для правительствъ и начальствъ, для общественныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, для всѣхъ профессій и партій, для людей зрѣлаго возраста и для молодежи. И вѣтъ бдльшаго блага для молодежи,—а чрезъ молодежь и для всего общества это тоже будетъ благомъ,—какъ услышать въ своихъ собственныхъ сердцахъ, именно внутри самихъ себя—голосъ разума и совѣсти, просвѣщенныхъ истинною, независимую и свободною наукою. Прибавлю, что все это, разумѣется, я говорю не *отъ имени* науки, на чтѣ не имѣлъ бы права вообще и въ частности въ силу отрицательнаго своего отношенія ко всякому догматизму, а *во имя* науки, которая меня и осудить. если я призываю ея имя всеу,—не отъ имени своего личнаго разумѣнія, а во имя самого разума, который во всякомъ случаѣ меня не осудить за то, что и къ своимъ убѣжденіямъ, т.-е. къ самому себѣ я не отношусь догматически.

Поэтому вотъ чего, по моему мнѣнію, общество имѣетъ право требовать отъ своихъ будущихъ общественныхъ дѣятелей и на чтѣ должна быть направлена образовательная ихъ подготовка.

1. Общее умственное и нравственное развитіе, такъ какъ оно есть благо само по себѣ для получающихъ его и условіе цѣлесообразной и честной дѣятельности на пользу общества.

2. Уваженіе къ человѣческой личности и стремленіе къ общему благу, потому что и это уваженіе, и это стремленіе тѣсно связаны съ нравственнымъ развитіемъ и могутъ быть только полезны обществу, которое само состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, требующихъ уваженія къ своимъ человѣческимъ достоинству и правамъ, и благо котораго есть только благо всѣхъ отдѣльныхъ личностей, его образующихъ.

3. Интересъ къ общественности, ибо стремленіе къ общему благу было бы чѣмъ-то незаконченнымъ, если бы оно ограничивалось исключительно одними частными отношеніями.

4. Этическое и соціологическое образованіе, заключающееся въ усвоеніи важнѣйшихъ общихъ фактовъ нравственной и общественной жизни человѣка, наиболѣе существенныхъ этическихъ, экономическихъ, юридическихъ, политическихъ и соціологическихъ теорій и научнаго метода, исключающаго всякій догматизмъ.

5. Рядомъ съ этимъ общимъ теоретическимъ образованіемъ общее образованіе историческое, о важности коего мною говорилось уже не разъ ¹⁾.

6. Особая знанія изъ тѣхъ соціальныхъ наукъ, которыя касаются предмета ближайшей дѣятельности того или другаго человѣка.

7. Сознательный выборъ того направленія, въ духѣ котораго человѣкъ желаетъ дѣйствовать.

8. Чувство отвѣтственности передъ своею совѣстью и передъ общественнымъ мнѣніемъ за всѣ свои поступки, которые могутъ имѣть общественные результаты.

Я позволю себѣ специально коснуться еще научной подготовки къ общественной дѣятельности. Въ теоретиче-

¹⁾ Соціологическіе этюды, стр. 1—41.—Письма о самообразованіи, гл. VI. Бесѣды о выработкѣ міросозерцація, гл. VII. См. также статью „вмѣсто предисловія“ къ этой книжкѣ.

сихъ наукахъ о разныхъ сторонахъ общественности можно различать разные категоріи вопросовъ: въ нихъ есть вопросы чисто отвлеченные (теоретическіе въ тѣсномъ смыслѣ) и вопросы прикладные (практическіе) о томъ, *что дѣлать*, т.-е. что ставить цѣлью дѣятельности, и *какъ дѣлать*, т.-е. къ какимъ средствамъ прибѣгать для достиженія цѣли, причемъ и эти вопросы могутъ ставиться или въ общемъ видѣ, или въ примѣненіи къ даннымъ, напр., отечественнымъ отношеніямъ. Кто занимается наукою ради ея разработки, тому, конечно, самыми важными кажутся вопросы отвлеченные, а прикладные получаютъ значеніе, во-первыхъ, лишь по отношенію къ цѣлямъ, а во-вторыхъ, въ общей формѣ. Кто готовится къ общественной дѣятельности, того, разумѣется, прикладные вопросы должны интересоваться болѣе отвлеченныхъ, вопросы о средствахъ болѣе вопросовъ о цѣляхъ, и все это главнымъ образомъ въ примѣненіи къ родной дѣйствительности: какъ у насъ осуществить то-то и то-то? Такая постановка вопроса требуетъ знанія самой общественной среды, въ которой придется дѣйствовать, и притомъ знанія ея въ сравненіи и въ связи съ западной Европой, отъ которой мы такъ отличаемся, но которая такъ вліяетъ на нашу собственную жизнь. Знаніе среды есть не только знаніе настоящаго момента, но и ближайшаго прошлаго. Общія условія настоящаго не такъ уже отличны отъ ближайшаго прошлаго, чтобы опыты и примѣры послѣдняго не могли быть прилагаемы къ сужденіямъ нашимъ о переживаемомъ моментѣ и руководить нами въ нашей теперешней дѣятельности, отъ одного насъ предостерегая, другое, наоборотъ, намъ рекомендуя. И вообще изученіе исторіи важно, какъ было уже сказано, но въ книжкѣ о сущности общественной дѣятельности особенно необходимо отмѣтить нѣкоторыя общія темы историческаго чтенія. Вотъ главныя изъ нихъ:

1. Научныя біографіи выдающихся общественныхъ дѣя-

телей разныхъ странъ съ критическою оцѣнкою ихъ дѣятельности по ея цѣлямъ и средствамъ. Всякія біографіи, написанныя съ опредѣленною моральною цѣлью или съ намѣреніемъ внушенія извѣстнаго политическаго воззрѣнія, панегирики съ шаблонной фразеологіей, какіе пишутся часто безъ научнаго отношенія къ предмету, той цѣли, о коей идетъ рѣчь, служить не могутъ.

2. Научныя описанія, разборы и характеристики дѣятельности отдѣльныхъ политическихъ партій, исторія ихъ внутренняго развитія, ихъ борьбы съ другими партіями, ихъ успѣховъ и поражений, ихъ достоинствъ и недостатковъ, ихъ ошибокъ и достигнутыхъ ими результатовъ и т. п. Опять необходимое условіе—безпристрастіе. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать и пристрастными даже сочиненіями, если только пристрастіе не переходитъ въ панегирикъ: тогда ужъ лучше обращаться къ памфлетамъ, въ коихъ есть все-таки критика.

3. Научныя повѣствованія о крупныхъ общественныхъ движеніяхъ, особенно, когда на сценѣ являлись не только единичные дѣятели и политическія партіи, но и народныя массы. Причины и результаты движеній, условія, вліявшія на ихъ ходъ, ихъ внутреннія перипетіи, наступавшія за ними реакціи,—все это должно быть научно понято и трезво изображено.

4. Исторіи отдѣльныхъ общественныхъ вопросовъ, ихъ постановокъ и рѣшеній, исторіи преобразованій разнаго рода, отношеній, подлежавшихъ преобразованіямъ, ихъ возникновенія, борьбы партій по ихъ поводу, участія въ нихъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ хода, ихъ результатовъ.

Такое ознакомленіе съ отдѣльными выдающимися дѣятелями (напр., Тюрго, Мирабо, Штейнъ и т. п.), съ отдѣльными партіями (напр., пресвитеріанами и индепендентами въ первую англійскую революцію, торіями и вигами за послѣдніе два вѣка въ Англии, жирондистами и якобинцами

скихъ наукахъ о разныхъ сторонахъ общественности можно различать разные категоріи вопросовъ: въ нихъ есть вопросы чисто отвлеченные (теоретическіе въ тѣсномъ смыслѣ) и вопросы прикладные (практическіе) о томъ, *что дѣлать*, т.-е. что ставить цѣлью дѣятельности, и *какъ дѣлать*, т.-е. къ какимъ средствамъ прибѣгать для достиженія цѣли, причемъ и эти вопросы могутъ ставиться или въ общемъ видѣ, или въ примѣненіи къ даннымъ, напр., отечественнымъ отношеніямъ. Кто занимается наукою ради ея разработки, тому, конечно, самыми важными кажутся вопросы отвлеченные, а прикладные получаютъ значеніе, во-первыхъ, лишь по отношенію къ цѣлямъ, а во-вторыхъ, въ общей формѣ. Кто готовится къ общественной дѣятельности, того, разумѣется, прикладные вопросы должны интересовать болѣе отвлеченныхъ, вопросы о средствахъ болѣе вопросовъ о цѣляхъ, и все это главнымъ образомъ въ примѣненіи къ родной дѣйствительности: какъ у насъ осуществить то-то и то-то? Такая постановка вопроса требуетъ знанія самой общественной среды, въ которой придется дѣйствовать, и притомъ знанія ея въ сравненіи и въ связи съ западной Европой, отъ которой мы такъ отличаемся, но которая такъ вліяетъ на нашу собственную жизнь. Знаніе среды есть не только знаніе настоящаго момента, но и ближайшаго прошлаго. Общія условія настоящаго не такъ уже отличны отъ ближайшаго прошлаго, чтобы опыты и примѣры послѣдняго не могли быть прилагаемы къ сужденіямъ нашимъ о переживаемомъ моментѣ и руководить нами въ нашей теперешней дѣятельности, отъ одного насъ предостерегая, другое, наоборотъ, намъ рекомендуя. И вообще изученіе исторіи важно, какъ было уже сказано, но въ книжкѣ о сущности общественной дѣятельности особенно необходимо отмѣтить нѣкоторыя общія темы историческаго чтенія. Вотъ главныя изъ нихъ:

1. Научныя біографіи выдающихся общественныхъ дѣя-

телей разныхъ странъ съ критическою оцѣнкою ихъ дѣятельности по ея цѣлямъ и средствамъ. Всякія біографіи, написанныя съ опредѣленной моральной цѣлью или съ намѣреніемъ внушенія извѣстнаго политическаго воззрѣнія, панегирики съ шаблонной фразеологіей, какіе пишутся часто безъ научнаго отношенія къ предмету, той цѣли, о коей идетъ рѣчь, служить не могутъ.

2. Научныя описанія, разборы и характеристики дѣятельности отдѣльныхъ политическихъ партій, исторія ихъ внутренняго развитія, ихъ борьбы съ другими партіями, ихъ успѣховъ и поражений, ихъ достоинствъ и недостатковъ, ихъ ошибокъ и достигнутыхъ ими результатовъ и т. п. Опять необходимое условіе—безпристрастіе. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать и пристрастными даже сочиненіями, если только пристрастіе не переходитъ въ панегирикъ: тогда ужъ лучше обращаться къ памфлетамъ, въ конхъ есть все-таки критика.

3. Научныя повѣствованія о крупныхъ общественныхъ движеніяхъ, особенно, когда на сценѣ являлись не только единичные дѣятели и политическія партіи, но и народныя массы. Причины и результаты движеній, условія, вліявшія на ихъ ходъ, ихъ внутреннія перипетіи, наступавшія за ними реакціи,—все это должно быть научно понято и трезво изображено.

4. Исторіи отдѣльныхъ общественныхъ вопросовъ, ихъ постановокъ и рѣшеній, исторіи преобразованій разнаго рода, отношеній, подлежавшихъ преобразованіямъ, ихъ возникновенія, борьбы партій по ихъ поводу, участія въ нихъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ хода, ихъ результатовъ.

Такое ознакомленіе съ отдѣльными выдающимися дѣятелями (напр., Тюрго, Мирабо, Штейнъ и т. п.), съ отдѣльными партіями (напр., пресвитеріанами и индепендентами въ первую англійскую революцію, торіями и вигами за послѣдніе два вѣка въ Англии, жирондистами и якобинцами

и т. п.), съ отдѣльными эпохами сильнаго общественнаго движенія (Германія въ эпоху реформаціи, Франція въ концѣ прошлаго столѣтія, Пруссія при Штейнѣ и Гарденбергѣ, 1848 годъ и т. п.), съ отдѣльными реформами (крестьянской, земской, судебной и т. п.),—такое ознакомленіе съ историческими фактами, имѣющими непосредственно близкое отношеніе къ вопросамъ общественной дѣятельности вообще, расширяетъ умственный горизонтъ, необходимо сильно ограниченный у человѣка, который вращается въ маленькомъ кругу,—даетъ массу фактическихъ знаній, изъ коихъ можно дѣлать потомъ поучительные выводы, доставляетъ матеріалъ для сравненій съ ближайшею окружающею жизнью, т.-е. въ обоихъ случаяхъ замѣняетъ недостатокъ въ личномъ опытѣ, приучаетъ къ научно-историческому мышленію и т. п. Пристальное и постоянное ознакомленіе съ текущею жизнью по газетамъ и журнальнымъ обзорѣніямъ связываетъ съ изученіемъ настоящаго такія же выгоды для того, кто хочетъ быть общественнымъ дѣтелемъ въ родной странѣ.

Къ сожалѣнію, среди научныхъ вопросовъ, знакомство съ коими въ высшей степени важно для каждаго общественнаго дѣателя, есть такіе, которые доселѣ очень мало критически разработаны, хотя догматически о нихъ не разъ высказывались весьма рѣшительныя мнѣнія. Каждый общественный дѣатель есть вмѣстѣ съ тѣмъ дѣатель историческій, а между тѣмъ до сихъ поръ вопросъ о роли личности въ исторіи—одинъ изъ наиболѣе спорныхъ, изъ наименѣе разработанныхъ, что доказывается бѣдностью посвященной ему спеціально литературы ¹⁾. Въ настоящее время часто раздаются голоса и притомъ съ разныхъ сторонъ о томъ, что личное дѣйствіе въ исторіи равно

¹⁾ См. мою книгу „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“. Спб. 1890.

нулю. Но тогда, спрашивается, имѣетъ ли смыслъ сама общественная дѣятельность? Если усилія личности равны нулю, то и усилія цѣлыхъ партій, т. е. суммы отдѣльныхъ такихъ нулей тоже должны равняться нулю. Тогда какой смыслъ существованія партій? Самый вопросъ этотъ исторически въ такой общей формѣ не ставится. И самъ вопросъ объ общественной дѣятельности, о партійной борьбѣ, о внутреннихъ отношеніяхъ партій и т. п. мало разработанъ. Я бы весьма затруднился назвать (особенно въ русской литературѣ) много сочиненій, посвященныхъ той темѣ, на которую мною пишется настоящая книжка ¹⁾). Общественный интересъ требовалъ бы, чтобы дѣятели, ставящіе служеніе ему своею цѣлью, руководились въ своей тактикѣ какимъ-нибудь кодексомъ правилъ. Въ другихъ странахъ съ длинной исторіей широкой и свободной общественной дѣятельности, о какой мы не имѣемъ понятія, уже работались извѣстныя традиціи, извѣстная дисциплина, извѣстный кодексъ правилъ. У насъ приходится еще проповѣдовать азбучныя истины и прописную мораль. Плохо, если каждому, руководясь иногда только чутьемъ и инстинктомъ, безъ помощи со стороны развитого общественнаго мнѣнія, которое опиралось бы на широкую гласность, приходится тратить время и силы на то, чтобы личнымъ опытомъ добиваться рѣшенія задачъ, не нуждающихся въ перерѣшеніяхъ.

Но тутъ я невольно коснулся вопроса о необходимыхъ условіяхъ общественной дѣятельности, которому по предварительному плану долженъ былъ посвятить особую главу книжки. Къ этому вопросу я теперь и перехожу,

¹⁾ Къ тексту „Мыслей объ основахъ нравственности“ я приложилъ указатель этической литературы на русскомъ языкѣ. Впоследствии я надѣюсь издать и обзоръ книгъ и статей объ общественной дѣятельности и о существѣ партій.

хотя еще многое можно было бы сказать по поводу частных темъ, затронутыхъ въ только-что оконченной главѣ.

VI. Необходимыя условія общественной дѣятельности.

Вездѣ ли одинаково возможна общественная дѣятельность? Вездѣ ли она одинакова легка? Вездѣ ли она можетъ быть одинаково успѣшна?

Конечно, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, т.-е. не вездѣ.

Можно было бы поставить и другіе подобныя вопросы и отвѣтить на нихъ тоже однимъ и тѣмъ же „не вездѣ“. Напримѣръ, вездѣ ли общество можетъ предъявлять своимъ дѣятелямъ одни и тѣ же идеальныя требованія? Отвѣтъ и тутъ тотъ же: разумѣется, не вездѣ и не всегда. Безусловность требованій разума и справедливости отнюдь не отрицается тѣмъ, что не всѣ общественныя условія, существующія въ дѣйствительности, отвѣчаютъ этимъ требованіямъ. Если бы общество было идеально хорошо, то и самая надобность въ общественной дѣятельности прекратилась бы. Сама эта дѣятельность обусловлена несовершенствами общества, и чѣмъ послѣднее несовершеннѣе, тѣмъ болѣе нуждается оно въ работѣ прогрессивныхъ дѣятелей, но вмѣстѣ съ этимъ и работа ихъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ общество менѣе совершенно, ибо самая задача тутъ болѣе крупная и сложная, да и условія дѣятельности тѣмъ хуже, чѣмъ несовершеннѣе общество; при болѣе же трудныхъ условіяхъ и дѣйствовать мудренѣе съ соблюденіемъ всѣхъ требованій разума и справедливости, но зато и отступленіе отъ нихъ въ подобныхъ случаяхъ влечетъ за собою болѣе опасныя и вредныя послѣдствія, чѣмъ при условіяхъ болѣе благоприятныхъ. Это какой-то заколдованный кругъ: чѣмъ труднѣе задача сама по себѣ, тѣмъ,

кромѣ того, хуже и внѣшнія условія для ея рѣшенія, а чѣмъ хуже условія, тѣмъ труднѣе соблюденіе необходимыхъ правилъ, но чѣмъ менѣе они соблюдаются, тѣмъ труднѣе рѣшить задачу. Определенное общественное состояніе ставится, какъ цѣль; это требуетъ определенной общественной дѣятельности, какъ средства; но чтобы возможно была эта дѣятельность, нужны определенные общественныя условія, и вотъ иногда оказывается, что эти самыя общественныя условія и мыслятся въ томъ общественномъ состояніи, которое является цѣлью дѣятельности, лишенной своихъ необходимыхъ условий, такъ какъ послѣднія и суть еще цѣль стремленій. Александръ Македонскій, не желавшій возиться надъ распутываніемъ гордіева узла, разрубилъ его мечомъ. Общества, остановленные или задержанные въ своемъ развитіи, пошедшія по неправильной исторической дорогѣ и попавшія въ такіе культурно-соціальныя тупики, выходятъ изъ нихъ на настоящую дорогу и дѣлаются способными двигаться впередъ далѣе лишь тогда, когда тотъ или другой мечъ разсѣкаетъ гордіевъ узелъ заколдованнаго круга. Такимъ мечомъ была петровская реформа для Россіи двѣсти лѣтъ тому назадъ, революція для Франціи сто лѣтъ тому назадъ, освобожденіе крестьянъ и другія преобразованія Александра II. Это—эпохи кривизновъ, получающихъ весьма различный характеръ въ зависимости отъ общественныхъ обстоятельствъ и лицъ, дѣйствующихъ на общественной сценѣ. Иногда государства не переживаютъ такихъ критическихъ минутъ, когда признана старая неправда, признана необходимость движенія впередъ, но внутреннія или внѣшнія условія ставятъ дилемму: или оставайся въ прежнемъ положеніи, за чѣмъ, конечно, вослѣдуетъ рано или поздно смерть, или умри сейчасъ же, если сдѣлаешь попытку лѣчиться отъ своей застарѣлой болѣзни. Въ такомъ положеніи находилась Польша сто съ небольшимъ лѣтъ

тому назадъ. Чѣмъ кончится подобный кризисъ, предвидѣть никогда нельзя: и въ Польшѣ, и во Франціи сто лѣтъ тому назадъ шли внутренніе раздоры; и Польша, и Франція подверглись внѣшнему нашествію; въ обѣихъ междоусобіа и борьба съ сосѣдями вызваны были желаніемъ выйти изъ историческаго тупика, разорвать заколдованный кругъ внутреннихъ противорѣчій, разрубить мечомъ гордіевъ узелъ внутренней политики, но Польша погибла, какъ государство, а Франція вышла изъ внутренней и внѣшней борьбы единою и сильною. Каждый такой кризисъ представляетъ собою шансы выздоровленія и смерти. Искусственный вызовъ кризиса всегда дѣло рискованное; но человѣкъ разумный и сознающій свою отвѣтственность рискуетъ дорогими интересами лишь тогда, когда имъ самимъ испробованы всѣ способы и мѣры, и онъ видитъ, что другого выхода нѣтъ, кромѣ риска. Но иногда, наоборотъ, рискованнымъ бываетъ оставлять во всей своей неприкосновенности старые порядки. Петровская реформа и великія преобразованія, обновившія Россію тридцать лѣтъ тому назадъ, были глубокою историческою необходимостью: безъ этихъ двухъ эпохъ Россія рисковала пережить страшныя внѣшнія бѣды и внутреннія потрясенія, изъ которыхъ еще неизвѣстно—какъ и чѣмъ бы она могла выйти.

Я уклонился, однако, отъ темы разсмотрѣть необходимыя условія общественной дѣятельности, увлекшись историческими соображеніями о судьбѣ царствъ и народовъ, объ общественныхъ кризисахъ и переворотахъ, мирныхъ и революціонныхъ, по сущность которыхъ состоятъ въ томъ, что во многихъ случаяхъ самая возможность дальнѣйшаго историческаго движенія впередъ создается не иначе, какъ путемъ властнаго дѣйствія, откуда бы оно ни исходило. Исторія, однако, учитъ насъ, что коренные и быстрые перевороты могутъ происходить только тамъ, гдѣ задер-

жано постепенное движеніе, состоящее изъ частичныхъ измѣненій, — что результаты этихъ переворотовъ бывають прочными лишь тогда, когда они соотвѣтствуютъ дѣйствительно назрѣвшимъ общественнымъ потребностямъ, — что удачи и успѣхи въ весьма частыхъ случаяхъ, когда настоящая побѣда не имѣетъ прочныхъ корней въ обществѣ, смѣняются очень скоро пораженіями, — что эти пораженія нерѣдко могутъ отодвигать общественныя условія назадъ и отдалять отъ достиженія цѣли, — что во всякомъ случаѣ тутъ бываетъ много риска, многое зависитъ отъ случайныхъ шансовъ и похоже на азартную игру. Истина требуетъ, однако, прибавить, что безъ подобныхъ потрясеній многія культурныя и соціальныя явленія, по крайней мѣрѣ, въ прошломъ были бы невозможны, — что первыми виновниками этихъ потрясеній были правители и правящіе классы, стоявшіе ниже своей задачи и не дѣлавшіе во время уступокъ, — что грубость и жестокость, коими сопровождалась такіа потрясенія, были результатомъ вѣкового невѣжества и угнетенія, противъ коихъ со стороны государства и культурныхъ классовъ ничего не предпринималось, — что усмиреніе разыгравшихся народныхъ страстей въ свою очередь принимало характеръ дикой мести и сопровождалось уничтоженіемъ многихъ уже прибрѣтенныхъ обществомъ благъ, — что отвѣтственность за рискованные шаги, приводившіе потомъ къ смутамъ и междоусобіямъ, въ иныхъ случаяхъ, какъ то было, напр., въ Англіи XVII в., падала на самую государственную власть, сходящую съ почвы того самаго закона, который служилъ основою ея собственнаго существованія и т. п. Какъ и во всемъ, что касается только знанія и пониманія, никакой догматизмъ въ сужденіяхъ о подобнаго рода событіяхъ въ исторической жизни народовъ неумѣстенъ: революціи суть такіе же историческіе факты, какъ и всѣ остальные, и подлежатъ такому же научному, критическому

изученію, именно научному изученію, а не партійному прославленію или смѣшиванію съ грязью, именно критическому, а не догматическому отношенію. Сама идея революціи, переворота, подобно другимъ идеямъ соціологическаго и историческаго характера, въ родѣ идей свободы и власти, общества и государства, общественныхъ стремленій, общественной дѣятельности, преобразованій и т. д. и т. д., есть не что иное, какъ отвлеченное понятіе и притомъ весьма сложное, нуждающееся въ анализѣ, чтобы стать совершенно яснымъ, нуждающееся въ фактическомъ освѣщеніи, чтобы стать содержательнымъ и пр. и пр. Абстрактный догматизмъ въ отношеніи къ этой идеѣ, сдѣлавшейся для многихъ символомъ прогресса, предметомъ суевѣрнаго обожанія, почти или даже совсѣмъ религіознаго культа, а для другихъ воплощеніемъ самого зла, предметомъ не менѣе суевѣрнаго страха, вѣчно грознымъ призракомъ, болѣзненно пугающимъ воображеніе, — в это догматическое отношеніе съ фанатизмомъ безумной любви и дикой ненависти къ самой идеѣ, съ возможностью деспотизма и съ той и съ другой стороны должно смѣняться историческимъ и критическимъ взглядомъ, при которомъ нѣтъ мѣста ни вѣрѣ въ то, что это — гласъ Божій, ни вѣрѣ въ то, что это — дьявольскія козни. Это — историческіе факты, имѣвшіе свои причины и поводы, свои условія и слѣдствія, — факты, въ коихъ были перемѣшаны добро и зло, умное и неразумное, истина и заблужденія, право и безправіе, любовь и ненависть, героизмъ и пошлость, высокое и низкое, полезное и вредное, встрѣчались всѣ противоположности людскихъ характеровъ, какъ и вездѣ, гдѣ дѣйствовали и дѣйствуютъ люди. Это, далѣе, историческіе факты, подлежащіе, повторяю, изученію, анализу, критикѣ, оцѣнкѣ и суду, послѣ которыхъ уже никакому догматизму въ отношеніи къ идеѣ быть не можетъ мѣста, и революція не будетъ уже казаться ни панацеей или универсаль-

нымъ средствомъ, ни вѣчнымъ призракомъ или пугаломъ, страхъ передъ которымъ могъ бы служить оправданіемъ для того, чтобы дѣлать какъ-разъ вещи, нерѣдко, наоборотъ, и доводившія до самыхъ сильныхъ потрясеній. Исторія можетъ показать, что ни догматическая проповѣдь революцій сама не въ состояніи была ихъ вызывать, ни догматическая проповѣдь противъ революцій не могла ихъ остановить и предупредить. Идея совѣмъ лишается своей заманчивости для однихъ и перестаетъ внушать свой страхъ другимъ, едва ея касается научный анализъ, который одинъ только и можетъ научить, какъ вести общество впередъ не непремѣнно путемъ насильственныхъ переворотовъ и какъ, съ другой стороны, предупреждать самую ихъ возможность, не останавливая искусственными мѣрами общественнаго прогресса. На такомъ знаніи и пониманіи и можетъ—да и должна только—основываться въ мирныя и спокойныя времена народной жизни работа государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей, но для этого должна быть наличность извѣстныхъ условий. Послѣднее соображеніе возвращаетъ насъ къ главной темѣ настоящей главы.

О необходимыхъ условіяхъ общественной дѣятельности можно сказать очень многое, но подробную разработку этой темы я приберегу для другого раза. Здѣсь ограничусь самымъ общимъ.

Условія эти могутъ быть весьма различныхъ категорій—условія, дѣлающія общественную дѣятельность возможною и невозможною, условія, при которыхъ она бываетъ болѣе легкою и болѣе трудною, условія, суживающія ея арену или, наоборотъ, эту арену расширяющія, условія ея большей или меньшей успѣшности, большей или меньшей плодотворности, прочности достигнутыхъ результатовъ. Для того, чтобы говорить о каждой изъ этихъ различныхъ категорій, конечно, недостаточно осно-

вываться на однихъ голыхъ разсужденіяхъ: въ основѣ должны были бы лежать факты и сравненія между фактами изъ исторіи разныхъ странъ и одной страны въ разные періоды ея существованія. Я не думаю здѣсь заниматья ни этимъ анализомъ, ни этими сравненіями, но всякій общественный дѣятель долженъ хорошо знать условія своей родной обстановки, дабы, пользуясь примѣрами общественной дѣятельности въ чужихъ краяхъ, понимать всю разницу между тамошними и своими условіями и умѣть дѣйствовать примѣнительно къ послѣднимъ. Что касается до всѣхъ условій бдльшей или меньшей возможности, легкости, успѣшности, плодотворности общественной дѣятельности, которыя существуютъ въ какихъ бы то ни было странахъ, то они могутъ быть внутреннія и внѣшнія. Внутреннія, это—необходимыя качества самихъ дѣятелей, которыя, однако, сами суть результаты дѣйствія условій внѣшнихъ, каковы бдльшая или меньшая образованность всего общества, состояніе общественной нравственности, доля свободы, какою пользуются люди въ данномъ обществѣ. Во всякомъ случаѣ на общественную дѣятельность наибольшее право имѣютъ наиболѣе сильныя умомъ и образованіемъ, чуткостью и преданностью общественнымъ интересамъ, характеромъ и опытностью люди. То общество страшно теряетъ, гдѣ такіе люди не могутъ пробиться впередъ, на мѣсто, принадлежащее имъ по праву. Но положимъ, что общественными дѣятелями будутъ, дѣйствительно, лучшіе люди,—остаются вѣдь еще внѣшнія условія ихъ дѣятельности, которыя могутъ быть, наоборотъ, очень дурны.

Эти внѣшнія условія можно раздѣлить на культурныя и соціальныя.

Культурныя условія, это—общее состояніе образованности и правовъ общества. Нужна извѣстная ступень культурнаго развитія для того, чтобы могла начаться въ

данной средѣ настоящая общественная дѣятельность: на этой именно ступени изъ болѣе или менѣе однородной массы общества выдѣляются единицы, которыя иначе (лучше или хуже, или же въ однихъ отношеніяхъ лучше, въ другихъ иногда хуже) понимаютъ вещи, интересующія массу. Между общественнымъ дѣтелемъ и культурною средою, его окружающею, происходитъ умственный и нравственный разрывъ. Отсталое общество не понимаетъ своихъ передовыхъ дѣтелей, хотя бы они были одушевлены искреннею преданностью его интересамъ и обладали всѣми необходимыми качествами для того, чтобы понимать и осуществлять его благо. Положеніе такого чловѣка дѣлается иногда трагическимъ: ему не довѣряютъ, его преслѣдуютъ, ему отравляютъ жизнь. Это имѣетъ значеніе и въ томъ случаѣ, когда, напр., единичный интеллигентный дѣтель или небольшая кучка такихъ дѣтелей тонетъ въ массѣ такъ называемаго „общества“, и въ томъ, когда разрывъ существуетъ между разными культурными слоями общества, между интеллигенціей и народомъ, къ чему примѣшивается еще различіе между барининомъ и мужикомъ, усиливающее недовѣріе съ послѣдней стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлающее болѣею возможность непониманія и съ первой стороны. Трудно положеніе одинокаго дѣтеля, не встрѣчающаго вокругъ себя ни сочувствія, ни поддержки, будутъ ли вокругъ него люди своего круга, или стоящая на болѣе низкомъ уровнѣ масса. Чѣмъ болѣе путемъ развитія просвѣщенія и народнаго образованія подымается умственный и нравственный уровень верхнихъ общественныхъ слоевъ и хоть сколько-нибудь начинаютъ перебрасываться мостики черезъ пропасть, отдѣляющую интеллигенцію отъ народа, тѣмъ возможнѣе и легче со стороны культурныхъ условій ставится общественная дѣятельность, причемъ, конечно,

умственное и нравственное развитие является условіемъ и умноженія числа дѣятелей.

Общественному дѣятелю нуженъ просторъ, нужна извѣстная свобода. Кромѣ внѣшнихъ условій политическаго характера, лишать человѣка этого простора, стѣснять и ограничивать его свободу можетъ просто само общество, которому по его малой развитости и въ силу преданности унаслѣдованнымъ привычкамъ и обычаямъ каждое, иногда совершенно невинное уклоненіе кажется дерзостью, оскорбляющею общественную нравственность, преступленіемъ противъ общественнаго интереса. Въ подобныхъ случаяхъ, напр., всегда и вездѣ неразвитыя народныя массы охотнѣе слушали кулаковъ изъ своей среды, говорившихъ имъ болѣе привычныя слова, чѣмъ людей безкорыстныхъ изъ другой среды и говорившихъ не ихъ языкомъ.

Противъ культурныхъ золь можно дѣйствовать прямо только культурными средствами (косвенно, конечно, и экономическими, напр.), путемъ распространенія образованія во всѣхъ слояхъ общества,—до пародныхъ массъ включительно. Бдльшая культурность страны неминуемо отражается благотворно и на соціальныхъ ея условіяхъ, понимая подъ послѣдними и экономическій, и политическій ея бытъ. Общій культурный подъемъ—первое условіе бдльшей возможности сколько-нибудь успѣшной и плодотворной общественной дѣятельности. Если откуда-нибудь извнѣ и могутъ исподволь дѣйствовать силы, подтачивающія кольца той непрерывной цѣпи, которая держитъ иногда въ своемъ заколдованномъ кругѣ общество, то главнѣйшія изъ этихъ силъ создаются развитіемъ образованности.

Однимъ изъ важныхъ культурныхъ условій, въ коихъ нуждается общественная дѣятельность, есть развитие общественнаго духа въ самомъ обществѣ. Гдѣ каждый думаетъ только о себѣ, полагая, что „его хата съ краю“, гдѣ не развито сознаніе, что интересы личпаго и част-

наго характера лучше обезпечиваются „всѣмъ міромъ“, а не въ одиночку, гдѣ нѣтъ безкорыстнаго представленія объ общемъ благѣ и нѣтъ понятія объ общественной солидарности, тамъ не можетъ быть большого количества общественныхъ дѣателей, тамъ общественные дѣатели, какіе есть, не могутъ быть поняты и оцѣнены, не могутъ найти сочувствія и поддержки въ той самой средѣ, благо, польза и интересы коей составляютъ задачу ихъ дѣятельности. Слабое развитіе общественнаго духа есть признакъ невысокой духовной культуры общества.

Вообще культурная среда играетъ важную роль въ числѣ условий, отъ коихъ зависитъ общественная дѣятельность. Въ интересахъ этой дѣятельности и въ интересахъ самой же среды, т.-е. того же общества, взятаго со стороны умственныхъ и нравственныхъ своихъ проявленій, нужно заботиться объ общемъ подъемѣ общественной культуры, понимая подъ нею, разумѣется, и народное образованіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Общественный дѣатель долженъ, между прочимъ, поэтому и воспитывать общество, вліять на культурную среду, словомъ и дѣломъ, совѣтомъ и примѣромъ, своею жизнью и своею дѣятельностью: кому много дано, съ того много и взыщется. Однимъ изъ навболѣе раннихъ и самыхъ благородныхъ порывовъ молодежи, впервые ощутившей въ себѣ стремленія здороваго юношескаго идеализма, является желаніе дѣйствовать на среду облагораживающимъ ее образомъ, но для того, чтобы дѣйствовать на пошлую среду, нужно застраховать самого себя отъ возможности подчиниться ея вліянію; для того, чтобы воспитывать другихъ, нужно прежде воспитать самого себя. Человѣкъ, не развившій въ себѣ личности, безсиленъ противъ среды, которая легко передѣлываетъ по своему образу и подобию личности, не успѣвшія развить своего ума, своего нравственнаго чувства и своей воли, укрѣпить въ себѣ при-

вычки всегда правильно мыслить, вопрошать постоянно свою совѣсть и непрестанно трудиться надъ осуществленіемъ своей идеи. Очень молодому уму легко вообразить, что все, что онъ думаетъ, находясь въ извѣстной средѣ, есть его собственная мысль, его собственная дума: въ его душѣ, какъ въ зеркалѣ, нерѣдко отражается лишь ближайшая среда, въ которую онъ попалъ; но вотъ передъ этимъ зеркаломъ—другая картина, и на немъ получается иное изображеніе. Я не скажу даже, чтобы душа должна была уподобляться фотографической пластинкѣ, запечатлѣвающей на себѣ предметы, которые находятся передъ объективомъ: мало ли что передъ камерой можетъ очутиться, и закрѣпить на пластинкѣ лишь одни изображенія значить на вѣки вѣчные сдѣлать ее нечувствительною ко всему другому, снимать же на одну пластинку разные виды значить получить въ результатѣ величайшій сумбуръ. Душа не должна быть ни зеркаломъ, безразлично отражающимъ все, что передъ нею ни поставятъ, ни фотографической пластинкой, на которой можно получить одно какое-либо опредѣленное изображеніе, либо путаницу, въ коей невозможно было бы разобраться: она не есть пассивное воспріятіе, но творчество. Она сама именно творить себя и можетъ творить внѣ себя, если изъ самой себя создастъ творческую силу, способную дѣйствовать извнѣ. Воспитывать другихъ можетъ только тотъ, повторяю, кто воспиталъ себя, передѣлывать среду—тотъ, кто самъ себя передѣлалъ и кого уже среда не передѣлаетъ. Откуда тотъ печальный фактъ, что разъ молодой человѣкъ оставляетъ студенческую среду съ ея идейными и общественными интересами, и попадаетъ въ другую среду съ другими взглядами и стремленіями, какъ съ него постепенно, какъ рукой снимаетъ, и для самого его незамѣтно все, что было въ немъ законной дапью юношескому идеализму? И вотъ говорятъ: „среда заѣла“,

„втянулся въ условія новой обстановки“ и т. п. Да, сильна среда, и прежде чѣмъ итти на борьбу съ такимъ опаснымъ звѣремъ, который можетъ и заѣсть, прежде чѣмъ начать его прирученіе, необходимо развить въ себѣ силу и ловкость.

Человѣкъ нерѣдко принимаетъ за свое собственное развитіе то, чтѣ есть только результатъ вліянія новой среды. Развитіе состоитъ не въ перемѣнѣ одного догматическаго подчиненія на другое подчиненіе, какъ свобода не заключается въ переходѣ отъ власти одного господина подѣ власть другого. То критическое отношеніе, о коемъ столько говорится въ этой моей книжкѣ и такъ много говорилось въ прежнихъ, заключается вовсе не въ отрицаніи того, чтѣ прежде было для насъ авторитетнымъ и остается таковымъ для другихъ, въ отрицаніи, за коимъ непосредственно слѣдуетъ такое же, какъ прежде, подчиненіе другому авторитету, именно авторитету новой среды, въ которую мы перешли: заключается дѣйствительное критическое отношеніе въ отрицаніи самого принципа догматизма, каково бы ни было его содержаніе—старое или новое. Общественный дѣятель самъ долженъ выработать въ себѣ силу критической мысли, но, конечно, окружающая среда можетъ ему въ этомъ отношеніи только помогать или только препятствовать. Общественный дѣятель, умѣющій лишь догматически подчиняться авторитету своей среды, хотя бы даже умной и честной, или только догматически подчинять другихъ своему авторитету, хотя бы для достиженія хорошихъ цѣлей и не безъ успѣха, содѣйствуетъ созданію или, по крайней мѣрѣ, поддержкѣ такихъ условій общественной дѣятельности, противъ которыхъ должна быть направлена ея борьба.

Но довольно объ условіяхъ культурныхъ. Условія социальныя могутъ быть экономическія и политическія. Я не касаюсь первыхъ, такъ какъ въ нихъ заключаются не

столько непосредственныя, выгодныя или невыгодныя, условія общественной дѣятельности лица, сколько условія, сильно вліяющія на всѣ остальные и черезъ нихъ только косвенно на самоё общественную дѣятельность, если только не имѣть въ виду матеріальныхъ средствъ, какія нужны, напр., для благотворительности, распространенія образованія и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ опять-таки общія культурныя и политическія условія опредѣляютъ, насколько въ общественной дѣятельности участвуютъ люди богатые, зажиточные, просто съ нѣкоторыми средствами, или все это—люди, конмъ сильно приходится задумываться надъ своимъ собственнымъ прокормленіемъ и отдавать добыванію средствъ къ жизни все свое время и всѣ свои силы, хотя бы, напр., на какой-нибудь частной службѣ, предаваясь занятіямъ, отъ конхъ общество (въ идеальномъ пониманіи слова) получаетъ мало.

Другое дѣло—общія политическія условія, зависящія отъ той степени свободы, какою въ данномъ государствѣ по всѣмъ наличнымъ условіямъ его собственнаго существованія могутъ пользоваться отдѣльная личность и все общество. Личность въ себѣ самой носитъ свое право на свободу, и общество, какъ совокупность отдѣльныхъ личностей, имѣетъ тоже свое собственное право, а кромѣ того свободнаго проявленія общественныхъ силъ и, слѣдовательно, наибольшаго простора общественной дѣятельности требуетъ и сама польза общества. Съ другой стороны, однако, существуетъ государство и въ каждомъ государствѣ, каково бы ни было его внутреннее устройство и въ какихъ бы отношеніяхъ оно ни стояло къ личности и къ обществу, существуетъ власть, т.-е. молчаливо или громко признаваемое обществомъ и опирающееся на фактическую возможность право распоряженія и принужденія. Свобода и власть, это—два соціологическія понятія, разныя и противоположныя, но не противорѣчивыя и другъ

друга не исключаютія. Свобода есть право личности (и общества, какъ совокупности личностей) распоряжаться собою, такъ какъ личность сама въ себѣ видитъ свою собственную цѣль, и ея право требовать, чтобы ея не распоряжались безъ ея согласія, какъ средствомъ для достиженія цѣлей, ей постороннихъ. Разъ, однако, личность вынуждена существовать въ обществѣ (и въ государствѣ), и это существованіе ей полезно, она не можетъ требовать, чтобы ея свобода была безграничнымъ произволомъ, и даже должна желать, чтобы нѣчто ради ея собственнаго блага ограничивало произволь другихъ личностей, а такъ какъ еще въ общественномъ состояніи своемъ личность не можетъ общественные интересы считать для себя совершенно чуждыми, то она и должна находить нужнымъ такую организацію (государство), которой принадлежало бы принудительное властвованіе, причемъ, замѣтимъ еще, послѣднее можетъ быть или всецѣло передано государству или раздѣлено между нимъ и обществомъ. А кто говоритъ: „власть“, тотъ говоритъ: „право государства (и общества) распоряжаться другими людьми, какъ орудіями для достиженія общественныхъ цѣлей“. Вся задача теоретической и практической политики—найти надлежащія отношенія между свободой и властью, между личностью и обществомъ, какъ совокупностью отдѣльныхъ личностей, носящими въ себѣ принципъ свободы, съ одной стороны, и между обществомъ, какъ цѣлымъ, и его воплощеніемъ въ государствѣ, какъ представителями принципа власти, съ другой. Хотя съ принципиальной точки зрѣнія и можно съ бѣльшею или меньшею удовлетворительностью рѣшить всѣ общіе вопросы, возникающіе на этой почвѣ, и притомъ не вдаваясь въ казуистику, но общаго практическаго рецепта, годнаго для всѣхъ странъ и временъ, для всѣхъ народовъ и государствъ, дать нельзя. Въ теоріи возможно лишь держаться на высотѣ критическаго отношенія, чуждаго вся-

каго догматизма, на практикѣ—сообразоваться съ общими принципами теоріи, съ данными условіями, съ реальными общественными интересами, съ существующими шансами успѣха и неудачи, пользы и вреда. Догматическому обоготворенію свободы или догматическому обоготворенію власти, одной, потому что она—свобода, другой—потому что она—власть,—не слѣдуетъ быть ни въ теоріи, ни на практикѣ. Власть, въ себѣ самой имѣющая свою основу и свою цѣль, или свобода въ такомъ же точно пониманіи,—власть, добивающаяся своего во что бы то ни стало и чтобы отсюда ни вышло, и свобода, не считающаяся ни съ какими реальными условіями возможности пользоваться ею и не принимающая въ расчетъ никакихъ слѣдствій, какія отсюда могутъ произойти,—власть, видящая въ какой бы то ни было свободѣ своего врага, и свобода, отвѣчающая власти тѣмъ же, это—два враждебныхъ догмата, а не двѣ идеи, между коими должно быть найдено правильное отношеніе, двѣ одна другую исключаютія абсолютныя воли, а не двѣ силы, долженствующія служить человѣку въ его личномъ, общественномъ и государственномъ бытіи. Свобода и власть, это тѣ „субботы“, которыя должны существовать для человѣка, но не для которыхъ человѣкъ долженъ существовать. Подчиняя оба понятія идеѣ правъ и нуждъ личности и общества, мы не должны, однако, дѣлать это такъ, какъ поступаютъ люди, которые готовы отстаивать свободу, когда власть не на ихъ сторонѣ, и сами потомъ прежде всего дорожатъ властью, разъ она попадаетъ въ ихъ руки, совсѣмъ забывая чужую свободу. Свобода вытекаетъ изъ правъ личности, и моя свобода не можетъ основываться на какомъ-либо принципѣ, кромѣ того, на которомъ основывается и чужая свобода. Существованіе власти есть социальная необходимость, и въ чьихъ рукахъ власть ни находилась бы—въ моихъ ли, въ чужихъ ли, это одно не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы я

въ первомъ случаѣ не ставилъ ей во имя чужой свободы тѣхъ границъ, какія во имя моей свободы нашель бы нужнымъ ей поставить во второмъ случаѣ.

Въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ свободы и власти, личности, общества и государства между теоріей и практикой не должно было бы существовать разногласія. Только узко-догматическія теоріи находятся въ противорѣчій съ дѣйствительностью, и лишь историческая основа даетъ возможность критическому методу выработать идеальныя и вмѣстѣ съ тѣмъ реалистическія принципы теоретической политики. Только практика, руководимая вѣрными идеями и знаніемъ фактовъ, не будетъ итти въ разрѣзъ съ теоріей. Для общественной дѣятельности это — вопросъ величайшей важности, поскольку общественная дѣятельность есть проявленіе общества, дѣйствіе его свободныхъ и живыхъ силъ. Какъ можно болѣе думать и узнавать объ этомъ вопросѣ, подвергая его всестороннему, научному, критическому разсмотрѣнію, пользуясь данными теоретической и исторической его разработки, — одна изъ обязанностей каждаго, предающагося или готовящагося къ общественной дѣятельности. Вопросъ этотъ окончательна не рѣшенъ еще ни наукою, ни жизнью: вся исторія состоитъ въ вѣчныхъ его постановкахъ и перерѣшеніяхъ, а исторіи никто остановить не можетъ.

Какovy должны быть политическія условія общественной дѣятельности, этотъ вопросъ сводится уже къ тому, какovy должны быть взаимныя отношенія личности, общества и государства, взаимныя отношенія свободы и власти, женія и порядка. Времена того, что нѣмцы назвали 'eistaat'омъ, съ свойственными всякому деспотизму догматичностью и фанатичностью, охранявшими только власть, государство, только порядокъ, къ счастью, уходять вѣковъ, и пужно желать такого будущаго для чѣ, когда и само свободное развитіе личныхъ и

общественныхъ силъ и стремленій не будетъ никоимъ образомъ оправдывать какого бы то ни было догматизма, фанатизма и деспотизма въ служеніи принципамъ, на конхъ зиждется это развитіе: вѣдь бывали и такія времена, когда свободу навязывали насиліемъ—опять-таки встѣдствіе догматическаго отношенія къ идеѣ (на этотъ разъ уже не къ власти, а къ свободѣ). Въ задачу настоящей книжки, однако, уже не входитъ выясненіе принциповъ самой общественной жизни. Последнее можетъ быть темою лишь отдѣльнаго разсмотрѣнія. Но здѣсь, прощаясь съ читателемъ, я не могу не выразить желанія, чтобы общественная дѣятельность не только внутренне все болѣе и болѣе усовершенствовалась, становясь все болѣе и болѣе разумной, честной и полезной, но и извнѣ приобрѣтала силу, становясь все болѣе и болѣе дорогимъ самому обществу правомъ и дѣятельностью все болѣе и болѣе свободною.

А о томъ, каковы должны быть взаимныя отношенія личности, общества и государства, ихъ правъ и ихъ обязанностей, можно будетъ, если представится случай и будетъ надобность, поговорить и въ другой разъ. Впрочемъ, надобность есть всегда, а свободное время можно и найти.

С. Аносово.
16—25 августа 1895 г.

№ 11802

